

БАБЬЯ СТОРОНА.

Статистико-этнографическій очеркъ.

Д. Н. Жбанкова.

КОСТРОМА.
Въ губернской типографіи.
1891.

Изъ 8-го выпуска *„Материаловъ для статистики Костромской губ.,“* — издаваемыхъ Костромскимъ губ. статист. комитетомъ.

БАБЬЯ СТОРОНА.

Статистико-этнографическій очеркъ.

(Посвящается Василю Геспадіевичу Пирогову.)

Пробъзжающимъ въ лѣтнее время по сѣверозападной части Костромской губерніи и особенно по Солигаличскому и Чухломскому уѣздамъ, вѣроятно, бросалось въ глаза поразительное численное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами. Волѣ сильные представители здѣшняго крестьянства изгнаны отсюда нуждой, и мы находимся въ мифологическомъ царствѣ амазонокъ, которыхъ встрѣчается здѣсь многое множество: сидя по-мужски, чаще безъ сѣдла и съ голыми болтающимися полами, мирныя наѣздницы скачутъ иногда едва-ли хуже своихъ воинственныхъ предшественницъ. Только не удалъ и не искупіе военныхъ подвиговъ заставили здѣшнихъ обитательницъ взобраться на быстропогихъ коней и не приходится имъ думать о проявленіи своихъ доблестей... Тотъ-же всеисильный властитель, — нужда, изгнавшій отсюда мужчинъ, заставляетъ молодыхъ и старыхъ, беременныхъ и больныхъ крестьянокъ съ трудомъ взбираться на своихъ сивокъ и бурокъ и тащиться на работу въ поле, за вѣстами отъ мужа на почту, за покупками на базарь. Если вы будете нарочно считать попадающихся вамъ на встрѣчу пѣшихъ и конныхъ, то на одинъ-два десятка женщинъ насчитаете только двухъ-трехъ представителей изгнанной сильной половины человеческого рода. Итакъ повсюду: во всѣхъ мѣстахъ и видахъ проявленія крестьянской жизни и дѣятельности преобладаютъ женщины. Особенно рѣзко наблюдается это лѣтомъ и въ началѣ осени, когда дѣятельность крестьянъ вся внѣ дома, на виду, а мужчины въ это время преимущественно находятся на сторовѣ. При уборкѣ хлѣба, на

сѣновосѣ, на молотѣ мужчины составляютъ единицы, а женщины десятки и сотни; только на самой тяжелой полевой работѣ—пахотѣ преобладаютъ мужчины, но и въ этомъ случаѣ поле не усѣяно пахарями, какъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ, а въ разныхъ мѣстахъ его ползаютъ 2—4 пахари и среди нихъ часто замѣщаются также 1—2 рослыхъ бабы, управляющіяся и съ этой коренной полевой работой безъ мужской помощи. На общественныхъ работахъ, напр. при починкѣ дорогъ, главную массу рабочихъ составляютъ женщины; а въ сторонѣ отъ нихъ стоитъ небольшая кучка мужиковъ, покуривающихъ трубки и сигарки, это—сельскія власти. На лѣтнихъ базарахъ, среди сарафановъ и платьевъ, разбросаны отдѣльные *пинжаки* и сермаги; обладатели этихъ *пинжаковъ* въ большинствѣ случаевъ не простые посѣтители базаровъ, а власти, собирающія при удобномъ случаѣ подати, торговцы, всевозможные скупщики, извозчики съ обозами, тракторные и кабацкіе завсегдатаи, дѣз-за своей слабости живущіе дома. Даже въ кабакахъ и трактирахъ въ эти дни визгливые пьяные жепскіе голоса заглушаютъ часто басовыя хриплыя ноты, и нерѣдко послѣ базара на площадяхъ, или по дорогѣ валяются нѣсколько бабъ, не уступающихъ въ пьянствѣ своимъ повелителямъ. Особенно чухломскіе базары отличаются обиліемъ подгулявшихъ и ругающихся бабъ... Здѣшнія деревни во время лѣтнихъ храмовыхъ праздниковъ не отличаются обыкновеннымъ русскимъ шумомъ и гамомъ; въ хоровомъ пѣніи участвуютъ исключительно однѣ молодухи и дѣвушки, и только въ сторонѣ слышится отдѣльный пьяный мужской голосъ. Звукъ гармоники слышится рѣдко, развѣ только завернетъ на праздникъ какой нибудь парель, призывающійся въ этомъ году на службу и потому оставшійся жить дома, по избѣжанію расходовъ на двойную дорогу. Не встрѣтите вы въ нихъ и ископныхъ русскихъ хороводовъ и выдѣлывающихъ колѣнца парелей въ красныхъ рубахахъ. Только однѣ молодухи и дѣвицы составляютъ круги, поютъ пѣсни, и подъ пѣсни, за недостаткомъ музыки, танцуютъ распространенныя здѣсь *кадрели* и *ляисѣ*. За кавалеровъ танцуютъ тѣже дѣвицы или покружѣе подростки 13—14 лѣтъ, еще не отпра-

ленные въ Питеръ. Рѣдко какой-нибудь неудачникъ подойдетъ къ кругу, но и ему скоро дѣлается не по себѣ, вслѣдствіе одиночества, и онъ отправляется къ бражничающей компаніи стариковъ. Другое дѣло—зимнія игрыща, о которыхъ поговоримъ подробнѣе потомъ, но и они устраиваются по инициативѣ дѣвушекъ—невѣсть: онѣ сами выбираютъ деревни, несуть всѣ расходы для устройства различныхъ бесѣдокъ,—этихъ сѣтей, въ которыя ловятся развѣзжающіе женихи-питерщики...

Если вамъ пришлось попасть лѣтомъ въ волостное правленіе, во время сбора недоимщиковъ, то опять-таки среди разнообразныхъ платковъ мужскія непокрытыя головы выдаются только благодаря большому росту мужчинъ. На вызовъ писаремъ Ивана Петрова или Петра Иванова, тоже выдвигается впередъ Марфа Иванова или Акулина Степанова и начинаетъ причитать, что ея мужъ замотался въ Питеръ и отъ него, пьяницы, пѣтъ *присылу* для уплаты податей. Въ нѣкоторыхъ маленскихъ деревняхъ лѣтомъ вовсе не остается мужчинъ и представителями ихъ являются или все бродящіе старики, или мальчики не старше 12—13 лѣтъ. На ваше желаніе повидать десятекаго, является въ этихъ деревушкахъ дряхлый полуслѣпой старикъ или чаще длинноволосый десятскій и иногда съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Въ силу необходимости обитательницы Чухломскаго и Солигаличскаго уѣздовъ сдѣлались не только амазонками, но даже представителями власти,—имъ дозволяется быть селенскими десятскими¹⁾. Но нельзя сказать, чтобы солигаличчанки были благодарны за нѣкоторое уравниніе ихъ въ правахъ съ мужчинами... Въ школахъ здѣшнихъ мальчики составляютъ не 80—90% всѣхъ учениковъ, какъ въ большинствѣ школъ деревенской Россіи, а только 60 и 50%. Очевидно, женское преобладаніе сказалось даже въ той области, куда, по русской поговоркѣ— „у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ“, доступъ женщинамъ считается всегда и труднымъ, и ненужнымъ. Нечего и говорить, что въ силу неизбѣжности, женщина здѣсь стала полной хо-

¹⁾ Объ этомъ см. ниже.

вѣйкой дома: она исполняетъ всѣ работы полевныя, она-же ведетъ и все хозяйство. Если вы пожелаете познакомиться съ здѣшнимъ сельскимъ хозяйствомъ, то на ваши распросы, отъ многихъ молодыхъ мужчинъ вы получите крайне неудовлетворительные отвѣты, а иной и прямо отвѣтитъ: „не знаю хорошенько, у меня всѣмъ этимъ заправляеть хозяйка.“ Но не даромъ дается здѣшней жещицѣ вся эта распосторонняя и трудная дѣятельность: если мы повсюду находили преобладаніе жещицъ, то значительный перевѣсъ ихъ наблюдается и среди большихъ. Такъ напр. въ Карцовской больницѣ Солигаличскаго уѣзда среди амбулаторныхъ больныхъ мужчины составляютъ только 26,4⁰/₀, дѣти 25,4, а жещицы 48,2⁰/₀; въ лѣтніе мѣсяцы разница еще болѣе невыгодная,—жещицы составляютъ около 55⁰/₀, т. е. слишкомъ вдвое болѣе мужчинъ!

Описываемая нами „бабья сторона“ находится въ той части Россіи, которая отличается большимъ процентомъ женскаго населенія сравнительно съ мужскимъ; такъ по проф. Янсону, Костромская губернія занимаетъ въ этомъ отношеніи второе мѣсто въ Россіи послѣ Ярославской. Въ послѣдней на 100 муж. приходится 115,3 жещ., а въ первой 113,1; но по свѣдѣніямъ Костром. статистическаго комитета, процентъ жещицъ еще болѣе повысился, а именно въ 1886 г. во всей губерніи на 100 муж. было уже 116,6 жещицъ. Но по одному этому обстоятельству нужно приписать прекалнрованное жещицъ въ двухъ вышеназванныхъ уѣздахъ, а другому болѣе важному фактору—отходу мужчинъ на сторону для заработковъ, и такъ какъ отсутствіе изъ дома большинства мужчинъ приходится преимущественно на конецъ весны, лѣто и начало осени, то преобладаніе женскаго населенія всего рѣзче наблюдается во время лѣта и полевныхъ работъ. Отхожіе заработки вызываютъ большую заболѣваемость и смертность мужчинъ, ¹⁾ почему *отходъ и является главной причиной сейчасъ указаннаго дѣя-*

¹⁾ См. въ VII выпускѣ „Матеріаловъ для статистики Костромской губерніи“ мою статью: „Вліяніе отхожихъ заработковъ на движеніе народонаселенія Костромской губерніи.“

стательнаго и постояннаго преобладанія женскаго населенія въ отхожихъ губерніяхъ. Ярославская и Костромская—двѣ первыя губерніи въ Россіи по величинѣ отхода, и потому въ нихъ численный перевѣсъ женщннъ значительнѣе всѣхъ остальныхъ. Тоже подтверждается на отдѣльныхъ частяхъ губерніи и даже уѣзда. Въ 1880 г. въ восточныхъ уѣздахъ Костромской губерніи—съ малымъ отходомъ на 100 муж. было 113,4 жеп. (минимумъ 112,0 въ Ветлужскомъ, изъ котораго уходятъ очень немногіе); въ югозападныхъ съ среднимъ отходомъ 118,3 жепц., а въ сѣверозападныхъ, преимущественно отхожихъ уѣздахъ—120 (максимумъ въ самомъ отхожемъ Чухломскомъ—125,1). Или, въ одномъ Кологривскомъ уѣздѣ, который можно раздѣлить на три части: въ сѣверозападной съ значительнымъ развитіемъ отхожихъ промысловъ въ 1880 году на 100 муж. было 120,8 жеп., въ южной съ среднимъ отходомъ—117,5 и въ сѣверовосточной съ осѣдлымъ населеніемъ только 109,6 жеп. Угнетающее вліяніе отхода на мужское населеніе прогрессируетъ очень быстро съ возрастаніемъ отхода; такъ въ 1870 г. на 100 муж. въ губерніи было только 113,1 жеп., а въ 1880 г. уже 117,4 жеп. (впрочемъ въ 1886 г. это число нѣсколько понизилось до 116,6), и нужно замѣтить, что особенно пагубны въ этомъ отношеніи продолжительные городскіе отхожіе заработки въ той формѣ, въ какой они развились преимущественно въ Чухломскомъ и Солигаличскомъ уѣздахъ.

Мы взглянули пока на отхожую полосу только à vue d'oiscan и уже натолкнулись на два вредныхъ вліянія отхода: усиленную смертность мужчинъ на сторонѣ и обремененіе полевыми работами одного женскаго населенія. Далѣе мы увидимъ, что много и другихъ вредныхъ условій заключаютъ въ себѣ отхожіе заработки, что есть въ нихъ и нѣкоторыя выгодныя вліянія, но все это ничто передъ пуждой—этимъ страшнымъ стимуломъ, двигающимъ широкія народныя волны изъ здѣшнихъ мѣстъ въ Петербургъ и другіе центры. Этотъ стимулъ все приуменьшаетъ и все оправдываетъ... Если мы въ настоящее время не можемъ улучшить сразу экономическія условія народной жизни, то мы не

имѣемъ права относиться только отрицательно къ болѣе непормальнымъ явленіямъ этой жизни, изъ которыхъ на видномъ мѣстѣ стоятъ отхожіе заработки. Необходимо возможно тщательно изучать эти явленія, отдѣляя въ нихъ выгодное отъ невыгоднаго, полезное отъ вреднаго, то, что можно оставить и улучшить, отъ того, что нужно совсѣмъ уничтожить. Отхожіе заработки, составляющіе для народа одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ дохода, принадлежатъ именно къ такимъ непормальнымъ явленіямъ, которыя начались уже очень давно и не могутъ быть уничтожены однимъ ударомъ, какъ-бы они ни были вредны. По нашему мнѣнію, отхожіе заработки останутся еще надолго въ Россіи, они будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока каждая отдѣльная мѣстность не обезпечитъ вполне жизнь всего своего населенія. Съ приближеніемъ къ этому идеалу и вообще съ улучшеніемъ экономическаго положенія Россіи, отхожіе заработки будутъ уменьшаться и видоизмѣняться такимъ образомъ, что болѣе темныя стороны, не вытекающія изъ сущности отхода, будутъ постепенно уничтожаться, да и неизбежныя недостатки примутъ мѣло мрачный оттѣнокъ. Пояснимъ это примѣромъ. Разлука съ семьей и родными есть неизбежная вредная сторона отхода, но ее можно уменьшить тѣмъ, что отходъ направить въ болѣе близкія мѣста и на непродолжительное время. Обремененіе женщинъ работами, безпомощность одинокихъ отхожихъ промышленниковъ на сторонѣ—вредныя условія, которыя не непременно должны вытекать изъ отхода и ихъ можно совершенно устранить устройствомъ артелей, общинной обработкой земли. Но оставимъ будущее отхода и перейдемъ къ его настоящему.

Вопросъ объ отхожихъ заработкахъ относится къ числу мало изслѣдованныхъ, сравнительно съ другими вопросами изъ крестьянской жизни; такъ напр. въ лучшемъ и болѣе подробномъ нашемъ статистическомъ сборникѣ проф. Янсона отхожимъ заработкамъ удѣлены всего двѣ страницы. Почтенный авторъ говоритъ, что частному изслѣдователю трудно выбрать разбросанныя данныя объ отходѣ изъ всевозможныхъ источниковъ, и что эти данныя неоднородны и потому по-

удобны для сводки и выводов¹⁾. Кроме того нужно указать и на разнообразіе отхожихъ заработковъ, такъ что составленіе какой-либо общей программы для изслѣдованія едва-ли возможно. Можетъ-быть, отходъ изученъ мало и потому, что до послѣдняго времени ему приписывали гораздо меньшее значеніе для пародной жизни, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ.

Отхожіе заработки или промыслы можно раздѣлить на пять главныхъ группъ: *земледѣльческіе, черныи отходъ, заработки на фабрикахъ, деревенскій ремесленный и городской ремесленный отходъ*. Между этими группами есть переходныя ступени, особенно въ такихъ губерніяхъ, какъ Костромская, гдѣ встрѣчаются заразъ все пять нѣсколько формъ отхода. Укажемъ сначала на общія черты отхожихъ заработковъ.

Идутъ на сторону крестьяне только тогда, когда ихъ родина почему-либо не можетъ удовлетворить все ихъ настоятельныя нужды. Исключеніе составляютъ только немногіе скушники и торговцы, которыхъ гонять на сторону не нужда, а корысть. Почти повсюду огромное большинство промышленниковъ—мужчины; женщины болѣе прикованы къ дому семьями и хозяйствомъ, и дорога на сторону для нихъ затруднительнѣе. Самостоятельный женскій отходъ главнымъ образомъ наблюдается въ фабричныхъ мѣстностяхъ, для работъ на фабрикахъ, и изъ мѣстностей, близкихъ къ городамъ, куда онѣ идутъ въ качествѣ всякаго рода прислуги. Впрочемъ есть мѣстности съ развитіемъ и отдаленнаго женскаго отхода, такъ напр. изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Тверской и Новгородской губерній свободныя женщины, т. е. вдовы и дѣвушки уходятъ на все дѣло въ Петербургъ для работъ на огородахъ; тоже наблюдается и въ подмосковныхъ уѣздахъ. Отхожіе заработки, подобно главному занятію крестьянъ—земледѣлію, отличаются также строгимъ консервативнымъ характеромъ въ большинствѣ мѣстностей; въ какую форму отлился отходъ изъ извѣстнаго мѣста, въ той онъ и

¹⁾ Ю. Э. Япсонъ. Сравнительная статистика Россіи, Т. I, стр. 371.

продолжается без рѣзкихъ колебаній. Видъ отхожихъ заработковъ, мѣсто ихъ направленія, величина заработка отличаются постоянствомъ, и только размѣры отхода колеблются сильнѣе, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и требованія на работниковъ въ мѣстахъ заработковъ. Постоянство отхода сохраняется иногда даже при невыгодности и неудобствахъ его для населенія, что видно изъ слѣдующаго примѣра: въ Чухломскомъ и Солигаличскомъ уѣздахъ все болѣе распространяется обычай среди крестьянъ-мужчинъ носить городскую одежду—„ципжаки“ и пальто и пр. Но солигаличане и чухломцы до послѣдняго времени не выдѣляютъ части своихъ отхожихъ промышленниковъ для обученія нужному для нихъ портняжному ремеслу, а въ эти уѣзды являются портные изъ Галичскаго и другихъ уѣздовъ. Тоже самое наблюдается и относительно другихъ ремеселъ: сапожники, валеньщики, шерстобиты здѣсь болѣею частію пришлые. Такимъ образомъ во многихъ мѣстностяхъ крестьяне уходятъ на сторону для заработковъ, тогда какъ заработковъ можно достать и около себя, въ своемъ или сосѣднемъ уѣздѣ, и за этимъ заработкомъ являются по заведенному обычаю промышленники изъ другихъ болѣе отдаленныхъ уѣздовъ и губерній. Очевидно, что такіа взаимныя замѣщенія очень невыгодны: ненужная трата на дорогу, разлука съ семьей, забрасываніе хозяйства съ обѣихъ сторонъ и т. д.

Кромѣ этихъ общихъ условій, во всемъ остальномъ каждый видъ отхода рѣзко отличается отъ остальныхъ формъ. Земледѣльческіе отхожіе заработки развиты преимущественно въ З—польной черноземной полосѣ Россіи, такъ какъ населеніе губерній этой полосы привычно только къ одному земледѣлію и изъ-за него еще не успѣло научиться другимъ промысламъ. Близость „степи“, „Самары“, „Тавріи“, дающихъ иногда хорошія деньги направляющимся сюда волнамъ земледѣльческаго отхода, также составляетъ важную причину, что крестьяне-земледѣльцы идутъ на югъ на знакомыя имъ работы. Земледѣльческіе заработки наблюдаются въ главныхъ двухъ формахъ: массовыя передвиженія рабочихъ для снокоса, жатвы и наемъ отдѣльныхъ рабочихъ.

къ различнымъ землевладѣльцамъ въ сосѣднихъ уѣздахъ или отдаленныхъ губерніяхъ. Первая форма наблюдается исключительно на югѣ, а вторая во всей Россіи. Есть и другія болѣе мелкія группы, напр. отхожіе исполнители у колонистовъ (Червинскій). Болѣе характерныя особенности массоваго земледѣльческаго отхода: сохраненіе артельного начала, котораго у городскихъ промышленниковъ вовсе не наблюдается; большая рискованность этого отхода относительно заработка, — многіе возвращаются домой „Христовымъ именемъ“ и, въ среднемъ, эти рабочіе зарабатываютъ менѣе всѣхъ остальныхъ, кромѣ чернаго отхода и, наконецъ, результатомъ хожденія въ „степь“, на „Кавказъ“ явилось другое важное экономическое движеніе въ Россіи — отдѣльныя и массовыя переселенія крестьянъ. Переселеніе, возбудившее огромный интересъ въ русскомъ обществѣ, заставило обратить вниманіе и на одну изъ причинъ его — земледѣльческій отходъ, почему изслѣдованію его посчастливилось болѣе, чѣмъ остальнымъ формамъ отхожихъ заработковъ¹⁾. Такъ какъ передвиженіе большихъ массъ народа и частое печальное возвращеніе ихъ домой обратило уже давно на себя вниманіе общества, то нѣкоторые земства предполагали даже устроить конторы, агентуры²⁾. Земскіе агенты должны были быть посредниками между мѣстами, нуждающимися въ рабочихъ и мѣстами, нуждающимися въ работѣ, имъ надлежало уничтожить рискъ у идущихъ на заработки, уменьшить ихъ конкуренцію и поднять заработокъ, обезпечить для каждой мѣстности нужное число рабочихъ. Вышло-ли что-нибудь изъ этихъ благихъ пожеланій, мы не можемъ сказать по недостатку свѣдѣній объ этомъ вопросѣ, но было-бы крайне интересно узнать подробности этой *первой попытки регулировать отходъ. Чернымъ отходомъ*³⁾

¹⁾ Чаславскій. Земледѣльческіе отхожіе промыслы въ связи съ переселеніемъ крестьянъ. Сборн. государ. знаній, т. II.—Червинскій. Экономическія скитанія. Отеч. Записки, 1880. Книги 6—7.

²⁾ Д. Л. Мордовцевъ. Десятилѣтіе русскаго земства, 1864—1875 г., стр. 78 и слѣд.

³⁾ Червинскій. Id.

называется та форма его, при которой отъ уходящихъ не требуются знанія, искусства и ремесла, а только одна мускульная сила. Они исполняютъ самыя низшія, тяжелыя и грязныя работы въ городахъ, по рѣкамъ, на желѣзныхъ дорогахъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся какія-либо обширныя работы и сооруженія. Встрѣчается этотъ отходъ во всѣхъ губерніяхъ, но особенно онъ важенъ и приложимъ въ крестьянамъ земледѣльской полосы, которые только и могутъ штатать прорѣхи въ своемъ хозяйствѣ черными и земледѣльческими работками. На черный промыселъ, подобно земледѣльческому, идутъ также или массами, или въ одиночку. Отдѣльно идущіе направляются преимущественно въ большіе города и другіе центры, гдѣ они исполняютъ роль носильщиковъ, ломовыхъ извозчиковъ, дворниковъ, низшихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, занимающихся очисткой нечистотъ и пр. Артелями они работаютъ на пристаняхъ и желѣзныхъ дорогахъ при нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ, при исправленіи и очисткѣ пути; по рѣкамъ они служатъ матросами на судахъ, сплавляютъ лѣсъ, баржи; на заводахъ мускульная сила ихъ замѣняетъ паровую. Но особенно большими массами скопляются черноотходники при большихъ сооруженіяхъ, при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, при выработкѣ торфа, каменнаго угля. Черный отходъ отличается отъ остальныхъ гораздо меньшимъ заработкомъ, большой смертностью уходящихъ, вслѣдствіе полного отсутствія гигиеническихъ условій при ихъ тяжелыхъ работахъ, измѣненіемъ направленія отхода, такъ какъ послѣ окончанія какой-либо капитальной работы массы рабочихъ освобождаются и должны искать или ждать, когда въ другомъ мѣстѣ начнутся подобныя работы. Одно изъ коренныхъ отличій земледѣльческаго и черного отхода то, что въ нихъ зачастую сохраняется *артельное начало*, хотя нѣсколько облегчающее тяжелую жизнь отходниковъ на сторонѣ. Въ остальныхъ трехъ видахъ отхожихъ заработковъ артелей почти вовсе не встрѣчается: въ нихъ всякій идетъ за свой страхъ и счетъ. Описанные два низшіе вида заработковъ наблюдаются въ Костромской промышленной губерніи въ незначительныхъ размѣрахъ; въ ней преобладаютъ

остальные три вида отхожих промыслов высшего разряда. Такъ какъ въ Костромской губерніи, какъ и въ остальной промышленной полосѣ Россіи, населеніе мало надѣется на землю, то оно и старается поддержать свое незавидное существованіе изученіемъ какихъ-либо специальныхъ работъ и ремеслъ. И дѣйствительно въ различныхъ частяхъ губерніи занятія и промыслы населенія очень разнообразны: работа на фабрикахъ и заводахъ, лѣсопромышленность, кустарные промыслы и отхожіе заработки. Такая разносторонняя дѣятельность костромичей дѣлаетъ губернію очень важной и интересной для изученія русской народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ настоящимъ сѣрымъ пахаремъ, который возлагаетъ всѣ свои надежды на кормилицу — землю и изъ-за своей сохи мало что видитъ впереди. Рядомъ съ нимъ еще болѣе грубый пахарь — лѣсопромышленникъ, который полгода корпится надъ землей, а полгода зимой возится весь въ снѣгу въ лѣсахъ, питаясь хлѣбомъ, засохшимъ какъ камень, и засыпая весь мокрый въ холодной лѣсной избушкѣ, отапливаемой очагомъ. Ему пужны послѣ такой работы сильныя ощущенія, и потому онъ, подобно своему лѣсному сосѣду — медвѣдью, во время праздниковъ начинаетъ играть по плечамъ и головамъ своихъ товарищей „цурочкой,“ которая больше доброй оглобли. Давно зародился въ нашей губерніи и бѣдный кустарь, трудами котораго пользуются всѣ, кромѣ его самого: около кустаря вьшаты кулаки, скупщики, торговцы, опутывающіе его съ ногъ до головы и выжимающіе сотни тысячъ. Но теперь кустарь падаетъ все больше и больше, въ однихъ мѣстахъ вслѣдствіе сильнаго истребленія лѣса, — матеріала для кустарничества, а въ другихъ его сильно давитъ надвигающаяся цивилизація въ видѣ фабрикъ и обращаетъ его въ ловкаго вызженнаго фабричнаго. Русскому человѣку почти всегда было тѣсно и скучно жить въ одномъ мѣстѣ, онъ любитъ постранствовать, и костромичи начали давно бродить по всей матушкѣ Россіи. Издавна славилась костромскіе плотники, но это были тоже лапотники, и теперь ихъ замѣнили щеголи — *солари* и настоящіе городскіе жители — *питеричики*. Выработка лѣса

ведется допотопнымъ хищническимъ способомъ; по словамъ одного корреспондента, убыль вслѣдствіе отрубанія и бросанія на мѣстѣ большихъ верхушекъ, пригодныхъ на дрова, у строеваго лѣса и срубанія такихъ деревьевъ, которые оказываются не установленной мѣры въ отрубѣ и бросаются гнить въ лѣсу, убыль отъ этого составляетъ, по крайней мѣрѣ, 5% всей вырубкы. Владѣльцы „изъ лѣсныхъ пространствъ извлекаютъ не доходъ, а прямо капиталъ, и разъ разработанная дача превращается въ пустыню на всегда“. Не менѣе допотопнымъ способомъ ведутся и лѣсные кустарные промыслы: судостроеніе, дегтарное производство, смолокуреніе, выработка мочальнаго товара, щепныхъ издѣлій. Но съ истребленіемъ лѣсовъ промыслы эти все болѣе падаютъ. Ближе къ Волгѣ, вмѣстѣ съ льноводствомъ, находимъ другіе кустарные промыслы — ткацкія свѣтелки, гдѣ прежде мирный глава семейства съ своими домочадцами производилъ извѣстныя костромскія полотна. Теперь все болѣе разбѣгаются эти домочадцы. Приманиваютъ къ себѣ большими заработками кустарей шумныя, свѣтящіяся тысячами огней огромныя зданія и окружающія ихъ увеселительныя *монъ-плезуры*, въ которыхъ 6-дневный человѣкъ — машина становится снова человѣкомъ, но какимъ?... Падаютъ власть земли, рукатся старинныя кустарныя традиціи... Но не смотря на такое разнообразіе занятій и промысловъ, Костромская губернія дѣлится на три довольно рѣзко обособленныя части ¹⁾, изъ которыхъ въ каждой кромѣ земледѣлія преобладаютъ тѣ или другіе промыслы или одинъ изъ вышеупомянутыхъ видовъ отхожихъ заработковъ. Въ восточной части губерніи занимаются преимущественно земледѣліемъ и лѣсопромышленностью, въ югозападной — льноводствомъ, работой на фабрикахъ и отчасти деревенскимъ ремесленнымъ отходомъ, въ сѣверозападной главн. обр. и развиты отхожіе заработки, — въ трехъ уѣздахъ главн. обр. деревенскій ремесленный отходъ (Макаръевскомъ, Кологривскомъ и отчасти Буйскомъ), а въ трехъ — преимущественно городскіе отхожіе заработки (Чухломскомъ,

¹⁾ См. вышеупомянутую статью „Вліяніе отхож. зараб. на движеніе народонаселенія“ въ VII выпускѣ.

Солигаличскомъ и Галичскомъ). Я преимущественно въ этой статьѣ буду говорить о Солигаличскомъ и Чухломскомъ уѣздахъ, такъ какъ Галичскій болѣе удаленъ отъ моего мѣстожителства и менѣе мнѣ знакомъ. Фабричныхъ заработковъ мы здѣсь касаться не будемъ, скажемъ нѣсколько словъ о деревенскомъ отходѣ, а затѣмъ и перейдемъ къ главному предмету нашей статьи—городскимъ отхожимъ заработкамъ. Занимающіеся *деревенскимъ ремесленнымъ отходомъ* научаются ремесламъ на мѣстѣ въ своихъ деревняхъ; это—ремесла, необходимыя для крестьянъ, для деревенской жизни, какъ-то: плотники и пильщики, точильщики и серпозубы, деревенскіе портные и сапожники, валенщики и шерстобиты, коробщики, коновалы, стекольщики. Жизнь этихъ промышленниковъ, характеръ и веденіе ихъ промысловъ совершенно отличны отъ жизни и промысловъ питерскихъ. Ремесла ихъ идутъ преимущественно зимой или вообще во время, свободное отъ полевыхъ работъ и, кромѣ того, для нихъ нѣтъ необходимости отлучаться очень далеко отъ дому,—большинство промышленниковъ, особенно портные и сапожники, уходятъ не далѣе 100—200 верстъ отъ своихъ деревень. Благодаря этимъ условіямъ, *деревенскіе промышленники* не поставлены въ необходимость совершенно забрасывать земледѣліе. Если нѣкоторые изъ нихъ и уходятъ весной послѣ посѣва яровыхъ, то на сѣнокосъ и уборку хлѣба они возвращаются домой, чтобы потомъ снова уйдти осенью. Поэтому у нихъ и наблюдается два срока для отхода—весенній и осенне-зимній. Нужно замѣтить, что въ видахъ того-же сохраненія земледѣлія, на сторону обыкновенно уходятъ *лишніе члены* семьи и дома всегда уже остается одинъ мужчина для домашнихъ работъ. Но не одно желаніе сохранить земледѣліе заставляеть этихъ промышленниковъ уходить въ свободное отъ полевыхъ работъ время, а и самыя условія ихъ заработковъ: работу для себя на сторонѣ они могутъ найти именно только въ это время, такъ какъ давальцамъ работы также не до постройки и не до шитья обуви и платья во время сѣнокоса и страды. Время взятія паспортовъ—нашего мѣсяца отхода—вполнѣ подтверждаетъ только-что сказанное. Въ 1880

году взято паспортовъ годовыхъ и полугодовыхъ въ %:

	Зимой	Весной	Лѣтомъ	Осенью
Буйскій у.	19,8	44,8	14,3	21,1
Кологривскій	10,5	40,0	9,7	39,8
Макарьевскій	16,2	19,1	12,2	52,5

Въ уѣздахъ съ городскимъ отходомъ число паспортовъ, взятыхъ весной, составляетъ около 70% (см. ниже), а въ этихъ трехъ менѣе половины, и чѣмъ ниже мы спускаемся отъ первыхъ уѣздовъ къ уѣздамъ съ деревенскимъ отходомъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ % паспортовъ, взятыхъ осенью, т. е. по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ: Кологривскій и особенно Макарьевскій—главные представители по числу деревенскихъ заработковъ, въ Буйскомъ встрѣчается не мало и питерщиковъ. Деревенскіе ремесленники не имѣютъ такихъ опредѣленныхъ мѣстъ для заработковъ, какъ москвичи и питерщики: дорога и работа у первыхъ соединены вмѣстѣ. Такъ какъ ремесла ихъ нужны почти исключительно для крестьянъ, то бродятъ они изъ деревни въ деревню, останавливаясь на время тамъ, гдѣ найдутъ работу. Ходятъ они рѣдко поодиначкѣ, а, глядя по ремеслу, соединяются въ небольшія группы по 2—5 человекъ—хозяинъ, помощникъ и ученики или гораздо рѣже артели—всѣ съ равными правами. Мѣсто для отхода точно нельзя опредѣлить: сосѣдніе уѣзды, губерніи; иные спускаются до Астрахани, другіе заходятъ въ Сибирь. Обыкновенно у большинства промышленниковъ есть только извѣстное направленіе для отхода; въ этой сторонѣ ихъ уже знаютъ, больше вѣрятъ и скорѣе отдадутъ работу; къ тому-же знакома дорога, извѣстны обычаи и требованія населенія. Впрочемъ это относится къ хорошимъ мастерамъ, а плохіе, оставившіе въ извѣстныхъ мѣстахъ плохую память о себѣ дурной работой, избѣгаютъ нѣсколько лѣтъ этихъ мѣстъ и ежегодно избираютъ новыя направленія. Заработокъ этихъ промышленниковъ, какъ работающихъ среди бѣднаго крестьянскаго населенія, конечно, гораздо меньше, чѣмъ у городскихъ ремесленниковъ; экономія въ расходахъ для нихъ необходима, чему очень помогаетъ вышеупомянутое соединеніе ра-

боты и дороги. Останавливаются они всегда въ тѣхъ избахъ, для которыхъ работаютъ, и харчами пользуются отъ этихъ-же хозяевъ. Эти ремесла также не требуютъ большихъ затратъ на инструменты, которые и дешевы, и не особенно тяжелы и громоздки, такъ что всякій сравнительно легко таскаетъ ихъ на себѣ во время своего продолжительнаго странствованія. На лошадяхъ развѣзжаютъ только торговцы. Укажемъ еще на одну отличительную черту этихъ сельскихъ промысловъ отъ городскихъ: вращаясь преимущественно среди крестьянъ и деревень, деревенскій промышленникъ, хотя и становится опытнѣе и развѣтнѣе, благодаря тому, что онъ знакомится съ новыми мѣстами, людьми, иной жизнью и новыми обычаями, но во всякомъ случаѣ онъ близокъ къ землѣ и деревнѣ и не такъ отличается изъ своихъ однодеревенцевъ, сидящихъ дома, какъ искушенный городской жизнью питерщикъ. Какъ близокъ деревенскій отхожій сапожникъ или валенщикъ къ своей родинѣ и семьѣ, доказывается тѣмъ, что всѣ тѣ изъ нихъ, которые работаютъ не далѣе 100—300 верстъ отъ дому, возвращаются домой два—три раза во время своего 6-мѣсячнаго отсутствія на большіе праздники (Рождество, масленицу), свои храмовые деревенскіе праздники, на свадьбы своихъ родственниковъ. Такія возвращенія, конечно, сопряжены съ тратой времени и денегъ, однако это не удерживаетъ ихъ отъ желанія повидаться съ семьей и провести съ ней вмѣстѣ праздники. Если питерскія работа и жизнь считаются легче деревенской, то на оборотъ, на деревенскій отходъ смотрятъ, какъ на тяжелый промыселъ. Родственники уходящихъ освобождаютъ ихъ за двѣ недѣли до ухода отъ всякихъ домашнихъ работъ: „и на чужой сторонѣ успѣютъ намаяться отъ тяжелой работы, теперь пускай погуляютъ“. И дѣйствительно, всѣ эти двѣ недѣли уходящіе ничего не дѣлаютъ, гурьбами ходятъ по деревнѣ, поютъ пѣсни, отводятъ душу на родимой гармоникѣ и, конечно, не обходится дѣло и безъ водки.—Условій между хозяиномъ и его помощниками никакихъ не заключается, все ограничивается словеснымъ договоромъ, почему при расчетѣ возникаютъ нерѣдко недоразумѣнія и помощники и ученики приносятъ домой очень мало.

Отличительныя черты *городскихъ отхожихъ заработковъ* Солигаличскаго и Чухломскаго уѣздовъ — многочисленность уходящихъ, продолжительность и отдаленность отхода, такъ сказать, высшая ступень ремесль, требующихъ продолжительнаго обученія, постоянство и почти полная независимость отхода отъ мѣстныхъ условий, непригодность большинства ремесль для деревни, крайне вредное вліяніе ихъ на земледѣліе, довольно глубокій разрывъ съ семьей и деревней и, наконецъ, извѣстное развивающее значеніе городской жизни. Уходить изъ Солигаличскаго уѣзда преимущественно въ Петербургъ и Москву — общее названіе *питерщики* и гораздо менѣе въ приволжскіе города — *плотники — солари*. Дорогой уходящіе никакихъ работъ не производятъ, она для нихъ чистый убытокъ, который долженъ быть возмѣщенъ изъ заработковъ, почему они и стараются проѣхать до мѣста работъ возможно скорѣе: на лошадахъ, водой, по желѣзнымъ дорогамъ. Только большинство волгарей идутъ до мѣста работъ пѣшкомъ, иные питерщики, ничего не заработавшіе, возвращаются также пѣшкомъ — „по линовой машинѣ.“ Вслѣдствіе удаленности мѣстъ для промысловъ и самыхъ условий ихъ, отлучки изъ дома здѣсь довольно продолжительныя, minimum 7—8 мѣсяцевъ, у большинства цѣлый годъ и многіе не возвращаются домой 1½—5 лѣтъ.

Мѣстныя условія, напр. хорошій урожай и уменьшеніе требованій на рабочихъ (какъ это было въ Петербургѣ послѣдніе три года) не убавляютъ числа уходящихъ; если оно и не увеличивается, то остается *in statu quo*. Однимъ словомъ отхожіе заработки составляютъ *conditio sine qua* поп существованія во всѣхъ отношеніяхъ солигаличанъ, почему съ началомъ весны ихъ неудержимо тянетъ въ Питеръ. Въ фабричномъ, деревенскомъ и земледѣльческомъ отходѣ занятія промышленниковъ такъ или иначе связаны или съ нуждами крестьянской жизни, или съ мѣстными требованіями, а ремесла уходящихъ въ Питеръ въ полномъ смыслѣ городскія, нисколько не нужны для деревни и не связанныя съ возможными здѣсь кустарными промыслами (исключеніе составляютъ здѣшніе плотники и кузнецы). Нѣкото-

рыне ¹⁾ обьяняютъ развитіе отхожихъ заработковъ сильнымъ развитіемъ кустарничества: въ извѣстной мѣстности число кустарей возрастаетъ гораздо больше, чѣмъ ихъ нужно для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго и сосѣдняго населенія, сбытъ произведеній въ отдаленныя мѣста почему-либо невозможенъ, — и вотъ излишекъ кустарей невольно выталкивается на сторону, долженъ своими ремеслами зарабатывать хлѣбъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть запросъ на эти ремесла. Это мнѣніе вполне несостоятельно для Солигаличскаго и Чухломскаго уѣздовъ; здѣсь почти вовсе нѣтъ кустарничества, и къ тому-же малярничество, водопроводное или паркетное дѣло и многія другія спеціально городскія ремесла и не могли возникнуть изъ промысловъ, возможныхъ въ этихъ уѣздахъ. *Напротивъ здѣсь отхожіе заработки и развились не отъ изобилія, а отъ невозможности кустарничества для мѣстнаго населенія.* И въ тѣхъ мѣстахъ Солигаличскаго уѣзда, гдѣ возможны хотя какіе-нибудь мѣстные заработки, отхода почти вовсе нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ на деревенской почвѣ могли возникнуть маляры, слесаря, водопроводчики, паркетчики, булочники и другіе? Разрѣшеніе даннаго вопроса находится въ тѣсной связи съ изслѣдованіемъ совокупности причинъ, которыя вызвали такое сильное развитіе отхожихъ заработковъ въ Солигаличскомъ и Чухломскомъ уѣздахъ.

Начался отходъ на сторону очень давно, и костромскіе плотники перѣдко упоминаются въ исторіи. Отсутствие источниковъ по этому вопросу затрудняетъ точное рѣшеніе его, но существующія преданія отпосылаютъ отходъ къ началу прошлаго столѣтія. Неизвѣстный авторъ описанія Костромскаго намѣстничества въ 1792 году (Костр. губ. вѣд. 1859 г.) говоритъ, что „въ намѣстничествѣ пустуетъ большое пространство земли, ибо многіе изъ крестьянъ, ища лучшаго кособія въ платежѣ податей своихъ отъ городскихъ работъ и руководѣній, прѣшли

¹⁾ Ленскій. Отхожіе и земледѣльческіе промыслы. Отгч. Записки, 1877 г., кн. 12.—*Кариевъ*. Экономическіе этюды. Отхожіе промыслы. Наблюдатель, 1882. Кн. 3.

отъ бѣдной сохи, расходится по столицамъ и другимъ городамъ; помещики-же, положивъ на крестьянина двойной оброкъ, о томъ не беспокоятся" ¹⁾). Въ этой официальной и довольно древней цитатѣ мы видимъ указаніе на давность отхода, на причины, мѣсто и доходность его для помещиковъ,—и прежде земледѣліе было неудовлетворительно, и населеніе поддерживало свое существованіе отходомъ въ столицы. И прежде въ Костромской губерніи была *бѣдная соха*, да и теперь она не богаче; особенно въ плохомъ состояніи находится земледѣліе въ сѣверной части губерніи, Солигаличскомъ и Чухломскомъ уѣздахъ. Плохая земля, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаточность ея, отсутствіе хорошихъ луговъ и слѣд. неудовлетворительное состояніе скотоводства, невыгодныя климатическія условія—низкая годовичная t. ²⁾, поздняя весна и ранніе осенніе морозы, мѣшающіе иногда вызрѣванію яровыхъ хлѣбовъ и заставляющіе держать и кормить скотъ на дворѣ около 8 мѣсяцевъ, что также является тормазомъ для скотоводства и, наконецъ, плохая обработка земли,—вотъ тѣ главныя условія, при которыхъ удовлетворительные урожаи положительно невозможны. И дѣйствительно, по свѣд. Костр. статист. комитета, средній урожай въ губерніи за 9 лѣтъ съ 1875 по 1883 годъ очень недостаточенъ: рожь самъ 3,34, пшеница 2,84, овесъ 2,97 и ячмень 2,97. Въ 1884 году въ Солигаличскомъ уѣздѣ морозы начались въ августѣ, въ началѣ сентября выпадалъ снѣгъ, яровые хлѣба повсе не вызрѣли и скошены на кормъ для скота. При такомъ урожаѣ вполне естественно, что въ 736 сельскихъ приходахъ Костромской губерніи, по свѣд. Костр. стат. комит., только въ 76—10,3% излишекъ хлѣба, въ 27,8% хлѣба хватаетъ на весь годъ и 61,9% покупаютъ хлѣбъ съ различныхъ сроковъ, а именно у 6,6% не хватаетъ хлѣба на $\frac{1}{4}$ года, у 32,3% на $\frac{1}{2}$ года и у 17,9 даже на $\frac{3}{4}$ года. На самомъ дѣлѣ положеніе дѣла еще хуже, такъ какъ въ большинствѣ достаточ-

¹⁾ Списокъ населенныхъ мѣстъ Костромской губерніи,—стр. XXVIII.

²⁾ Въ 1884 г., по наблюденіямъ Солигаличской метеорологической станціи, она была $\dagger 1,8^{\circ}\text{C}$, а въ Костромѣ $\dagger 3,9^{\circ}\text{C}$.

ныхъ приходовъ почти вся масса главныхъ вѣдковъ—мужчины отсутсвуетъ большую часть года или даже весь годъ изъ дому; но будь этого обстоятельства, хлѣба не хватало-бы еще больше.

Если недостаточность земледѣлія повела къ развитію вспомогательныхъ занятій, то они въ свою очередь въ своемъ поступательномъ развитіи еще больше ухудшили и отодвинули земледѣліе на второе мѣсто, такъ что въ отхожихъ мѣстностяхъ земля начинаетъ терять свое значеніе—фундамента крестьянскаго благосостоянія. Для многихъ семей Солигаличскаго уѣзда земля есть неизбежное зло,—доходовъ отъ нея никакихъ не получается, и подати за нее приходится отдавать отъ своего сторонняго заработка, не имѣющаго никакого отношенія ни къ землѣ, ни къ деревнѣ. Отхожіе заработки вызываютъ недостатокъ рабочихъ рукъ, несвоевременную и худшую во всѣхъ отношеніяхъ обработку земли. Мужчины находятся на сторонѣ съ начала весны до конца осени, почему вся уборка полей, съ пахоты до молотбы включительно, производится одними женщинами. Глядя по числу остающихся дома женщинъ и по средствамъ, онѣ сами совершаютъ всѣ работы или напимаютъ работницу на все рабочее время или только для сѣнокоса и страды. Съ пахотой рѣдкія женщины справляются сами, гораздо чаще онѣ прибѣгаютъ къ найму мужиковъ. Обыкновенно остающіеся въ деревнѣ запятые питерцы берутся вспахать землю у всѣхъ остальныхъ домохозяевъ; если-же въ какой-либо деревнѣ вовсе не остается взрослыхъ мужчинъ, кромѣ стариковъ, то напимаютъ на эту работу крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень, такъ напр. изъ деревни А. нѣсколько мужиковъ берутъ пахоту за 5—7 верстъ, куда и уѣзжаютъ съ своими лошадьми на нѣсколько дней. Нечего и говорить, что обработка земли оказывается обыкновенно плохой: набравши пахоты иногда вышо своихъ силъ, оральщики торопятся выполнить ее кое-какъ, тѣмъ болѣе, что время для пахоты здѣсь очень непродолжительное, благодаря позднему веснѣ и ранней осени. Не видна обработка и въ тѣхъ случаяхъ, когда ею занимается самъ остающійся здѣсь питерцы, который смолоду не былъ приученъ къ

земледѣльческимъ работамъ. Мальчики отдаются въ Питеръ раньше, чѣмъ они успѣютъ обучиться сельскимъ работамъ, почему, оставшись въ деревнѣ, питерщики два—три года пріучаются къ этимъ работамъ и насколько намъ приходилось слышать, изъ нихъ рѣдко удаются постоянные ловкіе деревенскіе работники. На этомъ основаніи здѣсь всегда сѣютъ бабы, хотя-бы мужья ихъ и были дома. Возлагая свои надежды главн. обр. на отхожіе заработки, солигаличане не особенно заботятся о земледѣліи и не успѣваютъ обработать всю свою землю по недостатку рабочихъ рукъ. Проѣзжая по уѣзду, часто видишь среди полей пустыя необработанныя полосы, а кромѣ того пронападает много земли подъ плохими кустарникомъ, гарями и проч.,—на этихъ мѣстахъ нѣтъ ни пахоты, ни сѣнокоса, ни порядочнаго выгона. Вообще пахотная земля въ отхожихъ уѣздахъ составляетъ только 50,1% (а въ южной части губерніи 62,5%) всей крестьянской земли, и съ увеличеніемъ отхода процентъ этотъ еще болѣе уменьшается; такъ въ Чухломскомъ пахотной земли 49%, а въ Солигаличскомъ только 44,4%. И не смотря на забрасываніе части земли, все таки по всѣмъ хозяйки успѣваютъ управиться во-время съ самой пужной работой: хлѣба жнутъ иногда уже на половину осыпавшимися, и трава убирается не во всѣхъ сѣнокосныхъ мѣстѣ. При недостаткѣ рукъ крестьяне, имѣющіе купчую землю за 2—3 версты отъ своей деревни, пользуются съ нею только сѣнокосомъ и дровами, а объ обработкѣ ея нечего и думать. Арендуютъ или „кортонятъ“ землю очень рѣдкіе крестьяне, хотя здѣсь много владѣльческихъ усадебъ стоятъ совершенно безъ обработки и сдаются почти за безцѣнокъ, такъ напр. одна усадьба со скотомъ, всѣмъ инвентаремъ и 600 десятинъ земли сдается въ аренду за 300 руб., другая изъ 250 десятинъ и при тѣхъ-же условіяхъ за 100 р. Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ 19 случаяхъ аренды крестьянами помещичьей земли, они пользуются ею только для сѣнокоса и выгона, а для пахоты и своей достаточно. Для мужиковъ, живущихъ постоянно въ деревнѣ, не мало находится свободной крестьянской земли, оставленной тѣми семьями, которые совсѣмъ переселились въ Питеръ. Эта

земля для кортомленія удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ: она ближе къ деревнѣ, не такъ запущена, какъ владѣльческая и главн. обр. она очень дешева: рѣдко хозяева получаютъ за нее извѣстную небольшую часть податей, а обыкновенно ее сдаютъ только за то, чтобы напавшіе городниці вокругъ нея огороды, а всѣ подати платить самъ хозяинъ. Покупаютъ-же здѣшніе крестьяне землю довольно охотно, такъ что у большинства богачей и состоятельныхъ домовъ есть по 20—300 десятинъ кучей земли, съ которой пользуются впрочемъ только сѣнокосомъ и лѣсомъ. Однако нужно оговориться, что большинство покупокъ земли сдѣлано еще стариками и пожилыми хозяевами, на которыхъ сильнѣе осталось вліяніе земли отъ крѣпостнаго права и которые въ землѣ и сельскомъ хозяйствѣ видятъ только обезпеченіе отъ могущихъ быть несчастій и неудачъ на сторонѣ. Соотвѣтственно земледѣлію плохо поставлено и скотоводство. Укажемъ на одинъ важный признакъ: процентъ безлошадныхъ домохозяевъ въ отхожей полосѣ 18,9, а въ Солигаличскомъ уѣздѣ есть волости, гдѣ даже около трети всѣхъ хозяевъ безъ лошадей, такъ напр. въ Нероновской волости 31% безлошадныхъ.

При такомъ состояніи земледѣлія крестьяне, для удовлетворенія своихъ нуждъ и уплаты податей, принуждены были прибѣгнуть къ вспомогательнымъ промысламъ. Но отсутствіе матеріаловъ для обработки, отдаленность городовъ и торговыхъ центровъ и плохіе пути сообщенія были непреодолимыми препятствіями для развитія какихъ-либо мѣстныхъ и кустарныхъ промысловъ въ Солигаличскомъ уѣздѣ. Только населеніе Чудцовской и половины Костромской волости занялось вырубкой и сплавомъ лѣса, благодаря счастливымъ условіямъ—обилію лѣса и протекающей въ нихъ сплавной рѣкѣ Костромѣ. Получая хоть небольшой заработокъ отъ лѣсопромышленности, крестьяне Чудцовской вол. ходятъ на сторону крайне мало: 9 по годовымъ паспортамъ и 11 по полугодовымъ, что составитъ менѣе 1% всего мужскаго населенія. Въ остальномъ-же Солигаличскомъ уѣздѣ, кромѣ щепныхъ вздѣлій, мѣстное кустарничество такъ незначительно, что не хватаетъ для

удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ населенія. Отъ совершенно упавшихъ помѣщичьихъ усадебъ заработковъ также очень повеликъ, такъ какъ для всѣхъ этихъ имѣній въ настоящее время нужно не болѣе 200—250 рабочихъ въ лѣто. Въ какомъ состояніи находится владѣльческое хозяйство, видно изъ замѣтки о бывшихъ помѣщичьихъ усадьбахъ въ Солигал. уѣздѣ (VII выпускъ „Матер. для статистики Костромской губерніи“): 10 имѣній съ 1370 десятинъ совершенно пусты, и въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ пахотной земли только 2,9% всей земли.

Кромѣ отсутствія мѣстныхъ заработковъ, немало способствовало или вѣрнѣе вызывало прежде развитіе отхожихъ заработковъ крѣпостное право; ложившееся здѣсь очень тяжелымъ бременемъ на крестьянъ, большинство которыхъ здѣсь было крѣпостными (въ Чухломскомъ уѣздѣ 74,7% и Солигаличскомъ 68,8% всѣхъ крестьянъ). Помѣщиковъ здѣсь было очень много, по землевладѣнію они были преимущественно мелкіе, такъ что у большинства ихъ земли сравнительно съ числомъ крѣпостныхъ было недостаточно, на что отчасти указываетъ большой % дворовыхъ людей: въ 1858 г. изъ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ было дворовыхъ въ Чухломскомъ уѣздѣ 6,8%, а въ Солигаличскомъ даже 12,1%. По общимъ разсказамъ, помѣщики здѣсь жили широко, на что указываютъ и до сихъ поръ остатки прежняго времени: роскошные обширные господскіе дома, масса надворныхъ кирпичныхъ построекъ, оранжерей, островы водочныхъ заводовъ, развалины различныхъ мастерскихъ и пр.

Широкая жизнь не соотвѣтствовала качеству и количеству владѣемой земли, и средства для такой жизни доставлялись именно отхожими промышленниками. Что богатство помѣщиковъ здѣсь состояло не въ землѣ, а главн. обр. въ крестьянахъ и ихъ отхожихъ заработкахъ, доказывается отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что помѣщичье благосостояніе упало здѣсь гораздо ниже, чѣмъ въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ. Не имѣя нужды во всѣхъ своихъ крестьянахъ для обработки земли, помѣщики отдавали мальчиковъ для обученія ремесламъ въ столицы; затѣмъ, оставивши для своего дома необход-

ное число ремесленниковъ и пужное число крестьянъ для обработки барской и крестьянской земли, всѣхъ остальныхъ съ большой охотой отпускали или посылали на сторону. Уходившіе крестьяне доставляли помѣщикамъ большой доходъ, чѣмъ земля: средний оброкъ съ cadaго ушедшаго, по оффиціальнымъ данымъ, былъ 30—50 руб. Съ болѣе заправныхъ ремесленниковъ бралось и около 100 рублей, но особенно выгодны были для помѣщиковъ тѣ пзъ крестьянъ, которые и во время крѣпостнаго права хозяйничали въ Штерѣ и имѣли большія средства; съ нихъ не полагалось опредѣленнаго оброка, а взымалось по усмотрѣнію. Откупиться на волю для нихъ было очень трудно даже за большія деньги (было нѣсколько примѣровъ, гдѣ платили за волю по нѣскольку тысячъ)¹⁾. Кроме денежнаго оброка, каждый уходившій, сообразно съ его средствами и заработкомъ, долженъ былъ привосить господамъ подарки—фунтъ чаю, бутылку вина, голову сахару, кусокъ шелковой матеріи, золотыя и серебряныя вещи. Для сбора оброка у cadaго помѣщика въ Петербургѣ былъ староста изъ особенно довѣренныхъ лицъ.^{*} Эти старосты, конечно, не забывали и себя,—за время своей службы составляли себѣ порядочный капиталъ и дѣлались потомъ сами хозяевами. Такъ, изъ настоящихъ солгалнчскихъ болѣе крупныхъ богачей трою положили начало своему состоянію именко во время крѣпостнаго права, когда они были „помѣщичьимъ окомъ“ въ Штерѣ. Нужно думать, что помѣщикамъ рѣдко приходилось принуждать своихъ крѣпостныхъ къ отходу на сторону; тѣ сами шли охотно, такъ какъ на сторонѣ чувствовали они себя свободнѣе, а богачи и совсѣмъ жили по-барски, но подвергаясь униженіямъ и прочимъ проявленіямъ помѣщичьей власти. Положеніе-же крѣпостныхъ здѣсь было очень не завидно, такъ что по словамъ одного автора (Костр. губери. вѣдомости 1863 г., № 25),— „положеніе 19 февраля нигдѣ не припсло такой *отрады*, какъ въ этой полосѣ губери.“ Такимъ образомъ крѣпостное право не только усиливало отходъ на сторону, но

¹⁾ Такъ напр. одинъ помѣщикъ отпустилъ на волю богатаго подрядчика за 2500 руб.

оно-же дало толчокъ и направленіе отхожимъ заработкамъ въ смыслѣ мѣста отхода, изученія ремесль. Тотъ фактъ, что крестьяне такихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстностей, какъ Солигаличскій и Чухломскій уѣзды, шли не въ Кострому и ближайшіе приволжскіе города, а въ Петербургъ и Москву и шли они не простыми чернорабочими, а учеными ремесленниками и объясняется вліяніемъ помѣщиковъ, желавшихъ получать большій оброкъ, почему они и отдавали мальчиковъ въ столицу для обученія ремесламъ, а по отпускали крестьянъ на черныя работы, дающія гораздо меньшій заработокъ.

Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права вольные крестьяне стали ходить на сторону еще больше; для нихъ не было уже задержки со стороны владѣльцевъ, которые, не смотря на всю выгоду оброковъ, удерживали извѣстную часть крестьянъ дома для земледѣлія, услугъ при дворѣ. Для сравненія величины отхода, возьмемъ числа выданныхъ паспортовъ въ Корцовской волости за 1883 и 1863 г. (только съ этого года стали вестись волостныя паспортныя книги): въ 1863 г. было выдано годовыхъ паспортовъ 306, полугодовыхъ* 149 и билетовъ 45, всего 500, а въ 1883 г.—годовыхъ 417, полугодовыхъ 305 и билетовъ 53, всего 775; слѣдов. число взятыхъ свидѣтельствъ изъ одной волости увеличилось на 275, т. е. 55%. Чѣмъ-же вызывается дальнѣйшее усиленіе отхода?

Видя, что хорошіе питерщики приносятъ домой 50—100 руб., почти всѣ родители стали отдавать всѣхъ своихъ дѣтей въ Петербургъ для обученія ремесламъ. Не одинъ заработокъ увлекаетъ родителей, но и сравнительная легкость столичной работы: „и намъ-то привычнымъ тяжело, становится не подъ силу ворочать въ деревнѣ; верочасъ, верочасъ, а все ни сытъ, ни голоденъ въ деревнѣ-то,“ постоянный отвѣтъ родителей на вопросъ, почему они такъ усиленно провожаютъ своихъ дѣтей въ Питеръ. Многіе мальчики сами настаиваютъ, чтобы родители отправили ихъ въ Питеръ; случается даже, что родители провожаютъ сына на сторону противъ своего желанія, во избѣжаніе могущихъ быть потомъ упрековъ и ссоръ: мнѣ нѣсколько

разъ приходилось слышать сътовапія юпошей на своихъ родителей за то, что ихъ не отпустили въ свое время въ Питеръ. Вообще здѣшняя 12—14-лѣтняя молодежь очень охотно идетъ въ Питеръ. Сказывается также давленіе окружающей обстановки, *вліяніе примѣра и стабильности*: разъ всѣ родственники и однодеревенцы отдають своихъ дѣтей въ Питеръ, отчего-же и Ивану не поступить также, т. е. не отправить своихъ мальчиковъ въ ученье. Есть такія деревни, гдѣ не остается ни одного мальчика старше 12 лѣтъ. Какъ велико вліяніе окружающей обстановки, доказывается это слѣдующими примѣрами. Въ Солигаличскомъ уѣздѣ 4 помѣщичья усадьбы куплены крестьянами изъ Грязовецкаго уѣзда, гдѣ отхожихъ заработковъ вовсе нѣтъ. Несмотря на то, что эти семьи живутъ очень зажиточно, и что они переѣхали сюда только 5—7 лѣтъ, вліяніе здѣшней жизни сказалось на нихъ такъ сильно, что изъ нѣкоторыхъ семей уже стали отправляться на сторону. На мой вопросъ одному грязовецкому крестьянину, зачѣмъ онъ при своей достаточности отпустилъ своего сына въ Питеръ, я получилъ слѣдующій отвѣтъ: „опо-такъ, что мы не бѣдны, ну вѣдь у насъ очень сѣро, а онъ, глядя на другихъ, самъ захотѣлъ образоваться, онъ у насъ и дома-то поученый былъ.“ Но есть и обратные примѣры: среди самыхъ отхожихъ волостей попадаются въ родѣ оазисовъ деревни почти съ осѣдлымъ мужскимъ населеніемъ (см. въ приложеніяхъ деревню А.): случилось по чему-либо 2—3 семьямъ не отправить своихъ дѣтей въ Питеръ и между тѣмъ жить сравнительно остаточно и остальные дома въ томъ селеніи оставляють своихъ мальчиковъ дома. Но прошлой весной сами мальчики запросились въ Питеръ и двое изъ нихъ были отправлены.

Разъ мальчикъ обучился въ Питерѣ, онъ уже неуклонно будетъ ходить на сторону: большая легкость и выгодность столичнаго промысла, полное незнакомство у всѣхъ молодыхъ питерщиковъ съ земледѣльческими работами, всевозможныя прелести столичной жизни и, наконецъ, привычка и примѣръ уходящихъ товарищей,— все это заставляетъ cadaго чухломца и солигаличанина подниматься весной и плыть

по теченію обширной волны, направляющейся отсюда въ Питеръ, Москву и другіе центры.

Сказывается, можетъ-быть, и національная черта, — любовь къ странствованію, отыскиванію „гдѣ лучше“: въ уѣздѣ, повѣрно, найдется нѣсколько десятковъ лицъ, не бывавшихъ дома болѣе 10 лѣтъ. и за это время исходившихъ и извѣздившихъ всю имперію отъ столицы до Амура, „отъ хладныхъ волнъ Невы до пламенной Колхиды.“ Эти странники обыкновенно и не пишутъ о себѣ, а являются домой неожиданно для семьи, считавшей ихъ уже погибшими. Ниже мы увидимъ, что въ 1883 году въ уѣздѣ было 300 человекъ, страствующихъ гдѣ-то безъ паспортовъ. Хотя солигаличскіе маляры, плотники, печники и другіе мастера ходятъ въ прибалгійскіе города, Финляндію, Польшу, по исходнымъ пунктомъ ихъ путешествія является все-таки Петербургъ. Изъ дома они отправляются прямо въ Петербургъ, а уже изъ него различныя обстоятельства заносятъ ихъ въ различныя мѣста имперіи. Происходить это преимущественно такимъ образомъ: петербургскіе крупные хозяева — ремесленники берутъ подряды въ другихъ большихъ городахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и отправляютъ туда обыкновенно своихъ петербургскихъ рабочихъ. По окончаніи этихъ работъ солигаличане снова возвращаются въ Питеръ, и только рѣдкіе изъ нихъ такъ привыкаютъ къ новымъ мѣстамъ, что уже продолжаютъ свое странствозаніе въ эти города, а иногда и переселяются туда на постоянное житье съ своими семьями.

Примѣры обогащенія, и иногда довольно быстрого, когда изъ бѣднаго питерщика черезъ 10—15 лѣтъ дѣлается тысячникъ, сильно увлекаютъ деревенскую молодежь, которая любитъ разсчитывать на наше русское „авось.“ Но и помимо этихъ фактовъ, еще болѣе разжигającychъ страсть къ легкой и быстрой наживѣ, послѣдняя развивается въ Питерѣ уже вслѣдствіе одного знакомства съ столичной жизнью, ея соблазнами, столичными жителями, „молотящими рожь на обухъ“ по здѣшнему выраженію. „Здѣсь бьешься, колотишься, какъ рыба объ ледъ, а все и сотни не сколотишь, а вошь Петръ Ивановъ“

какую хоромилу себѣ построилъ, да говорятъ, у него тысячи въ банкѣ лежатъ.“ Нѣкоторые не останавливаются и передъ преступленіемъ. Столичный омутъ засасывалъ-бы на всегда гораздо больше отхожихъ промышленниковъ, если-бы не связь ихъ въ видѣ семьи съ деревней и не ежегодное отрезвленіе, которое они испытываютъ въ деревнѣ, возвращаясь въ нее по окончаніи заработковъ. Поэтому изъ маляровъ, ежегодно пріѣзжающихъ домой, переселяется въ Петеръ на постоянное жительство гораздо меньше, чѣмъ изъ остальныхъ ремесленниковъ, остающихся въ столицѣ по условіямъ своего ремесла на нѣсколько лѣтъ. Наконецъ оказываютъ вліяніе на отходъ и *мотивы высшаго порядка*. Питерчики гораздо развитѣе живущихъ здѣсь, разговоръ ихъ нерѣдко не отличишь отъ городского, если бы не усащиваніе его вычурными выраженіями, обращеніе, скопированное съ столичнаго мѣщанства, умѣнье танцевать, щеголеватый костюмъ и т. д. Здѣшній прѣкрасный полъ положительно предпочитаетъ питерщиковъ, и женихамъ, постоянно живущимъ здѣсь, достаются обыкновенно худшія невѣсты, но смотря даже на то, что они могутъ жить зажиточнѣе питерщиковъ. Всѣ деревенскіе жители называются *сѣрыми* и, что странно, нисколько не обижаются на это названіе, и сами называютъ себя таковыми, сѣтуютъ на родителей, не отдавшихъ ихъ учиться въ Петеръ. Впрочемъ нужно оговориться, что и эти *сѣрые* жители деревни далеко не такъ сѣры, какъ въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ: они неволью перенимаютъ влѣшность и привычки отъ питерщиковъ, столичный свѣтъ косвенно проливается и на нихъ.

Прежде чѣмъ изслѣдовать другія стороны отхожихъ заработковъ, остановимся сначала на опредѣленіи размѣра отхода. Всѣ свѣдѣнія о числѣ отхожихъ промышленниковъ получаютъ губернскими статистическими комитетами изъ волостныхъ правленій, и этими данными пользуются всѣ авторы, занимавшіеся отхожими заработками. Въ волостныхъ паспортныхъ книгахъ записывается только имя и фамилія уходящаго, его мѣстожительство и срокъ отлучки, а о мѣстѣ отхода, ремеслѣ и проч. свѣдѣнія не заносятся, почему многія стороны отхода нельзя изу-

читать точно. Но и о самом числѣ уходящихъ нельзя составить точнаго представленія по отчетамъ волостныхъ правленій. Обыкновенно думаютъ, что число уходящихъ ниже числа выданныхъ паспортовъ, а по моимъ вычислениямъ число первыхъ выше, по крайней мѣрѣ, въ такихъ уѣздахъ, какъ Солигаличскій и Чухломскій. Проф. Япсонъ говоритъ, что „по нимъ (т. е. указаннымъ даннымъ) трудно судить о дѣйствительномъ числѣ отсутствующихъ, такъ какъ возобновленіе паспортовъ не отдѣляется отъ выдачи новыхъ, и такимъ образомъ одно и тоже лицо можетъ оказаться вдвойнѣ или втройнѣ, если не болѣе разъ отсутствующимъ“ ¹⁾. Это явленіе *повторяемости* наблюдается главн. обр. въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаютъ отлучки непродолжительныя и неотдаленныя, такъ что одно и тоже лицо отлучается въ теченіе года нѣсколько разъ, выправляя каждый разъ новый билетъ или паспортъ. Это относится къ такимъ рабочимъ, какъ валенщики, шерстобиты, офени, плотники, сапожники, портные, рабочіе на фабрикахъ, однимъ словомъ къ деревенскому ремесленному и фабричному отходу. Работая недалеко отъ дома, они возвращаются домой на сѣнокосъ, страда-ное время, на праздники и такимъ образомъ ихъ отходъ распадается на нѣсколько сроковъ въ году. Повторяемость наблюдается и въ Солигаличскомъ уѣздѣ, но въ гораздо меньшей степени и зависитъ отъ другихъ причинъ: 1) волостныя правленія не выдаютъ недоимщикамъ сразу годовой или полугодовой паспортъ, а только 1 или 2-мѣсячный билетъ; по прибытіи на мѣсто, недоимщики высылаютъ изъ задатка деньги на паспортъ и часть недоимки, и тогда уже получаютъ паспортъ; 2) такіе промышленники, какъ маляры берутъ только полугодовые паспорта, сообразно продолжительности ихъ рабочаго сезона. Но по окончаніи спеціальныхъ работъ имъ удается иногда получить хорошее мѣсто и на зиму, тогда они снова выправляютъ $\frac{1}{2}$ -годовой паспортъ. Для опредѣленія повторяемости я тщательно просмотрѣлъ паспортныя книги двухъ самыхъ отхожихъ волостей Солигаличскаго

¹⁾ Ю. Япсонъ. Сравнительная статистика Россіи, т. I, стр. 371.

уѣзда, Корцовской и Верхковской, за 1883 годъ и пашель, что на 1269 всѣхъ видовъ приходится повторныхъ только 74, т. е. около 6%, а именно на 580 годовыхъ—1 повторный, т. е. 0,2%, 585 полугодовыхъ—40 повторныхъ (6,8%) и 104 билета—33 повторныхъ (31,7%). Какъ и слѣдовало ожидать, повторяемость замѣчается среди болѣе кратковременныхъ видовъ и почти вовсе отсутствуетъ среди годовыхъ.

Разберемъ теперь тѣ отлучки, которыя вовсе не записаны въ паспортныя книги. 1) Мальчики, отдаваемые въ ученье по контрактамъ съ хозяевами, вовсе не берутъ никакихъ видовъ и слѣдов. вовсе не заносятся въ паспортныя книги, а живутъ всѣ 3—5 лѣтъ ученья въ Питерѣ по этимъ контрактамъ. Мальчиковъ-же отдается ежегодно въ уѣздѣ средн. числомъ 150—200. 2) Отлучившіеся по $\frac{1}{2}$ -годовымъ паспортамъ часто не возвращаются домой 1— $1\frac{1}{2}$ года, получая отъ полиціи два раза отсрочки, первый разъ $\frac{1}{2}$ -годовую, а второй—3-мѣсячную. Въ паспортныя книги эти отсрочки не записываются, и число такихъ отсутствующихъ опредѣлить нельзя. 3) Всѣ служившіе въ солдатахъ до 1886 г. брали свидѣтельства изъ полицейскаго управленія и въ паспортныя книги, конечно, не записывались. Такихъ свидѣтельствъ выдаю въ Солигаличскомъ уѣздѣ въ 1881 г.—342, въ 1882 г.—272 и 1883 г.—285, т. е. средн. числ. по 300 въ годъ. 4) Кромѣ того бывшіе солдаты живутъ на сторонѣ и по отсрочкамъ, которыя они получаютъ на мѣстѣ заработковъ. Объ этихъ отсрочкахъ сообщается въ мѣстное полицейское управленіе; жило по отсрочкамъ въ 1882 г. 129 и 1883 г.—104. Стало-быть, всего отсутствуетъ изъ уѣзда 400 человекъ, служившихъ въ солдатахъ. 5) Жены и вдовы солдатъ также въ силу изыятія отъ гербоваго сбора получаютъ изъ волостныхъ правленій отпускныя свидѣтельства на простой бумагѣ и въ паспортныя книги не вносятся. Такихъ годовыхъ свидѣтельствъ выдается въ уѣздѣ ежегодно 80—100. 6) Несмотря на трудность прожизанія въ столицахъ безъ паспорта, известное число солигаличскихъ крестьянъ проживаетъ гдѣ-то вѣ уѣзда безъ паспортовъ, и такихъ, по свѣдѣніямъ солигаличскаго исправника,

было въ 1883 году около 300 человѣкъ. Но, вѣроятно, въ этомъ числѣ много умершихъ, такъ какъ о смерти отхожихъ промышленниковъ волостныя правленія узнаютъ очень поздно, иногда черезъ нѣсколько лѣтъ.—Наконецъ, намъ остается указать еще на одну неточность въ отчетахъ волостныхъ правленій относительно отлучившихся. Тѣ крестьяне, которые уходятъ на сторону съ женой или со всей семьей, берутъ обыкновенно только одинъ паспортъ на всѣхъ—*семейный* (по семейному паспорту могутъ уходить мужъ, жена и дѣти муж. и жен. пола до 18 лѣтъ). Въ отчетахъ-же и семейные паспорта наравнѣ съ другими фигурируютъ какъ-бы за одно лицо. Изучая паспортныя книги всего Солигаличскаго уѣзда за 10 лѣтъ съ 1874—83 годъ, я нашелъ, что на среднее ежегодное число всѣхъ паспортовъ семейныхъ приходится 386,9, т. е. болѣе 5,8%. По семейному паспорту уходятъ 2—8 человѣкъ, а въ среднемъ, по моимъ вычислениямъ, по годовому семейному паспорту уходятъ 2,6 лица, по полугодовому 2,26 человѣка, такъ что ежегодно по семейнымъ паспортамъ уходятъ на 575 (300 муж. и 275 жен.) человѣкъ болѣе, чѣмъ если-бы мы считали каждый семейный паспортъ за одно лицо ¹⁾. Такимъ образомъ если мы сосчитаемъ невошедшихъ въ паспортныя книги 150 мальчиковъ, 400 солдатъ, 300 лицъ муж. пола по семейнымъ паспортамъ, 300 безпаспортныхъ и исключимъ отсюда, на основаніи предыдущихъ вычисленій, 202 повторныхъ паспорта (7 годовыхъ и 195 полугодовыхъ), то найдемъ, что противъ волостныхъ отчетовъ мужчинъ уходитъ больше на 948 и женщинъ на 350. Поэтому вычисленный ниже отходъ мужчинъ изъ Солигаличскаго уѣзда въ 22,5% нужно увеличить на 4%, что и составитъ, исключая отлучки по билетамъ, 26,5% всего мужскаго населенія. По свѣдѣніямъ Костромскаго статистическаго комитета, полученнымъ изъ волостныхъ правленій, въ 1887 г. выдано паспортовъ:

¹⁾ См. мою статью „Къ статистикѣ Солигаличскаго уѣзда.“ („Материалы для статистики Костромской губерціи.“ Вып. VI).

	М у жс.			Жс е ж.		
	Годов.	Полугод.	Билет.	Годов.	Полугод.	Билет.
Солигаличскій у.	2775	3245	557	464	192	85
Чухломскій	3574	3407	700	388	192	112

Но по этимъ абсолютнымъ цифрамъ нельзя судить о величинѣ отхода, ихъ необходимо перевести въ относительныя, т. е. опредѣлить, какой процентъ мужскаго населенія идетъ на сторону.

	М у жс.			Жс е ж.		
	Годов.	Полуг.	Билет.	Годов.	Полуг.	Билет.
Солигаличскій у.	10,4	12,1	2,1	1,5	0,7	0,3
Чухломскій	14,9	14,2	2,9	1,6	0,8	0,5

Стало-быть, изъ Солигаличскаго уѣзда уходитъ на продолжительныя отлучки 22,5%, а съ нашей поправкой и всѣ 26,5% всего мужскаго населенія; въ отдѣльныхъ болѣе отхожихъ волостяхъ этотъ процентъ доходитъ до 37%, а въ Чухломскомъ уѣздѣ даже болѣе 40%, т. е. все взрослое мужское населеніе „до выгребу“ находится на сторонѣ; поэтому вполне понятно становится рѣзкое преобладаніе женскаго населенія надъ мужскимъ въ двухъ названныхъ уѣздахъ. Отходъ-же женщинъ крайне незначительный: по паспортамъ уходитъ изъ Солигаличскаго уѣзда только 2,2%, а изъ Чухломскаго 2,4% всего женскаго населенія, т. е. слишкомъ въ 10 разъ менѣе, чѣмъ изъ мужскаго населенія.

Уходятъ на заработки преимущественно въ весенніе мѣсяцы, соотвѣтственно началу работъ по поправкѣ и постройкѣ домовъ въ столицахъ. Процентное отношеніе выданныхъ годовыхъ и полугодовыхъ паспортовъ по временамъ года таково:

	Зимой	Весной	Лѣтомъ	Осенью
Солигаличскій у.	11,2%	67,4%	10,1%	11,3%
Чухломскій	13,7	61,4	13,0	11,9

Осенью и зимой уходитъ на сторону тѣ промышленники, запятія и ремесла которыхъ продолжаются круглый годъ—торговцы, мясники, слесаря, столяры, кузнецы и другіе. На осенніе-же мѣсяцы приходится и повтореніе паспортовъ для тѣхъ маляровъ и плотниковъ, которые

нашли на зиму занятія и остаются на сторонѣ на круглый годъ и болѣе. Относительно величины отхода необходимо было-бы рѣшить одинъ важный вопросъ, увеличивается или уменьшается число уходящихъ на сторону. Отзывы уѣздныхъ властей и мѣстныхъ жителей крайне разпорѣчивы: по однимъ отходъ возрастаетъ, по другимъ значительно убываетъ. Если мы снова обратимся къ волостнымъ паспортнымъ книгамъ, то получимъ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія: на 100 мужчинъ по годовымъ и полугодовымъ паспортамъ уходило въ слѣдующіе года:

	1868	1882	1887
Чухломскій у.	35,3	33,6	29,1
Солигаличскій	24,9	26,5	22,5

Въ Чухломскомъ уѣздѣ убыль идетъ постепенно и черезъ 20 лѣтъ составляетъ уже 6,2⁰/₁₀₀, а въ Солигаличскомъ замѣтно то ослабленіе, то возрастаніе отхода, но въ 1887 году ушедшихъ менѣе на 2,4⁰/₁₀₀ противъ 1868 года. И нужно замѣтить, что въ свѣдѣніа статистическаго комитета зачислены въ 1887 году бывшіе солдаты, такъ какъ они теперь также получаютъ паспорта изъ волостныхъ правленій и записываются въ паспортныя книги, но здѣсь не записываются солдаты, получившіе отсрочку и билеты на сторонѣ, а такихъ, какъ мы видѣли, не мало. Затѣмъ извѣстная часть уменьшенія отхода *фиктивная*: много семей солигаличскихъ и особенно чухломскихъ выписались въ другія сословія (см. ниже), и члены этихъ семей уходятъ на сторону съ паспортами изъ другихъ мѣсть, а не изъ волостныхъ правленій. Итакъ для всего уѣзда мы должны признать *небольшое уменьшеніе отхода* взрослыхъ, но едва-ли уменьшается число мальчиковъ, отдаваемыхъ въ ученіе. По вышеизложенной причинѣ этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ, а онъ имѣетъ большое значеніе для опредѣленія величины будущаго отхода. Что касается отдѣльныхъ деревень, хорошо извѣстныхъ мнѣ, то въ однихъ отходъ нѣсколько уменьшается, но за то въ другихъ значительно возрастаетъ. Въ описанныхъ четырехъ деревняхъ мы встрѣчаемся съ явленіями того и другаго рода (см. Приложенія).

Кто-же изъ мужчинъ остается въ деревнѣ? Сколько такихъ осѣдлыхъ жителей въ уѣздѣ? Отвѣтить на эти вопросы точно безъ подворной переписи невозможно, но во всякомъ случаѣ можно навѣрно сказать, что лицъ, никогда не бывавшихъ въ Питерѣ, очень немного; гораздо больше тѣхъ, которые живали на сторонѣ, а теперь остались въ деревнѣ или навсегда или только на извѣстное время, вслѣдствіе различныхъ причинъ, къ изслѣдованію которыхъ мы и переходимъ.

Выше мы уже сказали, что изъ Чухломскаго и Солигаличскаго уѣздовъ, кромѣ плотниковъ и кузнецовъ, обучавшихся ремеслу дома, идутъ на сторону тѣ промышленники, которые произшли ремесленную науку въ столицахъ. И такъ какъ изъ этихъ двухъ уѣздовъ пѣтъ почти вовсе чернаго и земледѣльческаго отхода, то всѣ, не отданные смолоду въ Питеръ, должны оставаться на всю жизнь прикованными къ землѣ и деревнѣ. Но повторяю, что число такихъ невольныхъ и постоянныхъ домоосѣдовъ незначительно: и бѣдные, и богатые однаково отдають учиться въ Питеръ всѣхъ своихъ сыновей, сколько-бы ихъ ни было. Остаются дома теперь только болѣзненные и глуповатые мальчики, которые по родительскимъ соображеніямъ не годятся для столичной жизни. (Можетъ-быть, это обстоятельство также оказываетъ свое вліяніе на плохое отношеніе невѣсть къ женихамъ, постоянно живущимъ дома). Изрѣдка остаются сыновья у бѣдныхъ вдовъ и то не потому, чтобы онѣ желали сами оставить ихъ при себѣ въ деревнѣ, а просто имъ не удалось по своему убожеству пристроить своего сына къ кому-либо изъ мастеровъ-хозяевъ. Остающихся дома взрослыхъ мужчинъ можно раздѣлить на *вольныхъ* и *невольныхъ домоосѣдовъ*, смотря по тому, какія причины задерживаютъ дома. Къ послѣднимъ на первомъ планѣ относятся только-что упомянутые мужчины, не учившіеся въ Питерѣ мальчиками. Затѣмъ неизбѣжно должны жить въ деревнѣ всѣ сельскія власти—старшины, старосты, сотскіе и пр. И такъ какъ у многихъ изъ нихъ кромѣ жалованья есть и другіе доходы въ видѣ отступнаго или прибавочнаго жалованья отъ выбранныхъ питерщиковъ (см. ниже), извѣстнаго сбора за полученіе и доставленіе по деревнямъ

очень обширной крестьянской корреспонденции, то большинство из этих выборных властей, особенно старшины, при отсутствіи конкуренціи, сохраняют свои должности на всю жизнь и объ отходѣ въ Питеръ перестают думать. Не выдаются паспорта недоимщикамъ, но это относится только до тѣхъ домохозяевъ, которые накопили недоимку, превышающую 1—2 годовой окладъ податей, и ведутъ на сторонѣ разгульную жизнь. Вообще эта мѣра—невыдача недоимщикамъ паспортовъ примѣняется и волостными правленіями, и высшими уѣздными властями съ большой осторожностью, больше для угрозы остальнымъ мелкимъ недоимщикамъ, съ цѣлью получить съ нихъ еще до отхода какую-либо часть недоимки. Строгое примѣненіе такой мѣры положительно невозможно, что хорошо сознается всѣми: населеніе уже издавна привыкло доставать заработокъ для податей и своихъ нуждъ на сторонѣ, и если большая или меньшая часть его будетъ оставлена дома, то недоимка еще болѣе усилится влѣдствіе отсутствія мѣстныхъ заработковъ. Положимъ, могутъ возразить, что здѣсь пустоеть много земли и у крестьянъ, и у помѣщиковъ, и не хватаетъ работниковъ для земледѣльческихъ работъ, такъ что приходятъ на смѣну уходящихъ солигаличанъ и чухломцевъ рабочіе изъ другихъ уѣздовъ и губерній. Все это вѣрно, но въ одинъ годъ заведеннаго порядка измѣнить нельзя: ни у крестьянъ, ни у владѣльцевъ нѣтъ средствъ для быстрого увеличенія земледѣлія, и оставшіеся питерщики только понизили-бы здѣшнюю заработную плату, и все таки большинство ихъ осталось-бы безъ работы. Отсюда увеличеніе пьянства и обѣдѣніе населенія. Чаще всего къ мелкимъ недоимщикамъ примѣняется слѣдующая мѣра—имъ выдается только билетъ на проѣздъ въ столицы. Поступивши на мѣсто, они изъ задатка высылаютъ деньги на уплату податей и на паспортъ, который имъ уже и высылается по почтѣ. Четвертую категорию составляютъ всѣ совершившіе какое-либо преступленіе въ столицѣ и высланные по этапу съ запрещеніемъ являться въ столицы раньше трехъ лѣтъ. Простые-же этапники, т. е. высланные за просрочку паспортовъ, могутъ снова идти на сторону, хотя сейчасъ по пріѣздѣ до-

мой, если за ними нѣтъ недоимки. Остающіеся дома какъ-бы по своей волѣ, конечно, также руководятся какими-либо причинами. Любящіе погулять, выннть, по мѣстному выраженію, *ослабіе* люди остаются дома на нѣсколько лѣтъ для исправленія. Дѣйствуютъ тутъ совѣтъ и приказанія старшихъ или собственное сознаніе *ослабшихъ*: „въ Питерѣ что? и свобода, и соблазновъ много, и деньги всегда шевелятся въ карманѣ, а здѣсь въ деревнѣ и кабакъ-то не скоро найдешь, да и деньги-то достаются трудяѣ. Тамъ тебя и остановить-то, поддержать некому, ну а здѣсь семья“... И дѣйствительно, многіе изъ этихъ ослабшихъ значительно исправляются въ деревнѣ, а на другихъ не оказываетъ никакого вліянія и деревня. Мнѣ приходилось встрѣчать такихъ субъектовъ, которые отпраплялись въ Петербургъ четыре раза въ теченіе одного года; дома немного остепенятся, въ Питерѣ снова пропьются до послѣдней рубашки и на занятые деньги ѣдутъ исправляться домой. Оставшіеся дома по семейнымъ обстоятельствамъ или „по слабости“ дѣлаются нерѣдко постоянными деревенскими жителями. Они отвыкають уже отъ городской жизни, обучаются сельскимъ работамъ, зарабатываютъ здѣсь порядочно отъ сосѣдей за обработку ихъ земли, и земля начинаетъ ихъ притягивать къ себѣ. Пробывшихъ здѣсь 4—5 лѣтъ останавливаютъ дома тѣ соображенія, что они уже не годятся для Питера. Встрѣтилъ я одного торговца—мясника, оставшагося дома 7 лѣтъ тому назадъ по семейнымъ условіямъ. Эти условія теперь измѣнились, но онъ все таки живетъ дома: „куда ужъ мнѣ, батюшка, идти, я здѣсь за эти года совсѣмъ *обрусѣлъ* и порядки-то питерскіе всѣ забылъ. Меня засмѣютъ свои-же товарищи, да и публикѣ-то мое обращеніе не понравится“. Другіе-же ремесленники—маляры, столяры, при такихъ-же условіяхъ, отвѣчаютъ, что они здѣсь такъ *обломались* и потеряли нужную ловкость и сноровку въ своемъ ремеслѣ, что имъ будутъ платить за худую работу очень дешево, не хватить и на дорогу, а не то, что домой прислать. Не мало значить у нихъ и привычка: „первыя весны, какъ я начиналъ жить въ деревнѣ, такъ и тянуло вмѣстѣ съ уходящими сосѣдями въ Питеръ,

а теперь ничего привыкъ, не таяетъ". Иногда остаются дома хорошіе ремесленники, получившіе здѣсь выгодный заказъ по своей специальности. Поработавши 1—2 года въ уѣздѣ, они составляютъ себѣ реноме, и имъ отдають всё охотно тѣ или другія работы, такъ что они и оставляють совсѣмъ хожденіе въ Питеръ. Мнѣ извѣстно нѣсколько маляровъ и живописцевъ, работающихъ по церквамъ. Нѣкоторые открыли даже здѣсь маленькія мастерскія, напр. около Солигалича есть хорошая слесарная мастерская, въ другой деревнѣ мѣдная и позолотная мастерская и пр.

Люди больные и старики также въ большинствѣ случаевъ доживаютъ свой вѣкъ въ деревнѣ, но подъ стариками нужно подразумѣвать очень дряхлыхъ; между питерщиками встрѣчается очень много старше 50 и 60 лѣтъ и нѣкоторые ходять почти до самой смерти, особенно это относится къ болѣе состоятельнымъ, торговцамъ, которые могутъ съ большими удобствами совершить отдаленную и трудную дорогу до Питера. Очень рѣдкіе торговцы или *хозяйчики* прекращають ходить на сторону сравнительно рано, 45—50 лѣтъ; они передають свою торговлю или хозяйство сыновьямъ, или совершенно прекращають ихъ и живутъ дома на проценты съ заработаннаго капитала. Остаются въ деревнѣ и тѣ крестьяне, которые кромѣ земледѣлія знаютъ еще какое-либо ремесло, необходимое для деревни и дающее имъ порядочный заработокъ, напр. кузнецы, мельники, горшечники, торговцы. Но если мы познакоимся съ исторіей этихъ домашнихъ ремесленниковъ, то окажется въ большинствѣ случаевъ, что не ради ремесла они остались въ деревнѣ, а напротивъ ремеслу-то они обучились потому, что должны были жить въ деревнѣ вслѣдствіе другихъ причинъ. Наконецъ, *семейныя обстоятельства* являются однимъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ для отхода на сторону. Само по себѣ *одиночество* не безусловно задерживаетъ домохозяина въ деревнѣ, а только въ связи съ другими побочными, вышеперечисленными причинами (бѣдность, накопленіе недоимокъ, *слабость*) оно является неустранною задержкой. Всякій состоятельный или хорошо зарабатывающій въ Петербургѣ крестьянинъ можетъ устра-

нить одиночество тѣмъ, что нанимаетъ вмѣсто себя для семьи работницу, няньку, рѣже работника. Нужно замѣтить, что подъ одиночествомъ здѣсь подразумѣвается нѣчто иное, чѣмъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ; въ послѣднихъ вся главная работа лежитъ на мужчинахъ, женщины только помощницы, почему составъ семьи и считается по работникамъ. Въ отхожей полосѣ главными и единственными обработчиками земли являются женщины и поэтому въ счетъ семьи онѣ принимаются почти равноправными съ мужчинами ¹⁾. Земледѣльская семья изъ мужчины и нѣсколькихъ женщинъ носитъ названіе *одинокой*, а отхожая семья считаетъ ихъ всѣхъ работниками, и потому она называется одинокой только тогда, когда состоитъ изъ одного мужчины и одной женщины. При такомъ отношеніи обоихъ половъ къ земледѣлію, ни одинъ питерщикъ не задумывавшійся уходить на сторону, если у него остается дома нѣсколько женщинъ, могущихъ работать въ полѣ и присматривать за дѣтьми. Уходятъ мужа и изъ такихъ семей, гдѣ кромѣ жены есть старушка или ребенокъ-подростокъ для присмотра за малыми дѣтьми. Но если семья очень бѣдна, чтобы нанять работницу или няньку и состоитъ только изъ мужа, жены и малыхъ дѣтей, то въ этихъ случаяхъ мужъ неизбѣжно долженъ жить дома или всегда, или до тѣхъ поръ, пока не подрастутъ дѣти. Многолюдныя семьи, имѣющія по два и болѣе мужчинъ-работниковъ, довольно рѣдки въ отхожей полосѣ; изъ нихъ или всѣ уходятъ на сторону, или чаще остается дома одинъ изъ старшихъ членовъ, самъ домохозяинъ или старшій сынъ. Иногда соблюдается очередь между братьями, они погодно живутъ дома. Разсмотрѣвши причины, которыя заставляютъ питерщи-

¹⁾ Въ земледѣльской полосѣ земля почти всегда отбирается у вдовы одинокой или съ малыми дѣтьми, какъ у неимѣющей работниковъ. Здѣсь же вдовы обыкновенно оставляютъ за собой свой надѣлъ, такъ какъ онѣ сами работницы. Впрочемъ это различіе зависитъ и отъ состоянія земледѣлія: въ первой мѣстности земля дорога для крестьянъ, а здѣсь она малоцѣнна.

ковъ оставаться дома, мы должны снова повторить, что притяженіе къ отходу здѣсь такъ сильно, что не смотря на препятствія и возможность мѣстнаго заработка, пужно обыкновенно совпаденіе нѣсколькихъ тормозящихъ причинъ, чтобы питерщикъ покорился своей участи и остался жить дома.

Выше мы указали на отсутствіе мѣстныхъ заработковъ, какъ на одну изъ причинъ, вызвавшихъ развитіе отхожихъ промысловъ. Это положеніе справедливо только тогда, если бы мужское населеніе жило въ деревнѣ. Но при настоящемъ состояніи дѣла, когда большая часть семей остается на всю рабочую пору безъ мужчинъ и къ тому-же нерѣдко при недостаточной женской силѣ, для живущихъ дома мужчинъ есть возможность заработать въ деревнѣ въ среднемъ выводѣ не меньше, чѣмъ приносятъ питерщики. Оставляя уже въ сторонѣ возможность нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ и наемъ въ работники, всякій крестьянинъ можетъ, живя въ своей деревнѣ, заработать въ лѣто 25—35 руб. за пахоту и другія земледѣльческія работы у своихъ крестьянъ-сосѣдей, у которыхъ не хватаетъ рабочей силы. Кромѣ того онъ можетъ, благодаря дешевизнѣ земли, расширить свое земледѣліе и лучше обработать свою землю, чѣмъ наемный работникъ или работница, которымъ онъ долженъ былъ-бы заплатить изъ своего питерскаго заработка 25—40 руб. за рабочую пору. Такимъ образомъ, не говоря уже о лучшемъ урожаѣ и вообще лучшей и болѣе выгодной постановкѣ своего земледѣлія, всякій крестьянинъ, живущій дома можетъ и здѣсь заработать за рабочую пору 50—75 рублей ¹⁾, что вполне соответствуетъ среднему питерскому заработку. И не смотря на все это, мужское населеніе неудержимо стремится на сторону, и здѣсь мы встрѣчаемся еще съ новымъ отличительнымъ признакомъ городскихъ отхожихъ заработковъ отъ земледѣльческаго, чернаго и деревенскаго ремесленнаго отхода. Въ послѣднемъ идетъ на сторону населеніе внѣ рабочаго времени или вытал-

¹⁾ А именно: 25—35 руб. за пахоту отъ сосѣдей и 25—40 руб., которые онъ долженъ заплатить за обработку своей земли.

бивается излишекъ его, не могущій найти заработка на мѣстѣ, а въ Солигаличскомъ и Чухломскомъ уѣздахъ *идутъ на сторону не лишніе, а необходимыя работники: въ нихъ остается дома гораздо меньше рабочей силы, чѣмъ это нужно для исполненія всей работы въ уѣздѣ*. Каковы результаты этого чрезмѣрнаго отхода работниковъ въ этихъ двухъ уѣздахъ? Мужская сила замѣняется женской. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ по отходѣ мужа не хватаетъ рабочей силы, нанимаютъ обыкновенно работницу на все рабочее время и поденщиковъ для отдѣльныхъ работъ; въ эти работницы поступаютъ преимущественно старыя дѣвы и безсемейныя вдовы, живущія бобылками. Но этихъ работницъ не хватаетъ для всего уѣзда, и по мѣрѣ того какъ коренное населеніе все болѣе и болѣе стремится или на время или на всегда на сторону, оно замѣщается также временными и постоянными жителями, подвигающимися съ сѣвера изъ Вологодской губерніи, изъ смежныхъ земледѣльческихъ уѣздовъ Тотемскаго и Грязовецкаго (есть изъ Олонецкой и Архангельской губерній, но такихъ пока мало). Замѣстители являются въ трехъ формахъ: земледѣльческіе рабочіе и прислуга, деревенскіе ремесленники, сапожники, валенщики, шерстобиты, серпозубы, портные, офени, арендаторы и покупщики земли. Нанимаютъ ихъ здѣшніе землевладѣльцы и крестьяне и даже охотнѣе, чѣмъ мѣстныхъ жителей, такъ какъ они въ среднемъ берутъ за лѣто на 10—15 руб. дешевле. Число такихъ рабочихъ очень значительно; я знаю нѣсколько деревень въ Солигаличскомъ уѣздѣ, гдѣ живутъ въ рабочихъ по 3—5 вологжанъ. а въ нѣкоторыхъ усадьбахъ всѣ рабочіе изъ Тотемскаго уѣзда. Въ качествѣ прислуги, женщины живутъ въ городѣ и усадьбахъ, а дѣвочки-подростки въ нянькахъ у крестьянъ. Ознакомившись съ условіями здѣшней жизни и видя массу дешевой земли, лежащей безъ употребленія, вологжане, страдающіе отъ малоземелья и слѣдственно имѣющіе избытокъ рабочей силы, стали высылать въ Солигаличскій и Чухломскій уѣзды не только рабочихъ, но и арендаторовъ и покупателейъ земли. Покупаютъ они землю обыкновенно нѣсколькими семьями и владѣютъ землей безъ раздѣла по равнымъ или неравнымъ частямъ, смотря по

внесенной каждой семьей суммъ денегъ. За послѣдніе три года у солигаличскихъ помѣщиковъ грязовецкіе крестьяне купили 4 имѣнія и, какъ мнѣ передавали, предстоитъ въ скоромъ времени еще нѣсколько такихъ покупокъ. Это все усиливающееся движеніе съ сѣвера можетъ поднять земледѣліе въ Солигаличскомъ уѣздѣ, такъ какъ вологжане уже исключительно заняты хозяйствомъ. Не окажутъ-ли эти настоящіе земледѣльцы своей обстановкой зажиточной жизни отрезвляющаго вліянія и на коренныхъ жителей, видящихъ основу своего существованія не въ землѣ, а въ отхожихъ заработкахъ? Впрочемъ, мы выше привели примѣры обратнаго вліянія, т. е. пришельцы вологжане поддаются давленію здѣшнихъ условій и начали отпускать своихъ дѣтей на сторону, не имѣя даже въ этомъ никакой матеріальной нужды. Какъ сильно вліяніе привычки, рутины въ здѣшнемъ отходѣ, мы видимъ уже изъ того обстоятельства, что солигаличане упорно держатся только тѣхъ ремеслъ, которыя нужны для столицы и вовсе непримѣнимы въ деревнѣ. Такъ напр. здѣсь все болѣе распространяется среди крестьянъ привычка носить городскую одежду, обувь, а между тѣмъ среди коренныхъ солигаличанъ крайне мало портныхъ и сапожниковъ для крестьянъ. Валенники, шерстобиты и сапожники являются изъ Тотемскаго и Кологривскаго уѣздовъ, а портные изъ Галичскаго. Всѣ эти промышленники проводятъ здѣсь время, свободное отъ полевыхъ работъ; они переходятъ изъ деревни въ деревню, изъ избы въ избу, работаютъ на хозяйскихъ харчахъ и получаютъ поштучную плату. У сапожниковъ очищается въ годъ до 100 руб., а у портныхъ до 150—200 р. Кромѣ того ходятъ по уѣзду и другіе промышленники: торговцы мелочью на лошадяхъ изъ Макарьевскаго уѣзда, коробочники—торговцы изъ татаръ Сергачскаго уѣзда Нижегородской губерніи, точильщики и серпозубы изъ Буйскаго уѣзда, иконописцы изъ Владимірской губерніи и пр. Такимъ образомъ Солигаличскій уѣздъ, благодаря *чрезмѣрному отходу* изъ него въ столицы, самъ сдѣлался мѣстомъ для отхода и заработковъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, *Амуромъ* или *Кавказомъ* для сѣвера: недостаточно въ немъ остается работниковъ и работницъ и взаимѣн ихъ являются земледѣль-

чекіе рабочіе, прислуга и мастеровые, это — *временное переселеніе*; падаетъ въ немъ земледѣліе и землевладѣніе и уменьшается самое населеніе, вслѣдствіе перехода крестьянъ въ другія сословія и переѣзда для жизни въ города, и на смѣну имъ являются арендаторы и покупщики земли, это — *болѣе продолжительное и постоянное переселеніе*.

Разсмотримъ теперъ остальные характерныя черты, а также и вліяніе отхожихъ заработковъ на жизнь населенія. Отправляютъ мальчиковъ обучаться ремесламъ въ Питерѣ въ возрастѣ 12—15 лѣтъ, чаще всего 13 и 14 лѣтъ; срокъ ученія продолжается смотря по возрасту ученика и ремеслу отъ 2 до 5 лѣтъ. Столярное, слесарное, водопроводное ремесла требуютъ большаго срока, малярное менѣе всѣхъ; болѣе молодые ученики учатся дольше. Что касается выбора ремесла, то тутъ больше всего слѣдуютъ рутинѣ: чѣмъ занимался отецъ, тому ремеслу обучаетъ и сына; если-же въ семьѣ нѣсколько мальчиковъ, то ихъ стараются иногда обучить разнымъ ремесламъ. Рѣже замѣчается обратное явленіе: отецъ, почему-либо разочарованный въ своемъ ремеслѣ, отдастъ сыновей обучаться другимъ ремесламъ, надѣясь, что имъ въ этихъ ремеслахъ повезетъ больше, чѣмъ ему въ его промыслѣ. Замѣчается вліяніе и другихъ постоянныхъ или случайныхъ причинъ: въ одной деревнѣ всѣ маляры, въ другой бондари; есть цѣлыя волости, высылающія на сторону однихъ плотниковъ. Если въ деревнѣ живетъ какой-либо крупный хозяинъ-промышленникъ, то вся деревня старается сбыть ему своихъ дѣтей на обученіе, рассчитывая, что онъ, какъ сосѣдь или даже родственникъ, будетъ обращаться съ ними лучше другихъ хозяевъ. Такъ напр. въ деревнѣ К., въ которой живетъ крупный богачь-мясникъ Г., почти половина всѣхъ взрослыхъ и учениковъ — мясники. Въ другой деревнѣ много пробочниковъ. Грамотные и болѣе способные мальчики отдаются въ торговцы и въ болѣе высшія ремесленныя мастерскія, — водопроводное, слесарное, токарное. Въ лучшія и болѣе легкія мѣста, конечно, всякій тянетъ своихъ родственниковъ и односельчанъ. Но если на выборъ ремесла вліяютъ самыя разнообразныя условія и въ одной деревнѣ встрѣчаются различныя ремесленники

то въ общемъ каждая мѣстность отличается преобладаніемъ одного ремесла надъ другими. Такъ напр. Запугомская и половина Верховской вол. высылаютъ почти исключительно плотниковъ и волгарей; изъ Вершковской волости и изъ города Солигалича идутъ кузнецы и слесари, изъ Гивадниковской в. много торговцевъ, въ Корцовской в. преобладаютъ ремесла по отдѣлкѣ домовъ. Отдаются въ обученіе или родственникамъ, имѣющимъ какое-либо ремесленное хозяйство въ Питерѣ, или въ хозяевамъ изъ ближайшихъ деревень, или наконецъ къ петербургскимъ ремесленникамъ, которые набираютъ здѣсь мальчиковъ черезъ своихъ повѣренныхъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Въ первомъ случаѣ никакихъ условій не заключается, а ограничиваются словами хозяина-родственника: „не обижу, пускай живетъ“; въ остальныхъ двухъ заключаются формальныя письменныя условія, которыя заносятся въ волостныхъ правленіяхъ въ книги для различныхъ договоровъ и условій. Я просматривалъ эти книги и въ общемъ всѣ контракты оказываются одинаковыми (см. приложенія): мальчикъ долженъ повиноваться хозяину, не можетъ уйти отъ него раньше условленнаго срока, гулять безъ разрѣшенія хозяина и пр., а хозяинъ обязуется все время кормить, поить, обувать и одѣвать и въ теченіе одного мѣсяца лечить безвозмездно и уплатить родителямъ известную сумму отъ 25—50 рублей. Часть этой суммы выдается отцу въ видѣ задатка, другая часть ученику по окончаніи ученія, а остальное высылается родителямъ въ разные выговоренные сроки. Дорога въ оба конца обыкновенно на счетъ хозяина. Кроме того почти во всѣхъ контрактахъ оговорено, что по выходѣ ученика изъ ученія хозяинъ долженъ прилично одѣть его; въ нѣкоторыхъ прямо перечислена вся окопировка, въ которой главную роль играютъ пальто и *тинжакъ*. О жизни этихъ учениковъ говорить нечего; картички изъ нея часто появляются въ столичныхъ мировыхъ судахъ. Остановимся только на одной особенноти. У нѣкоторыхъ ремесленниковъ, напр. маляровъ, зимой очень мало работы, такъ что мелкие хозяева совершенно закрываютъ свои мастерскія и уѣзжаютъ домой, крупныя сокращаютъ число рабочихъ до возможнаго *minimum'a*. Чтобы

не тратиться напрасно на содержаніе учениковъ во время зимней безработицы, многіе хозяева отдають своихъ мальчиковъ за одно прокормленіе или даже и извѣстную еще плату торговцамъ и другимъ ремесленникамъ, функционирующимъ и зимой, въ лавки, булочныя, портерныя, къ столярамъ, переплетчикамъ. Если умный и способный мальчикъ попадаетъ каждую зиму въ одно и тоже мѣсто, то онъ кромѣ малярнаго научается обыкновенно еще торговать или иному побочному ремеслу, которое иногда становится даже главнымъ и вообще рѣдко остается безслѣднымъ для ученика (см. ниже). По окончаніи ученья, подмастерье 17—19 лѣтъ является на зиму къ родителямъ уже настоящимъ питерщикомъ, часто вкусившимъ всѣ прелести столичной жизни. Весной онъ снова отправляется въ Питерь и черезъ 2—3 года самостоятельной работы становится настоящимъ мастеромъ, а виѣсть съ тѣмъ и женихомъ. И продолжается это хожденіе до глубокой старости или до смерти, если только питерщикъ не попадетъ въ одну изъ вышперечисленныхъ категорій остающихся дома.

Ходятъ питерщики на заработки на *разныхъ правахъ: поденщиками, на мѣста къ хозяевамъ, хозяевами*. Многіе болѣе молодые и плохіе мастера, не составившіе себѣ хорошаго реноме у хозяина, у котораго они учились и не желая поступать поэтому на меньшее жалованье, идутъ обыкновенно на авось; у нихъ нѣтъ заготовленнаго мѣста и имъ нѣрѣдко приходится долго шататься по столицѣ, прежде чѣмъ они приищутъ мѣсто или занятіе. Они почти никогда не бываютъ заняты все рабочее время и чаще всего работаютъ поденщиками или понедѣльщиками у различныхъ хозяевъ, у которыхъ не хватаетъ во время самой горячей работы постоянныхъ работниковъ. Поденщики указываютъ на то, что имъ живется гораздо лучше и свободнѣе, чѣмъ тѣмъ, которые поступили на мѣста. Въ этомъ, конечно, есть своя выгода и невыгода... Молодые питерщики, не составившіе себѣ реноме у хозяевъ, а также и пожилые, утратившіе его отъ долговременнаго пребыванія въ деревнѣ, выставляютъ кромѣ того ту выгоду поденной работы; что, будучи нанимаемы на биржѣ, они получаютъ одинаковую

поденную плату съ хорошими мастерами. Но эта выгода призрачная: у каждого даже самаго счастливаго поденщика пропадаетъ лѣтомъ извѣстное число дней безъ работы. Находящійся-же безъ работы мастеровой легче поддается соблазну покутить, сокращая такимъ образомъ до мінимума или нуля свой заработокъ. Въ худшіе годы, когда въ столицахъ мало работъ, экономическій кризисъ отражается уменьшеніемъ работъ и на рабочихъ и, въ первую голову, на поденщикахъ; извѣстная часть ихъ не находитъ работы во все лѣто, и эти несчастные составляютъ главный контингентъ этапниковъ. Дѣйствительно, плата по мѣсячно или за весь рабочій лѣтній сезонъ значительно ниже поденной платы, такъ напр. хорошій маляръ за все лѣто получаетъ 100—150 руб. на хозяйскихъ харчахъ, а поденно онъ получаетъ въ сутки 1½ и даже 2 руб. въ горячее время, такъ что за все время онъ можетъ получить при счастливыхъ условіяхъ до 200 р. и болѣе. Такая высшая плата поденщикамъ наблюдается и во всѣхъ остальныхъ ремеслахъ. Но помимо того, что у поденщиковъ не всегда бываетъ работа, большій заработокъ ихъ сокращается пьянствомъ: получившій въ деревнѣ задатокъ и оставляетъ его дома, значить все-таки прощется меньше, тогда какъ „ослабіе“ поденщики зачастую не присылаютъ ничего во все лѣто. Поэтому пожилые и болѣе опытные питерщики стараются всегда занять постоянное мѣсто на весь рабочій сезонъ; они или отсылаютъ его по приходѣ въ Питеръ, или уже прямо изъ дому отправляются на готовые обѣщанныя имъ мѣста. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло ведется такъ: мастера нанимаются здѣсь у хозяевъ, живущихъ въ сосѣднихъ деревняхъ и получаютъ отъ нихъ задатокъ и денегъ на дорогу, или они условливаются съ петербургскими хозяевами, которые имъ также высылаютъ денегъ на дорогу и для уплаты податей. Конечно, такое довѣріе со стороны петербургскихъ ремесленниковъ оказывается только лучшимъ и хорошо знакомымъ рабочимъ. Наконецъ, третьи мастера изъ высшихъ родовъ занятій, напр. слесаря, водопроводчики, торговцы и другіе, постоянно числятся на мѣстахъ и въ деревнѣ находятся какъ-бы въ отпуску, но только болѣ-

шинство безъ сохраненія жалованья. У этихъ хозяевъ всегда составъ рабочихъ, прикащиковъ больше необходимаго, но извѣстная часть ихъ находится въ деревнѣ на родинѣ; возвращаются одни, уходятъ домой другіе, такъ и продолжается чередованіе.—Самостоятельно ведущіе дѣло или торговлю хозяева изъ Солигаличскаго уѣзда дѣлятся на дѣйствительныхъ хозяевъ и низшую ступень—*хозяйчиковъ*. Начинаящіе „хозяйствовать“ или что тоже *хозяйчики* выходятъ изъ тѣхъ питерщиковъ, у которыхъ завелось 2—3 сотни рублей въ карманѣ, а главное составились въ Питерѣ знакомства съ домохозяевами и другими лицами, раздающими работы. По самому существу дѣла хозяйчики могутъ быть только изъ маляровъ, плотниковъ, разнощиковъ и вообще тѣхъ ремесленниковъ, дѣло которыхъ не требуетъ особенныхъ затратъ на наемъ большой квартиры, покупку дорогихъ матеріаловъ, инструментовъ. Получивши небольшую работу, хозяйчикъ при помощи своихъ денегъ и полученнаго задатка покупаетъ нужныя матеріалы, нанимаетъ рабочихъ, обыкновенно попенщиковъ, такъ какъ у него нѣтъ большой квартиры для постоянныхъ рабочихъ. Неуѣщій и дѣльный хозяйчикъ ежегодно зарабатываетъ по нѣсколько сотенъ рублей, пріобрѣтаетъ довѣріе заказчиковъ и черезъ 5—10 лѣтъ становится уже дѣйствительнымъ хозяиномъ, нанимаетъ для мастерской большую квартиру, беретъ учениковъ и начинаетъ жить постоянно въ Питерѣ, тогда какъ хозяйчикъ остается тамъ только рабочей сезонъ, а всю зиму живетъ въ деревнѣ. Всѣ средніе и крупныя хозяева и купцы произошли или изъ хозяйчиковъ и прикащиковъ, или изъ бывшихъ старостъ, сбиравшихъ оброкъ для помѣщиковъ. Впрочемъ рѣдко изъ простыхъ рабочихъ становятся крупными хозяевами въ теченіе одной жизни,—обыкновенно въ теченіе двухъ, трехъ поколѣній: начало положено дѣдомъ, а крупнымъ купцомъ или ремесленникомъ становится только внуку. Кромѣ того разсказываемыя въ деревняхъ исторіи обогащенья многихъ богачей—питерщиковъ положительно легендарны: то какой-то генераль подарилъ поправившемуся питерщичу 10000 рублей, то бездѣтный старикъ-благодѣтель оставилъ своему прикащичу 100000 рублей; одинъ питер-

щикъ „банкрутъ дѣлалъ“ десять разъ; другой нашелъ на улицѣ много тысячъ, третій обдѣлалъ своего хозяина, четвертый нажился, будучи душеприказчикомъ и пр. Конечный выводъ изъ всѣхъ этихъ легендъ тотъ, что богатство питерщиковъ составлялось часто не одной работой, а при помощи того или другаго благопріятнаго случая, и что случай этотъ не всегда былъ безгрѣшнымъ для нажившагося.

Вотъ нѣсколько примѣровъ обогащенія. Отецъ одного богатаго купца-мясника, имѣющаго теперь около 100000 руб., получилъ довольно крупную сумму отъ старика-прасола, у котораго онъ былъ приказчикомъ. Старикъ этотъ былъ бездѣтею и завѣщалъ все свое состояніе сѣумѣвшему понравиться ему молодому приказчику. Другой, -мясникъ увеличилъ свое состояніе, дѣйствительно, банкротствами. Третій подрядчикъ, имѣющій около $\frac{1}{2}$ -милліона и оставившій теперь всякія занятія, былъ сначала мелкимъ подрядчикомъ и нажилъ себѣ состояніе во время строительной горячки въ Питерѣ. Въ настоящее время онъ ничего не дѣлаетъ, живетъ въ Питерѣ на проценты съ своего большого капитала и усиленно занимается чтеніемъ безъ опредѣленной цѣли и пьянствомъ. Четвертый миллионеръ нажился лѣтъ 40 тому назадъ при казенныхъ подрядахъ, кажется, при постройкѣ судовъ и кораблей. Пятый, теперь умершій маляръ нажился еще во время вѣрпостнаго права, будучи въ Питерѣ старостой отъ помѣщика; онъ очень круто обращался съ отхожими промышленниками этого помѣщика и за 20 лѣтъ своего староства составилъ себѣ хорошій капиталъ, увеличенный подрядами. Шестой, также маляръ, очень ловкій парень, втерся къ предыдущему въ довѣріе, сдѣланъ былъ имъ душеприказчикомъ и сильно нажегъ наслѣдниковъ; жившихъ въ деревнѣ. Наконецъ; одинъ питерщикъ три раза разживался и три раза вылеталъ въ трубу уже въ деревнѣ отъ пьянства. Въ послѣдній разъ жилъ онъ въ деревнѣ 2—3 года и дошелъ до того, что ходилъ босикомъ; пропилъ всѣ пристройки дома, скотину и былъ подвергаемъ даже тѣлесному наказанію въ волостномъ правленіи за расточительность. Но два года тому назадъ кое-какъ собрался въ Питеръ; теперь снова отстроилъ хоро-

шій домъ и имѣть деньги. Сосѣди полагають, что онъ быстро наживается какъ-нибудь нечистыми путями.

Время пребывания въ Питерѣ очень различно, — отъ 7 мѣсяцевъ до 5—10 и болѣе лѣтъ. Продолжительность отдѣльной отлучки питерщика зависитъ глав. обр. отъ ремесла и той ступени, которую онъ занимаетъ въ вышеприведенномъ рангѣ рабочихъ. Малары, каменщики, плотники и другіе ремесленники по устройству домовъ уходятъ отсюда ежегодно въ мартѣ или апрѣлѣ и возвращаются домой въ октябрѣ или началѣ ноября, такъ какъ рабочій сезонъ у нихъ по самымъ условіямъ работъ продолжается только съ конца весны до половины осени. Нѣкоторые-же изъ этихъ промышленниковъ живутъ въ столицѣ по нѣсколько лѣтъ сряду и занимаются разными ремеслами, смотря по сезону: лѣтомъ они малары, плотники, зимой рабочіе на фабрикахъ и заводахъ, торговцы, булочники, дворники. По переписи въ Петербургѣ 10 декабря 1869 года ¹⁾ было крестьянъ-костромичей 10199 мужчинъ; изъ нихъ 2153 плотника, 2412 столяровъ и мебельщиковъ, 1398 маларовъ и штукатуровъ, а такъ какъ большая часть этихъ работъ зимой не производится, то, очевидно, эти костромичи занимались другими ремеслами. Торговцы, слесаря, кузнецы, столяры, водопроводчики и пр. проводятъ на сторонѣ обыкновенно 1½—5 лѣтъ и приходятъ на побывку домой такъ же зимой на 3—6 мѣсяцевъ. Нужно отмѣтить эту особенность, что они прѣзжаютъ домой тоже на зиму, хотя ихъ лѣтнее пребываніе здѣсь было-бы очень кстати для деревенскаго хозяйства и нисколько не убыточно для ихъ питерскаго занятія, такъ какъ многія изъ перечисленныхъ ремеслъ идутъ зимой даже значительнѣе лѣтняго. Объясняется эта невыгодная привычка тѣмъ, что большинство питерщиковъ не умѣетъ или лѣнится работать въ деревнѣ и къ тому-же лѣтомъ здѣсь имъ было-бы скучно: мужчинъ-сосѣдей нѣтъ дома, слѣдовательно, не съ кѣмъ и погулять, а зимой катапья, бесѣдки, свадьбы. Иные живутъ въ Питерѣ 10—30 лѣтъ безвыѣздно и возвращаются домой или умирать, или поправиться

¹⁾ Списокъ населенныхъ мѣстъ. Костромская губернія. Стр. XLIII.

здоровьемъ, по совѣту врачей. Съ этими питерскими жителями живетъ чаще всего на сторонѣ и вся семья или часть ея—жена и дѣти, а престарѣлые родители возятся дома около земли. Другіе, и особенно бездѣтныя семьи, и вовсе переселились въ Питеръ и съ деревней ихъ связываетъ только то, что они ежегодно выправляютъ паспорта и числятся въ крестьянахъ. Наконецъ крупныя и среднія хозяева, купцы пріѣзжаютъ домой, какъ имъ вздумается и иногда не одинъ, а два и три раза въ году; нѣкоторые изъ нихъ проводятъ здѣсь лѣто „на дачѣ“, другіе-же пріѣзжаютъ на зиму специально повеселиться, покутить. И куралесятъ нѣкоторые изъ богачей, такъ напр. одинъ изъ нихъ прикатилъ зимой на тройкѣ, напоилъ всю деревню до пьяна, пробылъ дома 5 часовъ, пока кормились лошади и, не поздоровавшись хорошенько съ женой и семьей, снова укатилъ въ Питеръ. Какая была причина такого быстрого отъѣзда, я не могъ добраться, но положеніе бѣдной жены оказалось незавиднымъ...

Что касается ремеслъ, то мы уже нѣсколько разъ говорили, что въ Чухломскомъ и Солигаличскомъ уѣздахъ почти исключительно развиты *ремесла, необходимыя для столицъ, куда направленъ здѣшній отходъ*. Итакъ мы встрѣчаемъ здѣсь: плотниковъ, столяровъ, обойщиковъ, паркетниковъ, маляровъ, слесарей, кузнецовъ, бондарей, обручниковъ, печниковъ, водопроводчиковъ, мясниковъ, пробочниковъ, переплетчиковъ, лавочниковъ и приказчиковъ, мелкихъ и крупныхъ торговцевъ и, наконецъ, прислугу, преимущественно изъ женщинъ. Безъ подворной переписи положительно невозможно точное опредѣленіе числа ремесленниковъ въ каждой отрасли, такъ какъ въ паспортныхъ книгахъ ремесло уходящаго не прописывается. За недостаткомъ общей переписи, мы представимъ здѣсь крайне интересные выводы изъ одной *частичной переписи*, а именно переписи всѣхъ призывныхъ молодыхъ людей за 6 лѣтъ съ 1882—1887 годъ. За это время призывалось всѣхъ 1439 человекъ и у каждаго изъ нихъ проставлено его ремесло. Исключая 29 лицъ привилегированныхъ (духовныхъ, дворянъ и чиновниковъ), мы получаемъ слѣдующее распредѣленіе остальныхъ 1410 по ремесламъ:

	Число	%		Число	%
Маляровъ	419	29,7	Кузнецовъ	36	2,6
Плотниковъ	327	23,2	Обручниковъ и		
Земледѣльцевъ	201	14,3	бондарей	34	2,4
Столяровъ	119	8,4	Водопроводчиковъ	16	1,1
Печниковъ	62	4,4	Сапожниковъ	15	1,1
Лѣсопромышленниковъ	54	3,8	Портныхъ	10	0,7
Торговцевъ	52	3,7	Слесарей	10	0,7
			Рѣзчик. по дереву	10	0,7

Затѣмъ на остальные 23 ремесла приходится только 45 человекъ, — 3,2%, а именно: 5 паркетчиковъ, 4 штукатура, по 3 насосника, пробочника, товаря по желѣзу, перешлетчика, чернорабочихъ, по 2 мѣдника, обойщика, мясника, каретника и кровельщика, по 1 механику, бронзовщику, стекольщику, мебельщику, золотыхъ дѣлъ мастеру, гробовщику, инструментальщику, точильщику, овчиннику, котельнику и ткачу. Такъ какъ призываются почти всѣ 21-лѣтки, то наша частичная перепись за 6 лѣтъ представляет, можетъ-быть, ошибки относительно болѣе мелкихъ специальностей, но во всякомъ случаѣ указываетъ довольно точное отношеніе въ распредѣленіи отхожихъ промышленниковъ по болѣе крупнымъ промысламъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что $\frac{3}{10}$ всѣхъ молодыхъ людей занимаются малярничествомъ, около $\frac{1}{4}$ плотничествомъ, т. е. болѣе половины всѣхъ уходящихъ на сторону, — 52,9% занимаются этими двумя ремеслами. Затѣмъ сравнительно много занимаются столярничествомъ, печнымъ дѣломъ, торговлей, кузнечнымъ и бондарнымъ дѣломъ. Чернымъ отходомъ, какъ мы и говорили выше, занимаются здѣсь очень немногіе; такъ за 6 лѣтъ встрѣтилось только 3 чернорабочихъ. Но особенно важныя указанія встрѣтили мы въ этихъ данныхъ на число остающихся дома; къ нимъ мы должны отнести только 201 земледѣльца, 54 лѣсопромышленника, 15 сапожниковъ и 10 портныхъ, всего 280 человекъ, т. е. 19,9% или только одну пятую часть всего молодого населенія. Стало-быть, по этой переписи число живущихъ дома оказывается еще меньше, чѣмъ по паспортнымъ книгамъ.

Въ Солдгалическомъ уѣздѣ, какъ мы только-что видѣли, преобладаютъ маляры; они встрѣчаются во всѣхъ 12 отхожихъ волостяхъ уѣзда. Заработокъ ихъ колеблется отъ 70 до 150 рублей за рабочій сезонъ, съ марта или апрѣля до ноября. Затѣмъ слѣдуютъ плотники, особенно изъ тѣхъ волостей, гдѣ еще сохраняются лѣса. Они составляютъ исключеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ изъ остальныхъ промышленниковъ. Они не отдаются для обученія на сторону, а обучаются дома около родителей, начиная съ 10—12 лѣтъ. 16—17 лѣтъ они отправляются со взрослыми на сторону, уже въ качествѣ помощниковъ, и черезъ 2—3 года заканчиваютъ свое ремесленное обученіе. Большая часть плотниковъ ходитъ также въ столицы и къ нимъ относится все вышесказанное объ отходѣ всѣхъ промышленниковъ. Но изъ одной волости, Зашугомской, плотники идутъ преимущественно въ Рыбинскъ и другіе приволжскіе города и носятъ названіе *солмарей*. Въ противоположность питерщикамъ, они идутъ работать артелями или отъ хозяина, или сами отъ себя и тогда изъ среды своей выбираютъ десятника или старосту, который принимаетъ заказы и наблюдаетъ за ходомъ работъ. Тѣ волгари, которымъ почему-либо нельзя отлучиться далеко, работаютъ и въ своемъ уѣздѣ во время свободное отъ полевыхъ работъ. Волгари сравнительно съ питерщиками *менше культурный народъ*. Заработокъ плотниковъ отъ 60 до 100 рублей, тоже съ апрѣля до октября. Число бочаровъ, бондарей и обрубниковъ, съ устройствомъ въ столицахъ водопроводовъ, постоянно уменьшается, такъ что нѣкоторые изъ нихъ перестали даже ходить на сторону, вслѣдствіе уменьшенія работъ и заработка. Работы въ этомъ ремеслѣ идутъ круглый годъ, такъ что большинство бондарей приходитъ домой черезъ 1½—3 года. Годичный заработокъ отъ 100—200 рублей. Водопроводчики и насосники зарабатываютъ больше всѣхъ предъидущихъ, по 250 руб. за лѣто и до 400 руб. годъ. Ихъ вообще немного въ уѣздѣ; остаются они въ Питерѣ 1½—3 года. Столяровъ въ уѣздѣ значительное число; живутъ они на сторонѣ по нѣсколько лѣтъ и получаютъ въ годъ, смотря по умѣнью, 50—140 руб. Мясники только въ 5 деревняхъ и именно въ тѣхъ,

въ которыхъ живутъ богатые мясники-хозяева; у двоихъ изъ нихъ капиталъ, какъ говорятъ, превышаетъ 100 тысячъ. Торговцы мелкіе и крупныя, приказчики, лавочники, трактирщики встрѣчаются во всемъ уѣздѣ; нужно замѣтить одну особенность, что громадное большинство этихъ болѣе свободныхъ промышленниковъ не изъ бывшихъ крѣпостныхъ, а изъ государственныхъ крестьянъ. Объясняется этотъ фактъ просто: ремесло крѣпостныхъ зависѣло очень часто отъ усмотрѣнія помѣщиковъ, а какъ мы говорили уже выше, ремесло отца передается сыну и т. д., слѣд. отцы, обученные ремеслу еще при крѣпостномъ правѣ, отдаютъ теперь и своихъ сыновей обучаться тому-же ремеслу. Государственные же крестьяне были свободны въ выборѣ ремесла и занятія въ столицѣ. Заработокъ и доходъ членовъ этой группы опредѣлить очень трудно; онъ колеблется между сотнями и тысячами рублей. Заработокъ болѣе мелкихъ промышленниковъ, — слесарей, кузнецовъ, печниковъ и пр. колеблется отъ 80 до 300 руб. въ годъ; самый большой онъ у слесарей. Группа прислуги почти исключительно состоитъ изъ женщинъ.

Итакъ мы видимъ, что заработки солигаличскихъ промышленниковъ очень значительны, въ среднемъ болѣе 100 руб. на человѣка. Принимая во вниманіе и то, что кромѣ отхожихъ заработковъ въ каждомъ домѣ ведется и сельское хозяйство, можно было-бы думать, что жизнь крестьянъ въ разбираемой отхожей полосѣ должна быть очень зажиточной. Но здѣсь являются на сцену различныя невыгодныя условія, которыя находятся въ прямой или косвенной связи съ отхожими заработками. Прежде всего слѣдуетъ указать на то важное обстоятельство, что здѣсь отходъ преимущественно приходится на то время, когда производятся земледѣльческія работы. Большинство домовъ должно нанимать постоянныхъ лѣтнихъ работниковъ или подещниковъ для сѣнокоса и уборки хлѣба, на что и тратится значительная доля мужского заработка на сторонѣ; сами же хозяева-мужчины, вислолько не участвуя въ полевыхъ работахъ, являются въ деревню на нерабочее глухое время, — на хлѣба, приготовленные жепами. Къ тому-же обработка земли наемными работниками значительно хуже. Въ этомъ отношеніи зимніе

заработки гораздо выгоднѣе. Но кромѣ этого существеннаго недостатка здѣшнихъ отхожихъ заработковъ, есть и другія условія, значительно сокращающія выгоды отъ нихъ. Сюда относится неизбежная и довольно большая трата на дорогу, особенно значительная для большинства промышленниковъ, совершающихъ дорогу дважды въ годъ, т. е. въ Петербургъ и назадъ. Большая часть питерщиковъ и именно простыхъ рабочихъ отправляются отсюда по вскрытіи рѣки Костромы на большихъ лодкахъ-бѣлянахъ, по 70—150 человекъ на одной бѣлянѣ до Костромы; изъ этого города—на пароходѣ до Рыбинска и отъ него по желѣзной дорогѣ до Петербурга. Этотъ конецъ стоитъ минимумъ 10—12 р. Обратная же дорога зимой или осенью идетъ больше по желѣзнымъ дорогамъ, а именно отъ Петербурга до Москвы, отъ Москвы до станціи Пречистой Вологодско-Ярославской жел. дор. и отъ нея на лошадяхъ до мѣстожительства (эта станція удалена отъ разныхъ частей Солигаличскаго уѣзда на 100—200 верстъ¹⁾). Этотъ обратный путь стоитъ еще дороже, такъ какъ больше приходится ѣхать по желѣзной дорогѣ; ѣдутъ питерщики съ заработковъ съ большимъ шикомъ и тратятъ много на выпивку и, наконецъ, въ это время самая дурная дорога и приходится очень дорого платить за лошадей, такъ какъ здѣсь считается за правило крикаться домой на парѣ или тройкѣ съ колокольчикомъ. Въ среднемъ на этотъ конецъ уходитъ 15—18 руб., а у другихъ и болѣе 20 руб. Такимъ образомъ нужно считать, что дорога въ оба конца стоитъ минимумъ 25 и максимумъ 35 руб., что составляетъ $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{3}$ всего заработка. Далѣе, о поденщикахъ мы говорили уже выше, что у нихъ пропадаетъ известное число дней на присканіе работы, особенно въ тѣ годы, когда въ Петербургѣ производится мало работъ. Въ болѣе неблагоприятные годы число рабочихъ, пришедшихъ въ столицу, оказывается болѣе, чѣмъ ихъ требуется для производимыхъ работъ; поэтому нѣкоторые несчастливцы вовсе не могутъ до-

¹⁾ Нѣкоторые, особенно ѣдущіе зимой, доѣзжаютъ отсюда на лошадяхъ до Рыбинска, а отъ него по желѣзной дорогѣ до Петербурга. Обратный путь они совершаютъ также.

стать работы, а другіе имѣютъ работу только извѣстную часть рабочаго сезона и въ нерабочій періодъ проживаютъ бесполезно для дома свой заработокъ. Къ тому-же этотъ заработокъ ниже обыкновеннаго: большая конкуренція значительно понижаетъ рабочую плату. Оставшіеся долго безъ работы или отправляются пѣшкомъ домой, питаются въ дорогѣ „Христовымъ именемъ“, или попадаютъ на этапъ. Они-же составляютъ и главную массу пришлыхъ столичныхъ преступниковъ: безъ работы, голодный питерщикъ невольно рѣшается на воровство. Кромѣ того мы выше уже указывали на тотъ фактъ, что въ нерабочій періодъ питерские легче поддается всякимъ столичнымъ соблазнамъ, прокучиваетъ и остальной заработокъ, въ пьяномъ видѣ совершаетъ всевозможные проступки и преступления, за которые его, послѣ извѣстнаго наказанія, водворяютъ на родину по этапу. Не мало времени и денегъ отнимаютъ у питерщиковъ болѣзни, которыми Петербургъ съ его подвальными мастерскими щедро награждаетъ пришлый народъ. Рѣдкій питерщикъ не пролежалъ за все время своего хожденія нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ столичныхъ больницахъ. Особенно плохо приходится тѣмъ, которые заболѣваютъ вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ; заработка они сдѣлать еще не успѣли, мѣста теряютъ, а дорогое рабочее время уходитъ, и имъ по выходѣ изъ больницы часто ничего не остается, какъ ѣхать домой, отнимая изъ сельскаго хозяйства деньги на дорогу, на плату за больницу, а нерѣдко и за этапъ. Наконецъ, питерщики много оставляютъ денегъ въ столицахъ на пьянство и всякаго рода разгулъ; начинается онъ обыкновенно по окончаніи работъ, передъ уходомъ на родину, и иногда продолжается всю дорогу. Нестолько пропивается, сколько теряется и раскрадывается у пьяныхъ: „больше зря растеряемъ, чѣмъ припесемъ“ сознаются сами питерщики. Тратилось бы и терялось еще больше, если-бы здѣсь не было обыкновенія, что каждый питерщикъ по мѣрѣ заработка присылаетъ 1—2 раза въ дѣто деньги домой для уплаты податей, найма работницъ. Извѣстная доля заработка уходитъ на *удовлетвореніе наклонности къ шегольству*, на покупку дорогихъ подарковъ для домашнихъ, напр. шелковой и шерстяной матерій на платье дѣвушкамъ-

сестрамъ, часовъ, новомодныхъ ботинокъ, дорогой шубы, различныхъ дорогихъ платковъ, кофты и пр. Не говоря уже о ненужности многихъ изъ этихъ вещей вообще, расходъ на нихъ для крестьянъ тѣмъ болѣе не производителенъ, что надѣваются эти шелковыя платья и шубки одинъ — два раза въ годъ, и во многихъ домахъ передъ отъѣздомъ мужа или брата въ Питерь, когда и питерскіе, и деревенскіе капиталы и запасы истощены, эти богатые наряды несутъ въ закладъ или и все продаютъ за $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{4}$ настоящей цѣны, чтобы какъ-нибудь добыть нужную сумму на паспортъ и на дорогу. И не смотря на все это, возвращеніе питерщика хотя-бы и съ деньгами, но безъ подарковъ, производитъ большое разочарованіе въ семьѣ и особенно среди молодыхъ женщинъ. Какъ сказать объ этомъ любопытнымъ сосѣдкамъ, которыя вскорѣ послѣ пріѣзда питерщика сбѣгаются смотрѣть на привезенные подарки? Вѣдь если молодой мужъ вернулся безъ подарковъ, то слѣдовательно онъ не любитъ свою жену или сердитъ на нее... Опять сестры-невѣсты, — вѣдь онѣ изъ этихъ подарковъ составляютъ свое приданое... Отсутствіе подарковъ, а главнымъ образомъ толки и пересуды сосѣдокъ ведутъ иногда къ довольно серьезнымъ семейнымъ ссорамъ, и потому рѣдкій питерщикъ рѣшается нарушить этотъ изстаривавшійся заведенный порядокъ. Кромѣ подарковъ роднымъ, возвращающійся непременно долженъ привести какихъ-нибудь пряниковъ или конфетъ („закусокъ“ — называютъ здѣсь) для всѣхъ деревенскихъ ребятъ, которые тотчасъ по пріѣздѣ питерщика являются за полученіемъ этихъ сластей. Мнѣ пришлось разъ попасть въ одинъ зажиточный домъ къ пріѣзду питерщика, и онъ при мнѣ сталъ одѣлывать всѣхъ ребятъ пряниками изъ полного ящика, стоящаго 3—4 рубля. Не мало уходитъ денегъ и на пересылку довольно тяжелыхъ вещей, присылаемыхъ изъ Питера. Здѣшніе косы и серпы считаются очень плохими и потому многіе питерщики вмѣсто того, чтобы привести ихъ съ собой, высылаютъ ихъ по почтѣ. Что этотъ непроизводительный расходъ въ общемъ не малъ, я могу подтвердить примѣромъ одной мѣстной почтовой станціи, гдѣ во время сѣнокоса и жатвы эти посылки съ каждой почтой полу-

чаются пудами. Наконецъ, рѣдкій пожилой питерщикъ не привозитъ съ собою лекарствъ, особенно въ видѣ дорогихъ бальзамовъ,—майскаго, рижскаго и другой всякой драги.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о *приходящихъ домой по этапу*; поговоримъ здѣсь нѣсколько подробнѣе о нихъ, такъ какъ они составляютъ довольно значительный расходъ для всего уѣзда, а особенно вліяютъ пагубно на благосостояніе своихъ семей. Вотъ число этапниковъ въ Солиталичскомъ уѣздѣ за 10 лѣтъ: въ 1874 г.—66 м. и 2 ж., 75 г.—49 м., 76 г.—52 м. и 3 ж., 77 г.—73 м., 78 г.—41 м. и 1 ж., 79 г.—83 м. и 1 ж., 80 г.—76 м., 81 г.—88 м., 82 г.—82 м. и 1883 г.—84 м. Такимъ образомъ мы видимъ почти постоянное возрастаніе этапниковъ, что, можетъ-быть, слѣдуетъ отнести къ болѣе строгому отношенію столичной полиціи къ безпаспортнымъ. Въ 1882 году этапники составляли 1,6% всѣхъ ушедшихъ на сторону изъ уѣзда. Каждый этапникъ обходится средн. числомъ 12 руб., что составитъ въ годъ болѣе 1000 руб. на уѣздъ. Особенно тяжело ложатся эти деньги на семьи этапниковъ, такъ какъ выплачивать ихъ приходится изъ доходовъ здѣшняго бѣднаго сельскаго хозяйства.

Мы уже указывали, что на этапъ попадаютъ не одни преступные или разгульные питерщики, но и невинные, не доставшіе себѣ работы, какъ люди безъ опредѣленныхъ занятій, почему-либо просрочившіе паспорта и другіе; въ число этихъ невинныхъ попадаютъ обыкновенно поденщики и люди молодые, незнакомые со всѣми порядками столичной жизни и полиціи. Приходъ домой по этапу считается въ деревнѣ позоромъ; путешествіе съ солдатами или по „липовой машинѣ“, т. е. въ лаптяхъ по этапу, осмѣивается даже въ сложеной здѣсь юмористическо-сатирической пѣсенкѣ. Общество безъ разбора смотритъ на каждаго этапника, какъ на человѣка виновнаго, поведенія не трезваго, къ хозяйству незначительнаго и, какъ таковой, онъ приговаривается обыкновенно волостнымъ судомъ къ наказанію или аресту, или къ „березовой лапшѣ.“ На молодыхъ питерщиковъ дѣйствуетъ все это деморализующимъ образомъ. Стыдъ отъ наказанія, раз-

стройство хозяйства и невозможность 1—3 года, до уплаты этапныхъ денегъ и недоимокъ, идти на сторону, ставятъ молодаго питерщика въ безвыходное положеніе тѣмъ болѣе, что и дома онъ плохая помощь: земледѣльческихъ работъ онъ не знаетъ и въ работники такихъ не берутъ. Волей-неволей приходится ему послѣ легкой работы привыкать къ деревнѣ, труднымъ полевымъ работамъ. Люди-же бывалые, пришедшіе по этапу уже не первый разъ, не унываютъ и, послѣ наказанія въ волостномъ правленіи, снова отправляются въ путешествіе безъ паспорта и безъ денегъ. Иногда такой путешественникъ быстро попадаетъ и снова возвращается домой по этапу, а иногда ему удается найти мѣсто, занятія, выслать домой деньги на уплату податей; родные ему посылаютъ паспортъ, и онъ снова становится легальнымъ челоувѣкомъ. Впрочемъ большинство этихъ бывалыхъ людей обращается въ бродягъ.

Какъ земледѣльческіе отхожіе заработки были однимъ изъ важныхъ косвенныхъ вліяній для переселенія крестьянъ изъ густо населенныхъ мѣстъ на окраины, привольныхъ земель, такъ и *городскіе отхожіе промыслы* привели также къ эмиграціи сельскаго населенія *изъ города и къ уменьшенію крестьянскаго сословія*. Многіе солигаличане и чухломцы, хозяева и простые работники, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, а нѣкоторые богатые даже и раньше освобожденія, стали жить постоянно въ Питерѣ со всей семьей; надѣльной земли и дома у нихъ нѣтъ, хозяйства въ деревнѣ никакого, и вся связь ихъ съ деревней поддерживается только тѣмъ, что они еще числятся крестьянами и ежегодно выправляютъ паспорта изъ своей волости. Другіе порвали и эту формальную связь, выписались изъ крестьянъ и причислились, смотря по занятіямъ и капиталу, къ мѣщанамъ, ремесленникамъ, купцамъ. У болѣе богатыхъ переходъ въ купцы вызывается, конечно, свойствомъ ихъ дѣла: крестьянину неудобно вести тысячныя дѣла, брать большіе подряды, заводить важныя и нужныя знакомства. Можетъ-быть, у нѣкоторыхъ играетъ извѣстную роль и тщеславіе, желаніе похвастаться передъ деревней и родней. Средніе хозяева припи-

сѣваются къ мѣсту своего жительства во избѣжаніе хлопотъ и расходовъ на выправку паспортовъ и для большаго довѣрія у работодателей, которые легче вѣрятъ петербургскому ремесленнику, чѣмъ солигаличскому крестьянину. Но самая главная причина для перехода въ друіія сословія, какъ мнѣ пришлось слышать отъ многихъ выпивавшихся, — служба по крестьянскимъ выборамъ. Для всякаго живущаго постоянно въ Питерѣ и имѣющаго хорошее мѣсто отлучаться въ деревню, для службы на 1—3 года, значить разстроить надолго или навсегда свое благосостояніе; мѣсто будетъ потеряно, переѣздъ въ деревню съ семьей потребуетъ большихъ расходовъ, начинать въ деревнѣ хозяйство далеко не легко для человѣка, забывшаго или совсѣмъ не знавшаго полевыхъ работъ и къ тому-же часто не имѣющаго въ деревнѣ ни дома, ни скота, однимъ словомъ ничего, необходимаго для хозяйства. Еще труднѣе уѣхать на 3 года изъ Питера для хозяина, у котораго въ столицѣ торговля, лавки или мастерскія, постоянныя рабочіе, годовыя работы; для него такая отлучка равносильна полному раззоренію, если у него нѣтъ сына, могущаго замѣнить его въ столицѣ. Кромѣ того питерчики, живущіе почти постоянно на сторонѣ, забываютъ деревенскую жизнь, боятся попасть въ просакъ, сдѣлать невольныя растраты. Что солигаличане неохотно идутъ служить, доказываетъ возникновеніе даже такихъ дѣлъ у судебного слѣдователя, какъ „отказъ отъ должности старости“. Крестьяне отлично понимаютъ это и, имѣя въ виду даровую и щедрую выпивку, выбираютъ очень часто въ должности отъ сотскаго до старшины включительно именно тѣхъ односельчанъ, которые почему-либо не могутъ служить и жить въ деревнѣ. Выбираемые отказываются, но всѣ ихъ доводы рѣдко принимаются во вниманіе, — и приходится имъ обыкновенно выставять выборщикамъ известное угощеніе, болѣе задорныхъ крикуновъ улаживать тѣмъ или инымъ способомъ, а выбранному за себя или платить все жалованье, или приплачивать сверхъ положеннаго еще большую или меньшую сумму, смотря по сговорчивости замѣстителя. Эти выборы со всѣми расходами обходятся иному хозяину за все 3-лѣтіе въ 100—300 рублей. Впрочемъ слѣдуетъ огово-

ряться, что не всегда одни водочные или корыстные интересы заставляют крестьян выбирать лицъ, не могущихъ служить въ деревнѣ: во всякомъ случаѣ на сторону идетъ почти все лучшее изъ деревни, а здѣсь остаются различные неудачники, такъ что въ нѣкоторыхъ обществахъ нѣтъ ни одного порядочнаго крестьянина, который живетъ въ деревнѣ и можетъ умѣло и честно отбыть службу, почему поневолѣ крестьяне выбираютъ того или другаго изъ нежелающихъ. Многіе старосты, отпѣтые пьяницы, дѣло ведутъ неряшливо и нечестно, отчего здѣсь такъ часто возникаютъ дѣла о растратѣ общественныхъ суммъ. За десятилѣтіе съ 1874 по 1883 годъ у солигаличскаго судебного слѣдователя было 25 дѣлъ по растратамъ сельскими властями мирскихъ суммъ, что составляетъ 3,4⁰/о всѣхъ дѣлъ. Всякій болѣе состоятельный крестьянинъ, испытавши разъ выборную передрагу и чувствуя постоянно надъ собою Дамокловъ мечъ, могущій на него опуститься снова черезъ 3 года, спѣшитъ поскорѣе расчитаться съ деревней и перейти въ возможное для него сословіе. Переходъ былъ бы гораздо значительнѣе, если-бы онъ не требовалъ большихъ расходовъ и хлопотъ. Выписывающійся долженъ выкупить свою землю, такъ какъ общество рѣдко соглашается взять ее себѣ; затѣмъ онъ обязанъ получить отъ своего общества увольнительное свидѣтельство, которое выдается только тогда, когда за нимъ нѣтъ недоимокъ и онъ не оставляетъ какихъ-либо увѣчныхъ и престарѣлыхъ членовъ своей семьи, которые могутъ потомъ поступить на попеченіе общества. Наконецъ, тѣлесное наказаніе, которому легко можетъ подвергнуться всякій крестьянинъ, еще болѣе ужасно для расфранченнаго питевщика, чѣмъ для *страго* сельскаго обитателя, почему и этотъ моментъ играетъ немаловажную роль въ переходѣ крестьянъ въ другія сословія.

Эмиграція крестьянъ съ каждымъ годомъ *увеличивается*. Определить число крестьянскихъ семей, перѣхавшихъ на постоянное жительство въ города, безъ переписи очень трудно, но оно очень значительно, на что указываютъ пустыя заколоченныя избы во многихъ деревняхъ. Число же перешедшихъ въ другія сословія мною определено

для Солигаличскаго уѣзда ¹⁾). До 1861 года выписались только 3 семьи, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ откупиться на волю стоило очень дорого. Послѣ же эмансипаціи до 1883 года выписалось уже 127 семей. За послѣднія 6 лѣтъ перешедшихъ въ другія сословія было также не менѣе 4 десятковъ семей. Интересно прослѣдить отношенія этихъ семей къ землѣ и деревнѣ, сообразно которымъ всѣ 130 семей распределены мною на 8 главныхъ группъ:

6 семей постоянно живутъ въ деревнѣ, имѣютъ собственную землю и ведутъ хозяйство.

5 семей, — тоже что и въ первой группѣ, но только хозяинъ ежегодно на извѣстное время уѣзжаетъ въ столицы для наблюденія за торговлей, мастерскими.

Въ 27 семьяхъ хозяинъ занимается отхожимъ промысломъ, а остальная семья живетъ въ деревнѣ, имѣетъ землю и ведетъ хозяйство.

15 семей живутъ на сторонѣ, не имѣютъ хозяйства, но имѣютъ землю, которую обрабатываютъ для себя родственники.

2 семьи живутъ на сторонѣ, а земля ихъ лежитъ пустая.

2 семьи живутъ въ деревнѣ, но не имѣютъ ни земли, ни хозяйства.

Въ 2 семьяхъ хозяинъ занимается отхожимъ заработкомъ, а семья живетъ въ деревнѣ, но не имѣетъ ни земли, ни хозяйства.

Наконецъ, 71 семья постоянно живетъ на сторонѣ, — въ деревнѣ нѣтъ ни земли, ни хозяйства.

Такимъ образомъ изъ 130 семействъ только 71, т. е. 54,6% уже окончательно разорвали всякую связь съ землей и деревней; они изъ дворовыхъ или отказались отъ надѣльной земли или, наконецъ, выкупили ее и отдали кому-либо изъ родственниковъ. Остальныя же 59 семей поддерживаютъ связь и довольно прочную

¹⁾ Эти данныя собраны черезъ волостныя правленія, почему въ нихъ вѣроятно есть и неточности, но въ общемъ они вѣрны, — что мнѣ удалось провѣрить во многихъ случаяхъ.

съ деревней и земледѣлемъ; онѣ не только выкупили свою землю и ведутъ на ней сельское хозяйство, но большинство изъ нихъ прикупили еще отъ бывшихъ помѣщиковъ очень крупныя участки. Къ числу этихъ не оторванныхъ отъ земли принадлежать не только одни простые ремесленники, но и средніе хозяева и крупныя богачи и купцы. Что же удерживаетъ всѣхъ этихъ не-крестьянъ и особенно богачей отъ полного разрыва съ деревней и переезда на постоянное жительство въ городъ? Что ихъ приковываетъ къ землѣ и деревнѣ, такъ какъ деревенское хозяйство у купцовъ иногда идетъ въ убытокъ или даетъ такой доходъ, который не имѣетъ никакого значенія, сравнительно съ доходомъ отъ торговли или промысла въ столицѣ? Этотъ вопросъ я предлагалъ и простымъ мастеровымъ, и хозяевамъ, и купцамъ и получалъ отвѣты, замѣчательныя по согласію и единодушію, — даже и словами-то выражались почти одинаковыми: „питерское дѣло наше не надежное, дѣла теперь въ застоѣ и всегда легко обанкрутиться. Мѣняется и запросъ на наши мастерства: вошь бочары, — какъ прежде хорошо работали, а въ настоящее время дѣло ихъ упадаетъ. Къ тому же и несчастія бываютъ разныя, заболѣешь, найдешь дурь, прокутись до чиста, падуютъ заказчики, особливо теперь дома все строятся въ кредитъ... Вотъ на этотъ-то конецъ и есть, гдѣ пріютиться; въ деревнѣ хотя и не разгуляешься, а кусокъ хлѣба и уголь будетъ всегда свой.“ И въ подтвержденіе этихъ словъ приводятся самыя различныя примѣры Петровыхъ, Степановыхъ, которые прежде въ Питерѣ свои дома имѣли, а теперь по этапу домой приходятъ. Итакъ главн. образомъ неувѣренность въ столичномъ занятіи и даже состояніи (иногда изъ сотни тысячъ и нѣсколькихъ домовъ) заставляетъ питерщиковъ смотрѣть на деревенскій домъ и особенно на свою землю, какъ на болѣе солидное обезпеченіе, чѣмъ всѣ питерскія выгодныя занятія и богатства. Поэтому многіе питерщики, начинающіе хозяйствовать и разживаться, первымъ дѣломъ строятъ большіе дома въ деревнѣ, затрачивая иногда на нихъ весь свой свободный капиталъ. Послѣ постройки дома они стараются купить подходящій кусокъ земли. Нужно

замѣтить, что и богатые дома въ деревнѣ, стоимостью до 5000 руб. и болѣе, строятся по обыкновенному здѣсь крестьянскому типу: дворъ возводится подъ одной крышей съ домомъ и занимаетъ больше половины всей постройки. Онъ обыкновенно 2-хъ этажный: внизу помѣщаются скотина и разныя кладовыя, а вверху тоже болѣе чистыя кладовыя, складывается сѣно, стоятъ всѣ земледѣльческія орудія, телѣги, сапи. Такимъ образомъ и палаты богачей приравниваются къ крестьянскому хозяйству. Эти дома по величинѣ рѣзко выдаются среди остальныхъ крестьянскихъ избъ; большинство изъ нихъ окрашено въ самые разнообразныя цвѣта. Большія окна, раскрашенныя двери, рѣзба и другія наружныя украшенія составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ такихъ палатъ. Внутреннее устройство самого дома напоминаетъ одновременно деревню и городъ; онъ двухъ-этажный, или одноэтажный изъ двухъ половинъ. Одна половина или нижній этажъ составляютъ *грязную половину*; устройство ея точно такое-же, какъ и во всѣхъ избахъ: русская печь, голбець, полати, лавки. *Чистый* этажъ или *чистая* половина имѣютъ обыкновенно нѣсколько комнатъ, въ которыхъ крашеные полы, обои, отдѣланныя подъ дубъ или орѣхъ перегородки, выкрашенныя масляной краской окна и довольно порядочная меблировка. Въ чистыхъ половинахъ живутъ мало; онѣ служатъ только лѣтней спальней, для пріема гостей, свадебъ и другихъ пировъ; все остальное время и особенно зимой всѣ скучиваются въ грязной половинѣ. Однимъ словомъ эти дома служатъ для тщеславія и играютъ такую-же роль, какъ дорогія шубы и шелковыя платья, надѣваемые 2—3 раза въ годъ. Какъ глупо и перазсчитливо тратятся иногда послѣднія средства на постройку этихъ богатыхъ и ни кому ненужныхъ домовъ, доказывается тѣмъ, что немало этихъ домовъ стоитъ разрушенными и у наслѣдниковъ строителей нѣтъ часто средствъ на хлѣбъ, а не то что для поддержанія этихъ палатъ. Такихъ хорошихъ домовъ въ одной Карцовской волости есть болѣе 40; три изъ нихъ стоятъ болѣе 5000 руб., многіе 2000—3000 руб. и всѣ остальные не менѣе 1500—1000 руб. Изъ нихъ

10 стоять совсѣмъ безъ поддержки и 3 почти совсѣмъ разрушились.

Сельское хозяйство у богачей ведется также на манеръ крестьянскій и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ; одинъ работникъ, 1—2 работницы, ограниченное количество скота, небольшая запашка въ 5—12 десятинъ при сотняхъ десятинъ купчей земли, полное отсутствіе какихъ либо машинъ и улучшеній: все по крестьянски, по дѣдовски. Какъ я уже сказалъ выше, это деревенское хозяйство у богачей даетъ очень незначительный доходъ (а у двухъ извѣстныхъ мнѣ купцовъ идетъ въ убытокъ) и ведется оно исключительно съ той цѣлью, чтобы не забрасывать дома и хозяйства на случай могущаго быть несчастія въ Питерѣ. Завѣдуютъ сельскимъ хозяйствомъ обыкновенно старшіе члены семьи и преимущественно женщины. Не одно опасеніе за будущее заставляетъ питерщиковъ держаться земли и деревни, но и другія, побочныя болѣе или менѣе важныя причины. Старые члены семьи и именно женщины, проводившія большую часть жизни въ деревнѣ и иногда вовсе не бывавшія въ столицѣ, не смотря на то, что тамъ у мужа есть собственные дома, не могутъ и подумать о городской жизни; для нихъ жизнь безъ полатей, русской печки, коровы и прочихъ деревенскихъ прелестей не мыслима, и въ богатомъ домѣ своего мужа-купца онѣ были бы обузой и для него, и для самихъ себя. Кромѣ того въ Питерѣ онѣ не могутъ найти для себя подходящаго занятія, а въ деревнѣ у нихъ все время занято дорогими для нихъ крестьянскими заботами и работами. Мнѣ приходилось встрѣчать немало такихъ женъ богачей, которыя, проживши въ Питерѣ $\frac{1}{2}$ —1 годъ, положительно заболѣвали отъ тоски и скуки и своими просьбами такъ надоѣдали мужьямъ, что тѣ отправляли ихъ уже на постоянное жительство въ деревню. Я знаю такой случай, что старуха, почти совсѣмъ слѣпая, жила въ деревнѣ одна безъ всякой родни, хозяйничала съ грѣхомъ по-поламъ съ работницей; уходъ за нею былъ плохой и все таки всѣ просьбы дочери, имѣющей въ Питерѣ два трактира, были безуспѣшны до самаго послѣдняго времени, когда старуха совсѣмъ ослѣпла. Пожилыхъ мужчинъ-питерщиковъ также притягиваетъ деревня, по

совершенно съ другой стороны: не получившій никакого образованія и иногда даже мало вылощенный питерщикъ, не смотря на свое богатство, чувствуетъ себя не вполне хорошо въ Питерѣ, онъ тамъ не замѣтеть, а въ деревнѣ онъ въ почетѣ, тщеславіе его удовлетворяется на родинѣ лучше, чѣмъ на сторонѣ, ему всѣ кланяются, духовенство къ нему относится съ должнымъ уваженіемъ, какъ къ щердому прихожанину, — и онъ желаетъ быть лучше первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ Питерѣ.

Ареной для показыванія богатства служатъ здѣсь главнымъ образомъ зимніе базары въ городахъ и большихъ селахъ, когда питерщики изволятъ кататься на дорогихъ рысакахъ, въ посеребренной сбруѣ, съ женами, разряженными на манеръ прежнихъ московскихъ купчихъ. Существуютъ даже особенные дни на масляницѣ и послѣ Пасхи для показыванія своихъ молодыхъ женъ и нарядовъ.

Молодые же питерщики, которыхъ больше нравится столичная жизнь, благодаря большому воздѣйствію на нихъ *столичной культуры*, не прочь бы иногда и совсѣмъ переселиться въ Питеръ, если бы не сдерживающее вліяніе стариковъ и женъ. Нужно замѣтить здѣшнюю особенность, что *ость питерщики, самые бѣдные и самые богатые, женятся исключительно на деревенскихъ дѣвушкахъ*. Дѣлается это въ силу традицій и по настоянію старшихъ, опять-таки въ виду могущаго быть несчастія. Женившись на подходящей городской дѣвушкѣ, питерщикъ не можетъ привезти ее въ деревню для продолженія сельскаго хозяйства: ни работать въ полѣ, ни хозяйничать въ деревнѣ она не умѣетъ, да и жизнь-то деревенская послѣ Питера ей покажется невыносимой. Продолжать же сельское хозяйство въ силу вышесказанной причины считается необходимымъ; слѣд. необходимо жениться на деревенскихъ дѣвушкахъ, которыя отъ бѣдныхъ до богатыхъ умѣютъ и работать, и хозяйничать въ полѣ. Дочери даже богатыхъ питерщиковъ обыкновенно работаютъ въ полѣ, наравнѣ съ работницами, но, вышедши замужъ, онѣ перестаютъ сами работать, а только наблюдаютъ и хозяйничаютъ.

До сихъ поръ обычай жениться на деревенскихъ дѣвушкахъ соблюдается твердо, и мнѣ не приходилось слышать объ исключеніяхъ. Богачи и состоятельные питерцики женятся также на мѣщанкахъ и дочеряхъ духовенства, преимущественно дьяконовъ и причетниковъ, но опять-таки это — сельскія дѣвушки, работающія въ полѣ и хозяйничающія не хуже крестьянокъ. По развитію онѣ также несколько не выше, если даже не ниже своихъ мужей. Такимъ образомъ жена и семья питерцика, находящаяся подъ большимъ вліяніемъ деревни, составляютъ тормазъ для окончательнаго переселенія въ Питеръ. Кромѣ того богатыхъ питерциковъ старается здѣсь удерживать и духовенство, не желая терять навсегда своихъ щедрыхъ и усердныхъ прихожанъ. Вообще траты богачей на церкви и духовенство довольно значительны: въ недавнее время одинъ на своей родинѣ выстроилъ церковь, другіе два затратили — одинъ 1500 руб. на поправку церкви, другой 1000 р. на поправку ограды и т. д. Кромѣ того дѣлаютъ крупныя влады въ церкви.

Деревня едва ли что выигрываетъ отъ остающихся богачей-питерциковъ. Сельское хозяйство ихъ, какъ мы сейчасъ говорили, ведется на крестьянскій манеръ и не можетъ служить хорошимъ поощрительнымъ примѣромъ для сосѣдей; по своей незначительности, они не представляютъ и значительнаго заработка для живущихъ въ деревнѣ, такъ какъ у самыхъ богатыхъ не болѣе 1—3 работниковъ и работницъ. Про ярославскихъ богачей намъ часто приходилось читать, что они устраивали на родинѣ школы, богадѣльни и пр., но всѣ благодѣянія солигаличанъ почти исключительно направлены на церкви и духовенство, и особенно на устройство церковныхъ домовъ. Во многихъ приходяхъ уѣзда дома, гдѣ живетъ духовенство, каменные, двухъ-этажныя, стоящія 5000—8000 рублей. Часть этихъ домовъ, вслѣдствіе обширности ихъ, нерѣдко пустуетъ. Въ случаѣ пріѣзда на родину давно небываваго дома богача, его окружаетъ не только свое приходское духовенство, но и родственники послѣдняго изъ другихъ приходоу; всѣ они получаютъ извѣстныя суммы на приданое для бѣдной невѣсты, для обученія сына,

на зубокъ крестникамъ. Изъ пожертвованій собственно для крестьянъ можно указать въ уѣздѣ только на два. Два богача устроили при одномъ приходѣ каменную богадѣльню на 10 человекъ и для содержанія прирѣваемыхъ оставили капиталъ въ 10000 рублей. Но прошло уже болѣе 10 лѣтъ послѣ завѣщанія, а капиталъ этотъ все еще не переданъ душеприказчикомъ въ вѣденіе попечительнаго совѣта богадѣльни, которая и до сихъ поръ почти вовсе не функционируетъ. Въ другомъ приходѣ купецъ-милліонеръ выстроилъ двухъ-этажный каменный домъ для богадѣльни и для школы; богадѣльня обезпечена извѣстнымъ вкладомъ, а для школы вдова этого купца высылаетъ ежегодно 150 или 200 руб. Въ 1887 году нѣкоторые богачи сдѣлали довольно крупныя пожертвованія на устройство больницы: купецъ Гусевъ 1000 руб., крестьянинъ Симоновъ 200 руб., Юдинъ 150 руб., другіе давали по 25 и 50 рублей. Кромѣ того въ 2—3 школахъ богачи числятся попечителями, но помощь ихъ ничтожная—10—25 рублей, да и тѣ высылаются очень неаккуратно. Можно еще указать на одного купца, который, какъ говорятъ, долженъ помогать бѣднымъ по завѣщанію отца. Но въ помощи этой нѣтъ ничего опредѣленнаго, и часто она не цѣлесообразна. Онъ строитъ для своихъ бѣдныхъ однодеревенцевъ и родственниковъ дома или въ долгъ, или совсѣмъ даромъ, платитъ иногда за нихъ недоимки, покупаетъ изрѣдка лошадей; но часто эти благодѣянія дѣлаются подъ пьяную руку и въ непривлекательной формѣ для принимающаго. О какомъ-либо культурномъ вліяніи богачей на однодеревенцевъ нечего и говорить; нѣкоторые изъ нихъ своимъ отношеніемъ къ окружающимъ напоминаютъ прежнихъ московскихъ купцовъ-самодуровъ. Одни богачи не гнушаются своихъ сосѣдей и пьютъ съ ними на-пропалую, спавая не только мужиковъ, но и бабъ; другіе же держатся особнякомъ отъ деревни, и посѣтителями ихъ бываетъ только мѣстная аристократія. На пьянство, игру и другія безобразія тратятся здѣсь большія деньги и разстраиваются хорошія хозяйства. Такъ напр. одинъ крестьянинъ, получившій въ наслѣдство 15000 руб., спустилъ въ деревнѣ все до чиста въ 6 лѣтъ и потомъ попалъ въ тюрьму за

кражу. И такихъ здѣсь не мало. Одна старуха въ теченіи 8 лѣтъ пропила въ буквальномъ смыслѣ этого слова около 3000 руб., оставшихся отъ мужа. Другая вдова также спустила довольно порядочный капиталъ на пьянство. У одного богача послѣ его смерти украли нѣсколько тысячъ его любовница, и послѣдникамъ остался только одинъ хорошій домъ. Бывшій торговецъ проигралъ болѣе 30000 руб. и теперь приходитъ домой по этапу. Ясно, какое вліяніе могутъ оказать эти молодцы на своихъ сосѣдей. Другіе прокучиваютъ свои наслѣдственные состоянія въ столицахъ. И вообще, судя по ходящимъ здѣсь разсказамъ, состоянія, нажитыя стариками, все болѣе и болѣе лопаются въ рукахъ наслѣдниковъ; о составленіи новыхъ богатствъ слышно менѣе, чѣмъ о разрушеніи прежнихъ.

Что-же касается *вліянія отхожихъ заработковъ на экономическое состояніе всего населенія*, то оно видно изъ всего вышележеннаго, и намъ немного придется добавить. Прежде всего нужно напомнить, что отходъ, не смотря на его многія невыгодныя стороны, положительно необходимъ для описываемой мѣстности, — *conditio sine qua non* существованія солигаличанъ, чухломцевъ и другихъ. Стало-быть, теперь не можетъ быть и рѣчи о прекращеніи отхода, слѣдуетъ только позаботиться о сокращеніи и предотвращеніи нѣкоторыхъ вредныхъ сторонъ его. Мы не будемъ перечислять всѣ мѣры противъ вредныхъ условій отхожихъ заработковъ: онѣ понятны изъ всего сказаннаго. Укажемъ только на одну — необходимость развитія кустарничества, хотя-бы только для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ уѣзда. Это сократило-бы отходъ, улучшило-бы земледѣліе и сдѣлало-бы излишнимъ приходъ въ уѣздъ постороннихъ рабочихъ и ремесленниковъ.

Относительно вліянія отхожихъ заработковъ на экономическое состояніе населенія, всѣ корреспонденты Костромскаго статистическаго комитета изъ разныхъ частей губерніи, а также и мои наблюденія надъ Солигаличскимъ уѣздомъ, говорятъ согласно въ пользу городского отхода. Крестьяне отхожихъ волостей Чухломскаго, Солигаличскаго и Галичскаго уу. въ общемъ живутъ гораздо зажиточнѣе и чище осѣдлыхъ кре-

стьянъ. Дома, одежда, привычки, однимъ словомъ весь складъ жизни въ какой-либо Костромской, оѣдлой волости, отсталъ въ своемъ развитіи на добрыхъ полсотни лѣтъ противъ сосѣдней Карцовской волости. Жизнь населенія послѣдней можно сравнить съ жизнью деревень и сель около большихъ торговыхъ городовъ, а въ Костромской волости съ жизнью захолустной деревни, удаленной на 100 и больше верстъ отъ всякихъ городовъ и центровъ. Самовары составляютъ принадлежность всякой бѣдной избышки даже бобылки, а въ среднихъ домахъ по 2 и 3 самовара. Чаепитіе въ очень бѣдныхъ домахъ производится по большимъ праздникамъ, въ среднихъ по всемъ праздникамъ, а въ остальныхъ каждый день 1 или 2 раза. Большинство работниковъ даже у крестьянъ радятся съ условіемъ пить чай ежедневно или по праздникамъ. Среди подарковъ, привозимыхъ и присылаемыхъ изъ Питера, чай занимаетъ видное мѣсто. Соотвѣтственно такому чаепитію, здѣсь въ каждомъ домѣ есть порядочная чайная посуда, мельхиоровыя и даже серебряныя чайныя ложки; о тарелкахъ, столовыхъ ножахъ и вилкахъ нечего и говорить, — они имѣются вездѣ, поэтому даже крайне щенетильный человекъ относительно посуды останется доволенъ. Къ чаю, особенно въ праздники и для гостей, подается бѣлый хлѣбъ и баранки, нерѣдко коньякъ и ромъ, въ домахъ побогаче лимонъ, варенье и деревенскіе конфеты и пряники, а у настоящихъ богачей всегда подаютъ прекрасную закуску и крайне разнообразныя вина. Одинъ богачъ, прѣзжавшій въ деревню только на мѣсяцъ, привезъ съ собой всякихъ випъ на 150 рублей. — Куренье табаку очень распространено; рѣдкіе курятъ трубку, чаще „цигарки“, а нерѣдко и папиросы. — Для одежды рѣдко употребляются ткани домашняго производства; преимущественно и мужчины, и женщины носятъ рубашки и платья кумачныя, ситцевыя. На мужчинахъ жилетки, *пинжаки*, пальто, манжеты, на женщинахъ (у многихъ зимой есть папталоны) шелковые платки, кофты, шали, хорошія шубы; обувь на тѣхъ и другихъ преимущественно кожаная, часто носятъ галоши, лапти носятъ рѣдко во время работъ. Лѣтомъ постоянно встрѣчаются привезенныя изъ Питера дождевыя зонтики. Во мно-

гихъ домахъ встрѣчаются зеркала и лампы; керосинъ въ большемъ употребленіи. Бани имѣются почти у всякаго дома, вообще здѣшніе обитатели моются часто и мыла употребляютъ достаточно. Благодаря чистотѣ, кожные болѣзни и чесотка здѣсь гораздо рѣже, чѣмъ въ земледѣльской полосѣ. Наконецъ, въ половинѣ домовъ вы найдете бумагу, чернила, карандаши и перья. О зажиточности населенія можно до нѣкоторой степени судить по уплатѣ имъ всевозможныхъ податей, и этотъ критерій также говоритъ въ пользу нашихъ отхожихъ уѣздовъ. Такъ въ 1880 году числилось недоимки окладныхъ сборовъ въ самомъ отхожемъ уѣздѣ, Чухломскомъ, средн. числ. около 1 коп. на каждую душу, во второмъ, Солигаличскомъ, 21 коп. и максимумъ въ осѣдломъ Ветлужскомъ уѣздѣ — около 6 р. 50 коп. на душу.

До сихъ поръ мы говорили преимущественно о бродячей половинѣ населенія, а теперь необходимо остановиться и на тѣхъ, которыя являются главными кормилицами „бабьей стороны“, т. е. женщинахъ. И въ самомъ дѣлѣ, большая часть мужскаго сторонняго заработка уходитъ на уплату податей и на удовлетвореніе другихъ потребностей, а „пасущій хлѣбъ“ въ буквальномъ смыслѣ этого слова готовится для всего уѣзда главнымъ образомъ жепщицами. Впрочемъ, намъ очень немногое придется прибавить о жизни женщинъ: вся она проходитъ въ добываніи этого пасущаго хлѣба и затѣмъ въ уходѣ за дѣтьми. Здѣшнія матери такъ много заняты все лѣто работами, что за дѣтьми онѣ сами присматриваютъ очень мало; весь уходъ и присмотръ за малыми дѣтьми поручается или еле двигающейся старухѣ, или своимъ подросткамъ дѣвочкамъ и мальчикамъ 8—11 лѣтъ, или, наконецъ, нанятымъ старухамъ и подросткамъ. При такомъ присмотрѣ остается удивляться, какъ мало еще всевозможныхъ калѣкъ среди здѣшнихъ дѣтей.

Женщина отхожихъ мѣстностей сильно отличается отъ другихъ сельскихъ обитательницъ, что рѣзко бросается въ глаза всякому прѣзжающему сюда. Это — не загнанная и забитая парія черноземной полосы, не смѣющая слова сказать при своемъ повелителѣ. Положимъ,

онѣ обѣ изнуренныя избыткомъ горя и тяжелой работой; солигаличская баба лѣтомъ пожалуй даже изнуреннѣе, но она знаетъ цѣну своей работѣ и себѣ. Она здѣсь не только помощница мужу, — работа помощниковъ рѣдко считается, — а самостоятельная работница и въ то же время полная хозяйка: ей никто въ самое нужное лѣтнее время не подастъ совѣта и не окажетъ помощи, выбиваясь изъ силъ, а работай и распорядись все сама. И все она успѣетъ сдѣлать, распорядится одна не хуже другаго сосѣда-мужчины или своего мужа — заштатнаго питерщика. Въ земледѣльческой мѣстности со смертью мужа у вдовы, не имѣющей взрослыхъ сыновей, земля обыкновенно отбрасывается: „не счумѣетъ она вести мужское дѣло“. Здѣсь-же никто изъ односельчанъ и не подумаетъ объ этомъ, такъ какъ у большинства ихъ все деревенское дѣло ведется исключительно женщинами, и даже при нѣсколькихъ взрослыхъ сыновьяхъ полной хозяйкой остается вдова-мать. Во всѣхъ сельскихъ работахъ и заботахъ мужъ часто слушается жены: не молчаливая она раба и при мужѣ, а полноправная сторона, голосъ и совѣты которой раздаются гораздо громче ничего незнающаго по деревнѣ повелителя. Самостоятельность, независимость и увѣренность въ своихъ поступкахъ — отличительныя черты солигаличскихъ гражданокъ. При общедеревенскихъ дѣлахъ — дѣлѣжъ сѣнокоса, разверсткѣ земли, онѣ своими звонкими голосами перекрикиваютъ часто сильную половину и берутъ верхъ своею настойчивостью. Но и помимо различныхъ хозяйственныхъ дѣлъ, я встрѣчалъ здѣсь не мало женщинъ, которыя вполне и во всемъ командуютъ своими мужьями. Такъ напр. это отражается на одномъ частномъ примѣрѣ, — оспoprививаніи: болѣе развитыя и понимающіе дѣло мужья не прочь прivityтъ своимъ дѣтямъ оспу, но матери отказываютъ и побѣждаютъ своимъ упрямствомъ. Нѣкоторыя пожилыя жены для сохраненія своей свободы и независимости даже усиленно выпроваживаютъ своихъ мужей на сторону: „нечего ему бока-то грѣть на печи, и безъ него лучше справлюсь, пускай только винище не жретъ, да денегъ присылаетъ.“ Есть даже рослыя сильныя бабы, изрѣдка поколачивающія своихъ тщедушныхъ

пьяненькихъ мужей. Но есть обратная сторона и темная пятна. Объ обратной сторонѣ будемъ говорить ниже, а теперь нѣсколько словъ объ одномъ темномъ пятнѣ—употребленіи вина здѣшними женщинами. Тамъ, гдѣ крестьянка—подневольное существо, она почти вовсе не пьетъ водки, развѣ только рюмку-двѣ, два раза въ годъ, во время большихъ праздниковъ; пьяницъ-бабъ вовсе не встрѣтишь, кромя отдѣльныхъ гулящихъ солдатокъ или бывшихъ дворовыхъ. Здѣсь, наоборотъ, трудно встрѣтить вовсе непьющихъ женщинъ; молодня и дѣвушки еще стѣсняются, а въ среднемъ возрастѣ и пожилыя пьютъ почти всѣ при всякомъ удобномъ случаѣ, а случаевъ такихъ представляется не мало. Во время храмовыхъ праздниковъ, продолжающихся по три дня, выпивается много водки, и добрая половина ея приходится на долю бабъ, напивающихся до пьяна наравнѣ съ своими мужьями. Съ солигаличскихъ и особенно чухломскихъ базаровъ многія бабы возвращаются на-веселѣ, а нныя мертвецки пьяными, лежащими въ саняхъ бовъ-о-бовъ съ такими-же мужьями. Мало того, среди состоятельныхъ вдовъ и женъ различныхъ „хозяйчиковъ“ встрѣчаются настоящія пьяницы, которыя благодаря хорошимъ средствамъ ничего не работаютъ, а проводятъ все время съ своими товарками и сосѣдами за чаемъ и водкой. Я уже выше приводилъ примѣръ старухи-вдовы, прожившей нѣсколько тысячъ и почти ежедневно лежащей спать пьяной. Въ близкомъ сосѣдствѣ вокругъ себя я знаю еще болѣе десятка такихъ дѣйствительныхъ пьяницъ; нѣкоторыя изъ нихъ въ пьяномъ видѣ буянятъ и безобразятъ хуже даже мужиковъ. Конечно не одна независимость виновата въ пьянствѣ бабъ: отсутствіе необходимыхъ работъ, у другихъ непосильная работа, почти постоянное одиночество и неудовлетвореніе чувствъ жены и матери,—вотъ та обратная сторона, которая значительно понижаетъ преимущества солигаличской женщины передъ крестьянкой осѣдлыхъ мѣстностей. Я не берусь рѣшать, на чьей сторонѣ перевѣсъ, а постараюсь еще освѣтить, на сколько возможно, положеніе первой и съ другихъ сторонъ, кромя вышеописанныхъ.

Хотя въ каждой деревнѣ найдется нѣсколько совершенно свободныхъ женщинъ изъ молодыхъ вдовъ и старыхъ дѣвушекъ, однако небольшая часть изъ нихъ слѣдуетъ примѣру мужчинъ. Только при стеченіи особенно благоприятныхъ условий, солигаличанка рѣшается искать счастья на сторонѣ и также преимущественно въ столицахъ.

Вообще въ Солигаличскомъ у. *женскій отходъ не самостоятельнаго характера*; онъ находится въ тѣсной связи и зависимости отъ заработка мужчинъ. Выше мы видѣли, что въ Солигаличскомъ уѣздѣ въ 1887 году ушло по годовымъ паспортамъ 464 женщины, по полугодовымъ 192 и билетамъ 85; если мы къ нимъ прибавимъ, на основаніи нашей поправки, 80 солдатокъ, взявшихъ годовыя свидѣтельства, 175 женщинъ, ушедшихъ по годовымъ и 100 по полугодовымъ семейнымъ паспортамъ, то число всѣхъ ушедшихъ изъ уѣзда будетъ 1096, что составитъ 3,5% всего женскаго населенія. Но билеты мы можемъ и не принимать во вниманіе, потому что они берутся для богомолья и посѣщенія мужей, такъ что собственно нужно принимать 2,4% и 0,8% ушедшихъ по годовымъ и полугодовымъ паспортамъ. Такъ какъ все хозяйство деревенское лежитъ на женщинахъ и семьи здѣсь очень маленькія, то отлучаться въ Питеръ или вообще на сторону могутъ только немногія женщины, а именно: различныя бобылки и одиночки, а затѣмъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ двѣ или нѣсколько женщинъ, или гдѣ сельское хозяйство совершенно нарушено. Идутъ матери съ взрослыми сыновьями, сестры съ братьями, но преимущественно жены съ мужьями; самая зависимость женскаго отхода отъ мужскаго доказывается тѣмъ, что 275, т. е. около $\frac{1}{2}$ всѣхъ ушедшихъ женщинъ, ушло именно по семейнымъ паспортамъ, т. е. вмѣстѣ съ мужчинами и слѣдовательно не могутъ жить въ Питерѣ самостоятельно на какихъ-либо мѣстахъ. Большинство этихъ женщинъ живутъ въ однихъ квартирахъ и мастерскихъ съ своими родными и служатъ кухарками для рабочихъ; жены-же питерщиковъ-хозяйчиковъ, имѣющихъ небольшія мастерскія, одновременно завѣдуютъ хозяйствомъ и готовятъ кушанье для рабочихъ; наконецъ, купчихи и вообще жены питерщиковъ-богачей завѣдуютъ только хозяйствомъ и

живутъ барынями. Однимъ словомъ *самостоятельный заработокъ эти женщины получаютъ рѣдко, главная экономическая роль ихъ— уменьшеніе расходовъ мужа или сына-хозяина на прислугу и хозяйство.* Кромѣ того нѣкоторыя жены *ослабшихъ* мужей идутъ вмѣстѣ съ супругами главнымъ образомъ для удержанія ихъ отъ пьянства. Для свиданія съ мужьями, живущими на сторонѣ по нѣсколько лѣтъ, ходятъ только молодыя жены и то очень рѣдкія, вслѣдствіе дальности и дороговизны дороги. Только изъ болѣе состоятельныхъ и многолюдныхъ семей жена можетъ съѣздить на нѣсколько мѣсяцевъ къ мужу. Но есть здѣсь и самостоятельныя отхожія промышленницы изъ бездѣтныхъ молодыхъ вдовъ и дѣвушекъ, уже перешедшихъ за тотъ возрастъ, когда здѣсь перестаютъ *невеститься.* Благодаря большому перевѣсу женскаго населенія надъ мужскимъ, многія дѣвушки остаются въ старыхъ дѣвахъ; число вдовъ также значительно, вслѣдствіе большой смертности мужчинъ въ Питерѣ. Большая часть этихъ одиночекъ и 'бобылокъ находятъ хорошій заработокъ и здѣсь, занимаясь въ работницы или работая поденно и сдѣльно во время сѣнокоса, страдной поры. Другія, соблазняясь лучшимъ стороннимъ заработкомъ, а иногда и для сокрытія „грѣха“, уходятъ въ Питеръ, гдѣ служатъ исключительно прислугой—въ кормилицахъ, кухаркахъ, нянькахъ. Не удерживая здѣшнихъ свободныхъ женщинъ дороговизна и дальность дороги до столицы, избытокъ женскаго населенія сталъ бы усиленно перебираться въ столицы и города. Впрочемъ привычка и обычай помогутъ въ этомъ отношеніи. При крѣпостномъ правѣ число женщинъ, жившихъ на сторонѣ, было очень незначительно. Въ 1874 году изъ Солигаличскаго уѣзда ихъ уходило 262 по годовымъ паспортамъ, 104 по полугодовымъ и 67 по билетамъ; затѣмъ отходъ непрерывно усиливается за все десятилѣтіе и уже въ 1887 году возросъ до 1096, т. е. на 153% и даже, безъ нашей поправки, на 71%. Пройдетъ еще одинъ-другой десятокъ лѣтъ, и дорожка въ Питеръ проторится и для женщинъ, и по мѣрѣ вытѣсненія здѣшнихъ сельскихъ работницъ болѣе дешевыми выходцами изъ Вологодской губерніи, многія солигаличскія и чухломскія

свободныя женщины, не прикованныя къ землѣ и хозяйству, будутъ искать на сторонѣ куска хлѣба. Опредѣлить заработокъ женщинъ въ столицѣ довольно трудно, такъ какъ жалованье прислугѣ колеблется въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ заработная плата ремесленниковъ. Есть женщины, служащія въ кормилицахъ и за повара и получающія до 300 руб. въ годъ; другія, только-что прѣхавшія изъ деревни и не знакомыя съ требованіями городской жизни, живутъ и за 30—50 руб. въ годъ. Наконецъ, изъ уѣзда нѣсколько женщинъ ведутъ въ Питерѣ торговлю или имѣютъ мастерскія и *хозяйствуютъ*; это — вдовы, которыя жили въ Питерѣ постоянно съ мужьями, привыкли къ торговлѣ или хозяйству и продолжаютъ ихъ и послѣ смерти мужа. Обыкновенно у нихъ есть помощники изъ подростящихъ сыновей или племянниковъ. Но *объ отдачѣ дѣточекъ въ обученіе какимъ-либо женскимъ ремесламъ пока еще ничего не слышно*, — кромѣ тѣхъ семей, которыя постоянно живутъ въ Питерѣ. Нужно упомянуть еще о солдаткахъ, которыя иногда уходятъ жить къ мужьямъ, если они служатъ въ ближайшихъ городахъ. Общій выводъ о женскомъ отходѣ тотъ, что земля и деревня имѣютъ большую власть надъ женщинами, чѣмъ надъ мужчинами; однако въ послѣднее время эта власть начинаетъ слабѣть, особенно надъ свободными женщинами, и онѣ пробуютъ искать заработковъ въ самостоятельномъ отходѣ. Но во всякомъ случаѣ женскій отходъ никогда не можетъ дойти даже до $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ мужскаго, отчасти по недостатку свободныхъ женщинъ среди крестьянокъ, а главнымъ образомъ потому, что столицы не нуждаются въ такомъ числѣ женщинъ, какъ мужчинъ. Число прислуги ограничено, а для чернаго женскаго отхода (работницы на огородахъ, фабрикахъ, носильщицы) отсюда идти очень невыгодно; для этого есть издавна ходящее женское населеніе ближайшихъ губерній.

Какъ-же проходитъ жизнь солигаличскихъ хозяекъ-кормилицъ? Въ чемъ отличается она отъ воспѣтой поэтами „горькой доли“ крестьянки земледѣльческой полосы? Проводивши отцовъ, мужей, сыновей въ началѣ весны, солигаличанки принимаются за полевныя работы, и все

лѣто до половины осени проходить для нихъ однообразно и *незамѣтно*: съ ранняго утра до поздняго вечера справляются онѣ за двоихъ со всѣми работами, для приготовленія „насушнаго хлѣба“ для всей семьи. Мало того: большинству замужнихъ именно въ это-же время приходится исполнять важнѣйшую женскую функцію—производить дѣтей. ¹⁾ Но беременность, въ сожалѣнію, не помѣха для работы,—самыя тяжелыя работы продолжаются до послѣдняго времени, даже до самыхъ родовъ.... бывають нерѣдко случаи, что съ сѣнокоса или съ дороги возвращаются съ новорожденнымъ на рукахъ. Нечего и говорить, какъ все это отзывается на здоровьи здѣшнихъ крестьянокъ. Не лучше положеніе и родящихъ дома: у многихъ нѣтъ около себя никого изъ близкихъ людей, кромѣ кучи малолѣтнихъ дѣтей. Какъ не терпѣливы и не переносливы русскія женщины, но и у нихъ вырываются упреки и жалобы на мужей: „Куда я поспѣла съ малыши-то дѣтьми одна-одиношенька?“ Во все это тяжелое лѣтнее время *одна почта* доставляетъ отраду и утѣшеніе бѣднымъ труженицамъ. Оттуда „изъ прекраснаго далека“ ждуть онѣ и матеріальной помощи, и нравственнаго утѣшенія. И нужно видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ стремятся онѣ на почту, бросая всѣ работы и съ какимъ удовольствіемъ получаютъ онѣ письма, особенно „съ пятью красными печатами“, сколько разъ перечитываютъ ихъ сами или просятъ прочитать другихъ. Но не однѣ радости присылаетъ Питеръ: много горя и страданій причиняють питерскія вѣсти о плохихъ заработкахъ и невозможности „прислать“, о болѣзняхъ и даже нерѣдко о смерти близкихъ людей... Какъ много значить почта для отхожаго края, легко убѣдиться каждый праздникъ,—стоитъ только съ полчаса пробыть въ почтовой конторѣ, буквально осаждаемой толпами народа и, конечно, преимущественно женщинъ.

¹⁾ Въ Солигаличскомъ уѣздѣ на 4 главныхъ рабочихъ мѣсяца падаетъ 48% всѣхъ родовъ: въ іюль 10,2%, августъ 13,0% (максимум), сентябрь 12,0 и октябрь 12,8%. Въ Чухломскомъ у. положеніе еще хуже; въ немъ на эти 4 мѣсяца приходится уже 54,2% всѣхъ родовъ, а во всей губерніи только 36,8%.

Хлѣбъ весь убранъ, молотьба подходитъ къ концу, ованчивается и глухой лѣтній сезонъ „бабьей стороны“. Осенью съ октября наши деревни, покончившія съ земледѣльческими работами, начинаютъ оживать: пары и тройки съ колокольчиками и бубенцами разносятъ возвращающихся питерщиковъ, а съ ними вмѣстѣ и радость или горе по всѣмъ угламъ края. Одинъ является съ деньгами и подарками для домашнихъ, а другой хотя и прѣзжаетъ съ шикомъ, но не только ничего не приноситъ, а даже не можетъ иногда заплатить за лошадей, и домашнимъ приходится платить самимъ, чтобы прикрыть своего питерщика. Прѣхать на парѣ или тройкѣ считается почти обязательнымъ, особенно для молодаго холостаго парня; пришедшій пѣшкомъ подвергается насмѣшкамъ и рискуетъ не найти себѣ невѣсты. Поэтому прикрытіе такого неудачника и обманъ сосѣдей продолжается родителями и дальше: они не только платятъ за лошадей, но покупаютъ въ городѣ для питерщика „пинжакъ“ и другой соответственный костюмъ, а для себя подарки, выдавая потомъ и то, и другое за привезенное самимъ сыномъ изъ Питера. Едва-ли этому обману поддаются сосѣди, слышавшіе стороной о подвигахъ прѣзжавшаго, но все-таки эта комедія продѣлывается въ большинствѣ случаевъ. Не всѣ питерщики возвращаются въ одно время; идутъ они и блудятъ, и домой и въ Питеръ, во всякое время года, такъ что уѣздъ и Питеръ можно сравнить съ муравейникомъ и какимъ-либо питательнымъ мѣстомъ, между которыми наблюдается постоянно два противоположныхъ теченія, — одно къ дому, другое къ мѣсту питанія. Однако по условіямъ отхода весна есть главное время отлива питерщиковъ изъ дому, а осень — обратнаго прилива ихъ домой. Первыми возвращаются именно женихи и молодые парни, которымъ предстоитъ отбывать воинскую повинность. Съ возвращеніемъ питерщиковъ и послѣ призыва, обыкновенно съ 1 ноября, начинается сезонъ здѣшнихъ увеселеній собственно для молодежи; празднованіе-же различныхъ храмовыхъ и другихъ праздниковъ не имѣетъ почти никакого отношенія къ этому сезону и происходитъ приблизительно на тотъ-же образецъ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Деревенскіе клубы и балы для мо-

додежи представляются аналогичными *бесѣдками* и *свозами*. Бесѣдками называются собранія дѣвушекъ по вечерамъ; онѣ поютъ и подъ пѣсни играютъ въ разныя, непремѣнно *степенныя* игры и танцуютъ преимущественно *кадрели* и *ляссе* со всевозможными, изобрѣтенными здѣсь фигурами и поцѣлуями. Собираются дѣвушки поочередно другъ у друга или нанимаютъ на свой счетъ въ складчину отдѣльную избу, покупаютъ также отъ себя дрова, свѣчи и керосинъ. Утощенья ни для кого не полагается, хотя эти бесѣдки и продолжаются до 3—5 часовъ утра, и голоса пѣвицъ отъ непрерывнаго почти пѣнія становятся хриплыми и даже непривлекательными для жениховъ. Изрѣдка пѣніе замѣняется гармоникой. Старшіе бываютъ на бесѣдкахъ и свозахъ въ качествѣ зрителей и никакого активнаго участія въ нихъ не принимаютъ. Свозы соотвѣтствуютъ баламъ: кромѣ бесѣдокъ въ своихъ деревняхъ, невѣсты собираются у знакомыхъ въ довольно отдаленныхъ деревняхъ за 5—15 верстъ; на эти свозы съѣзжаются дѣвушки изъ нѣсколькихъ селеній и продолжаютъ они иногда по недѣлѣ, причемъ на нихъ веселье идетъ весь день, и днемъ и вечеромъ. Затѣмъ съ первыхъ дней Рождества до Крещенья происходятъ „игрища“: это—свозы самые большіе по числу съѣзжающихся дѣвушекъ и самые важные по нарядамъ. Игрища обыкновенно устраиваются въ большихъ деревняхъ и въ лучшихъ домахъ; всѣ невѣсты обязательно собираются на нихъ и надѣваются на себя все лучшее изъ нарядовъ. На этихъ игрищахъ женихи окончательно знакомятся съ невѣстами и дѣлается выборъ невѣсты и жениха.

Чтобы дать нѣкоторое представленіе о „деревенскихъ балахъ“, опишемъ, вкратцѣ одну изъ бесѣдокъ. Мы подѣхали въ 8-мъ часу вечера къ небольшой, ярко освѣщенной избѣ; кромѣ необычнаго для деревни освѣщенія, звуки гармоники и пѣніе указывали, что мы попали въ самый клубъ. На крыльцѣ и въ сѣняхъ стояло много, преимущественно пожилыхъ, крестьянъ; они громко и весело разговаривали и большинство изъ нихъ курило, — въ избѣ вслѣдствіе духоты запрещается курить. Въ этой деревнѣ былъ храмовой праздникъ и потому нѣс-

сколько человекъ было пьяныхъ; трое изъ нихъ очень шумѣли и ругались, пока ихъ не успокоилъ вышедшій на шумъ хозяинъ избы, который вообще долженъ наблюдать за всѣмъ порядкомъ во время бесѣды, удалять пьяныхъ, превращать ссоры. Въ тѣхъ нанятыхъ подъ бесѣдки избахъ, гдѣ нѣтъ хозяина-мужчины, за порядкомъ наблюдаютъ сами женихи, отъ которыхъ очень сильно достается всѣмъ, нарушающимъ здѣшніе обычаи. Вся изба была биткомъ набита пародомъ, и мы едва пробрались къ „мѣсту дѣйствія—кругу“, занимающему большую часть избы. Въ переднія лавки около стѣнъ были заняты дѣвушками, а на лавкахъ, ближайшихъ ко входу и отдѣляющихъ самый кругъ отъ остальной избы, сидѣли особнякомъ отъ дѣвушекъ молодцы. Полати, голбець, печь и вся остальная часть избы были заняты зрителями, которые однако никакого активнаго участія въ бесѣдѣ не принимаютъ, и вообще со стороны присутствующихъ родителей и родственниковъ невѣсть и жениховъ никакихъ совѣтовъ и замѣчаній не допускается: все идетъ по разъ заведенному порядку. На переднихъ лавкахъ сидѣло около 20 дѣвушекъ въ возрастѣ 15—22 лѣтъ; замужнія женщины, хотя-бы и 17 лѣтъ, въ бесѣдахъ болѣе не участвуютъ, точно также рѣдко встрѣчаются на нихъ и дѣвушки старше 23 лѣтъ, такъ какъ приблизительно съ этого возраста здѣсь перестаютъ рядиться и „невѣститься“. По костюму невѣсть и жениховъ можно было думать, что мы находимся на вечеринкѣ у городскихъ, довольно зажиточныхъ мѣщанъ: окружающая бѣдность какъ-то не вязалась съ шелкомъ, золотыми и серебрянными украшениями... Хотѣлось вѣрить, что и въ остальной обстановкѣ здѣшняя крестьянская жизнь не уступаетъ этой показной роскоши. На всѣхъ дѣвушкахъ были платья съ лентами, тюпиками, оборками; у двухъ были шелковыя платья, а у остальныхъ шерстяныя. Головы не были покрыты, въ косахъ были ленты, а у двухъ даже искусственныя цвѣты. Всевозможныя бусы въ большомъ количествѣ украшали шею; у всѣхъ были золотыя или серебряныя украшения—кольца, серьги, брошки, браслеты и у трехъ—цѣпочки съ медальонами или часами. Молодцы были въ *ни*

жакалхъ, вышитыхъ рубашкахъ и шелковыхъ платкахъ, вмѣсто галстуховъ, смазныхъ сапогахъ; на двухъ были даже скуртуки, крахмальные рубашки, перчатки, часы были у большинства. У всѣхъ были резиновыя галоши и у многихъ лисы, скунсовыя шубы.

Когда мы подошли къ кругу, пѣніе прекратилось, такъ какъ только-что окончились танцы, и 4 изъ 10 бывшихъ молодцовъ одѣвались и уѣзжали на другія бесѣдки. Не успѣли они еще выйти изъ избы, какъ на ихъ смѣну явилось 6 новыхъ молодцовъ; они вошли прямо въ кругъ, всѣ помолились Богу, и затѣмъ тутъ-же стали раздѣваться. Какъ уѣзжающіе, такъ и пріѣзжающіе женихи вовсе не здороваются и не прощаются съ дѣвушками; мы не замѣтили ни общихъ поклоновъ, ни отдѣльныхъ привѣтствій между знакомыми. Обрадованныя пріѣзду новыхъ жениховъ, дѣвушки съ особенной энергіей принялись за *игровыя пѣсни*. Узнавши отъ знакомыхъ имена вновь прібывшихъ жениховъ, дѣвушки пѣснями по-очередно всѣхъ ихъ *женятъ*, т. е. поютъ пѣсни, въ которыхъ и упоминаютъ имена и отчества каждаго. Названные женихи одинъ или нѣсколько заразъ встаютъ и начинаютъ быстро ходить по кругу; при извѣстныхъ словахъ пѣсни, они платками дотрагиваются до головы или плеча дѣвушекъ. Выбранныя дѣвушки встаютъ, подходятъ къ избравшимъ ихъ и также при извѣстныхъ словахъ пѣсни три раза цѣлуются; поцѣлуи въ большинствѣ случаевъ очень степенны, и вообще женихи и пѣвсты держатъ себя очень скромно, ходятъ и сидятъ почти постоянно съ опущенными глазами, а движенія во время танцевъ, особенно дѣвушекъ, своей монотонностью и вялостью напоминаютъ больныхъ. Послѣ поцѣлуевъ женихъ садится, а оставшаяся въ кругу, или какъ здѣсь говорится „у столба“, дѣвушка выбираетъ другаго молодца и, поцѣловавшись съ нимъ разъ, оставляетъ его въ кругу, а сама садится. Оставшійся въ кругу выбираетъ въ свою очередь дѣвушку и т. д. Всѣ игры этимъ и ограничиваются. По нѣкоторымъ пѣснямъ выбираютъ по 2 и 3 дѣвушки (см. въ приложеніяхъ собранныя нами пѣсни). Когда *перезженятъ* всѣхъ молодцовъ, т. е. всѣ они перебива-

ють въ кругу, игра прекращается, начинают пѣть болѣе веселыя пѣсни, имъ аккомпанируетъ гармоника и начинается „кадрель“. Такъ какъ кругъ былъ очень невеликъ, то танцовали только четыре пары, и имъ приходилось дѣлать по 2—3 шага. Въ отличіе отъ обыкновенной, здѣшняя „кадрель“ состоитъ изъ 9 фигуръ; первыя 6 сходны съ настоящими, а остальные три составляютъ какую-то смѣсь кадрили и лянсье. Послѣ кадрили, безъ всякой остановки, началось лянсье съ другими кавалерами. Во время танцевъ и игръ невѣсты и женихи, хотя-бы и знакомые, вовсе не говорятъ другъ съ другомъ, такъ какъ это считается предосудительнымъ, но выбирать постоянно одну дѣвушку и въ игрѣ, и для танцевъ не считается неприличнымъ. Во время танцевъ прибыли еще двѣ партіи жениховъ, почему послѣ лянсье перешли опять къ игрѣ, затѣмъ къ танцамъ и все это безъ всякаго перерыва, такъ что постоянно поющія дѣвушки (женихи не поютъ вовсе) должны сильно уставать. Въ 10 часовъ вечера былъ сдѣланъ перерывъ, часть жениховъ уѣхала на другія бесѣдки, а всѣ дѣвушки разошлись по домамъ для перемѣны костюмовъ. Черезъ полчаса онѣ возвратились въ худшихъ платьяхъ, большинство въ ситцевыхъ, и головы были уже повязаны платками. И началось снова тоже „женихованье“ и тѣже танцы, которые и продолжаютъ, смотря по числу жениховъ, до 3—5 часовъ утра. Дебоша на этихъ вечерахъ обыкновенно не бываетъ, такъ какъ почти всѣ женихи всегда являются трезвыми; что-же касается неприличій, черезчуръ вольнаго обращенія и тѣмъ болѣе случаевъ разврата, то всего этого *положительно не бываетъ* на здѣшнихъ вечеринкахъ: какъ мы уже говорили, дѣвушки и молодцы держатся далеко другъ отъ друга, вовсе не разговариваютъ, и къ тому-же все происходитъ открыто на глазахъ родныхъ и многочисленной публики.

По бесѣдкамъ и свозамъ разъѣзжаютъ всѣ женихи, допускаются повсюду всѣ молодые люди, знакомые и незнакомые, ближніе и дальніе. Обыкновенно, на каждой бесѣдѣ женихи остаются недолго, потанцуютъ, поиграютъ и отправляются на другую бесѣдку, такъ что съ вечера они

посвятить 5—10 бесѣдокъ и сдѣлають 20—40 верстѣ. Такъ какъ угощенья женихамъ не полагается, то они заѣзжаютъ отогрѣваться къ знакомымъ или въ трактиры. Питерщики стараются побѣждать сердца ловкимъ обращеніемъ, городскими манерами и особенно умѣньемъ танцовать. Все это такъ высоко цѣнится у здѣшнихъ невѣстъ, что часто изъ двухъ жениховъ отдается предпочтеніе именно тому, который танцуетъ и имѣетъ *великѣе обращеніе*. И женихи, и невѣсты стараются „показать товаръ лицомъ“; рядятся елико возможно лучше и богаче. На свозахъ различаются даже дни для нарядовъ: въ одни невѣсты являются въ шерстяныхъ платьяхъ, въ другіе въ шелковыхъ. Какъ замѣчено ранѣе, на парняхъ и дѣвушкахъ одежда городская; первые привозятъ ее обыкновенно изъ Питера, а вторыя шьютъ здѣсь изъ матерій, привезенныхъ въ подарокъ родственниками-питерщиками. Обшиваньемъ дѣвушекъ занимаются спеціальныя портнихи изъ духовныхъ, учительницъ и другой сельской интеллигенціи и зарабатываютъ отъ 30 до 50 руб. въ годъ. Платья, шитыя по городскому со всякими причудами, сидятъ на невѣстахъ очень некрасиво и не красятъ, а напротивъ безобразятъ здѣшнихъ красавицъ. Сравнительно быстро въ здѣшнія деревни проникаютъ городскія моды, такъ напр. въ послѣдніе два года стали и здѣсь носить турнюры изъ соломы и сѣна. Мало того, невѣсты прибѣгаютъ даже къ наведенію фуксиномъ розъ на своемъ лицѣ. У каждой дѣвушки, самой бѣдной, есть одно шелковое или шерстяное платье, и вообще приданое каждой невѣсты стоитъ, смотря по зажиточности дома, отъ 50 до 1500 рублей.

Смотри невѣстъ и жениховъ, т. е. бесѣдки и свозы, продолжаютъ до Крещенья, а послѣ этого начинается сватовство и обоюдное смотрѣнье родителями и родственниками приданого невѣсты и домовъ и хозяйства жениховъ. Это смотрѣнье также продолжается 1—2 недѣли, такъ какъ благодаря здѣшнимъ бесѣдкамъ, жены берутся за 20—40 верстѣ; незнакомые раньше родители должны перезнакомиться, осмотрѣть внимательно хозяйство, въ волю пображничать другъ у друга и, наконецъ, стороной провѣдать о качествахъ жениха и невѣсты. Въ этомъ отно-

шеніи браки: въ осѣдлыхъ мѣстностяхъ оставлены гораздо лучше: тамъ молодые люди берутъ женъ обыкновенно изъ ближнихъ деревень, они хорошо знаютъ другъ друга и раньше. Здѣсь-же женихи знакомятся съ невестами на бесѣдахъ: за нѣсколько недѣль до брака ни руководятся при выборѣ только виѣшной стороною, а о внутреннихъ качествахъ нечего и толковать; они узнаются слишкомъ поздно, послѣ брака. Положимъ о поведеніи и характерѣ невестъ можно узнать стороною отъ сосѣдей и знакомыхъ, а о женихѣ, живущемъ постоянно въ Питерѣ, не только сосѣди, но и родственники знаютъ очень немногое. Поэтому здѣсь о питерщикѣ судятъ преимущественно по костюму и способу его возвращенія изъ Питера, т. е. пѣшкомъ, по этапу, на тройкѣ, съ подарками и заработкомъ или безъ оныхъ. Вотъ почему родители такъ тщательно скрываютъ неблагополучное возвращеніе питерщика, и во время ссоры и брани женщинъ *такія укоризны имѣютъ важное значеніе*: „твой мужъ пришелъ по липовой машинѣ“, „а твой братъ пришелъ пѣшкомъ безъ гроша денегъ.“ Впрочемъ неудачные браки, „по несходству характеровъ“ супруговъ, доходятъ здѣсь не такъ тяжело на женщину, благодаря тому, что мужъ большую часть жизни проводитъ на сторонѣ; стало-быть, жена можетъ жить въ деревнѣ по своей волѣ. Для жены гораздо важнѣе свекровь и другая мужнина родня, съ которой приходится жить уже всю жизнь неразлучно. Но здѣшнія женщины вообще во всемъ самостоятельны и независимы, почему онѣ и отъ враждебной мужниной родни избавляются или уходятъ на время отсутствія мужа къ своей роднѣ, или даже полнымъ раздѣломъ. Мы уже говорили, что мужья слушаются своихъ женъ во всемъ, касающемся деревни и сельскаго хозяйства, и потому въ большинствѣ случаевъ соглашаются по требованію жены на раздѣлъ съ родителями. И сельскія власти, и сами крестьяне единогласно подтверждаютъ, что *громадное большинство семейныхъ раздѣловъ происходитъ именно изъ-за осеницннъ*. За отходомъ мужчинъ, мужской власти во многихъ домахъ не остается, та молодая женщина не хочетъ подчиниться женской, болѣе мелочной и деспотичной власти свекрови,

которая къ тому-же не можетъ поддержать свою власть и вліяніе физической силой. Впрочемъ физическая сила здѣсь сравнительно рѣдко пускается въ ходъ и мужьями, что нужно отнести отчасти къ гуманизирующему вліянію городского отхода, а отчасти и къ тому обстоятельству, что мужья слишкомъ мало живутъ дома, чтобы чувство привязанности успѣло замѣниться чувствомъ непріязни и, наконецъ, здѣшнія жены не способны быть полными рабынями. Кромѣ того мужья мало вмѣшиваются дома въ хозяйство, слѣдственно менѣе предлоговъ для ссоръ и брани. Если бракъ въ земледѣльческой полосѣ сильно подчиняется экономическимъ требованіямъ, то здѣсь онъ по преимуществу *экономическаго характера*. Многимъ питерщикамъ, особенно приходящимъ домой только черезъ 3—5 лѣтъ, жена и семья или вѣрнѣе домъ и хозяйство нужны только какъ обезпеченіе подъ старость, когда нельзя будетъ ходить въ Питеръ, а до тѣхъ поръ ихъ привязанности и половныя требованія удовлетворяются въ той или другой формѣ на сторапѣ. Однако рѣдкіе остаются холостыми и женятся обыкновенно въ раннемъ возрастѣ, такъ напр. въ самомъ отхожемъ Чухломскомъ уѣздѣ преждевременныхъ браковъ, когда мужчины женятся моложе 20 лѣтъ, 60,7% всѣхъ браковъ, а во всей губерніи 40,9% и въ Россіи 38,57%. Не желая вслѣдствіе одиночества оставаться дома, многіе питерщики сами или по совѣту родителей жепятся или сейчасъ, или черезъ годъ по выходѣ изъ ученья. И молодая жена не является помѣхой для отлучки, а напротивъ развязываетъ руки своему мужу, освобождаетъ его отъ земли и деревни: она остается вмѣсто него работницей дома, а онъ, едва пройдетъ медовый мѣсяцъ, снова отправляется на сторону. Для нѣкоторыхъ женщинъ вся семейная жизнь ограничивается двумя-тремя мѣсяцами. Я знаю такую женщину, которая въ теченіи двухъ лѣтъ вышла два раза замужъ, съ каждымъ мужемъ пожила по два мѣсяца, оба они умерли въ Питерѣ и оставили ей по ребенку. Теперь, конечно, ее никто уже не возьметъ замужъ и, стало-быть, брачная жизнь ей доставила мало радостей и много горя. Экономическій характеръ браковъ доказывается и слѣдующими примѣрами: нѣко-

торые питерщики не бывали дома по нѣсколько лѣтъ, и когда умирали здѣсь ихъ жены, они возвращались въ деревню на 1½—3 мѣсяца, снова женились и опять уходили въ Питеръ на нѣсколько лѣтъ, какъ-будто у нихъ не осталось дома новой жены съ кучей дѣтей отъ первой.

Вполнѣ естественно, что *почти постоянная жизнь орозъ семьи безъ хозяина, хозяина безъ семьи и мужа безъ жены должна крайне оредно отзыватья на отхожей семьѣ*: привязанность дѣтей къ рѣдко показывающемуся отцу и отношенія между женой и мужемъ далеко не всегда глубоки и прочны. Особенно грустный характеръ носятъ они въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ мужъ является не поддержкой семьи, а вытягиваетъ изъ нея послѣднія средства. Впрочемъ мы знаемъ не мало и обратныхъ примѣровъ,—глубокой и нѣжной привязанности отца къ дѣтямъ и женѣ и на оборотъ. Но прежде всего интересно знать, какъ обѣ стороны относятся къ разлукѣ? и для кого тяжеле сцены разставанья? Слабой иллюстраціей для освѣщенія этого вопроса можетъ послужить наше описаніе обшихъ проводовъ на лодкахъ. Питерщики изъ Солигаличскаго уѣзда уѣзжаютъ на лодкахъ по рѣкѣ Костромѣ съ двухъ пунктовъ—въ Солигаличѣ и около деревни Илейкина; изрѣдка садятся ниже по теченію—въ деревнѣ Дятловѣ (уходящія изъ Костромской волости). Отходятъ лодки два или три раза весной, въ апрѣлѣ и началѣ мая, пока велика вода. Большинство ѣдетъ до Костромы, а болѣе состоятельныя въ городѣ Буѣ пересаживаются на пароходы, идущіе въ Кострому. Ёдутъ на лодкахъ до Костромы 1½—3 сутокъ, смотря по водѣ и погодѣ. Нагружаются лодки очень сильно, а управляются не всегда опытной рукой, такъ что было нѣсколько случаевъ опрокидыванія лодокъ на перекатахъ и камняхъ. Опишемъ здѣсь вкратцѣ отходъ питерщиковъ изъ Солигалича въ началѣ мая 1888 г.

Мы пришли къ мѣсту отправленія въ пятомъ часу пополудни; отваливаютъ лодки по заведенному порядку въ 6—7 часовъ вечера. Лодокъ еще не было у сборнаго мѣста, но врутой берегъ рѣки былъ усыпанъ кучками парода, около которыхъ лежало множество всякихъ

узелковъ, котомокъ, мѣшковъ. Уѣзжающіе рѣзко отличались отъ провожающихъ: всѣ они были непременно въ городскихъ пальто и „пинжакахъ“, а полушубки и всякая теплая рухлядь была связана въ узлахъ и мѣшкахъ. Пьяныхъ среди тѣхъ и другихъ вовсе не было замѣтно. До прихода лодокъ во всякой группѣ, окружающей двухъ—трехъ уѣзжающихъ однодеревенцевъ, велись оживленные разговоры. Особенныхъ сѣтованій и жалобъ на разставанье не было слышно; матери мальчишекъ, идущихъ въ ученики, давали совѣты о надлежащемъ поведеніи, просили родственниковъ или однодеревенцевъ присматривать за ними въ дорогѣ и въ Питерѣ; не оставлять ихъ безъ помощи. Мальчуганы были въ очень живомъ, веселомъ настроеніи: ихъ манила къ себѣ столлица, о которой они наслушались много чудеснаго. Плачущихъ мальчугановъ я не видалъ, за то матери ихъ изрѣдка утирали глаза платкомъ и старались посмотреть на своихъ ненаглядныхъ. Взрослые болтали съ женами о различныхъ домашнихъ дѣлахъ; болѣе молодые питерщики перебрасывались словами о питерскихъ дѣлахъ и работахъ. „Хозяйчики“ и „подрядчики“ держались съ своими семьями особо, покрививая иногда на ѣдущихъ съ ними ребятъ и рабочихъ. Уѣзжало на сторону нѣсколько жонкингъ. Изъ нихъ особенно выдавались двѣ молодя своиими дипломатами и огромными турпюрами: онѣ громко болтали и вслѣдствіи старались обратить на себя общее вниманіе. Судьба ихъ папередъ намѣчена.... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считали всѣ мѣшечки, чтобы не растерять дорогой. Между тѣмъ уѣзжающіе подходили и подъѣзжали; подъѣхало нѣсколько возовъ, полныхъ всякихъ котомокъ и мѣшковъ; это — послышки сыновьямъ и мужьямъ въ Питеръ ¹⁾. Въ шестомъ часу подъѣхали три лодки и началась суматоха: укладыванье вещей и усаживанье уѣзжающихъ и нѣкоторыхъ провожатыхъ.

¹⁾ Одинъ состоятельный старикъ даже промышляетъ этимъ перевозомъ всякихъ посылокъ изъ Питера въ различныя деревни и обратно. Въ годъ онъ дѣлаетъ двѣ поѣздки въ Петербургъ, отвозить и привозить по 50 пудовъ и болѣе.

Продолжалось это добрых полчаса: дно у всѣхъ лодокъ было завалено вещами и пассажиры едва ютились на узенькихъ скамьяхъ, на вѣщахъ. Прощались на-скоро, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышался сдержанный плачъ. Слегка подгулявшій парень на соболѣзнованіи провожающихъ отвѣтилъ плоской и пошлой шуткой, вся толпа громко захохотала.... Всѣ усѣлись. Рулевой снялъ шапку и перекрестился, тоже сдѣлали и всѣ сидящіе въ лодкахъ и провожатые. „Отваливай“, раздалась громкая команда рулевого; перекрикиванье между убѣжающими и провожатыми на берегу смолкло, и лодка медленно закачалась отъ ударовъ весель. Громко зарыдала какая-то старуха, за ней другая, третья.... точно электрическая искра передалась всей толпѣ, и весь берегъ огласился воплями и причитаньями. Сдѣлалось очень жутко даже и намъ, постороннимъ людямъ.... Было въ этомъ вытѣ и настоящее горе.... причитали и выли по заведенному порядку.... плакали всѣ, увлеченные общимъ чувствомъ толпы.... И долго раздавался этотъ плачъ.... Съ лодокъ и на берегу замахали шапками, платками и вся толпа бросилась бѣжать по берегу за медленно движущимися лодками. Плачъ былъ-бы еще сильнѣе, если-бы на берегу находились всѣ молодыя женщины, но большинство изъ нихъ за часъ ушло впередъ по берегу до деревни Колопятина, въ 10 верстахъ отъ города, гдѣ лодки останавливаются до разсвѣта слѣдующаго дня. На берегу рѣки около этой деревни разводятся костры, и около нихъ проводятъ короткую майскую ночь наши странники и ихъ провожатые. Молодые-же женщины съ своими мужьями расходятся по избамъ знакомыхъ и родственниковъ и проводятъ вмѣстѣ послѣднюю ночь.... для многихъ она, дѣйствительно, послѣдняя: ненасытный Петербургъ ежегодно поглощаетъ много молодыхъ и старыхъ жертвъ, ушедшихъ искать заповѣднаго „гдѣ лучше“. Черезъ часъ возвращались мы съ толпой провожатыхъ: плача и жалобъ не было слышно. Выплавали-ли все горе, или уже привыкли къ этимъ ежегоднымъ разставаньямъ?... А впрочемъ некогда и горевать: грудныя дѣти, масса хозяйственныхъ заботъ, приближеніе быстро чередующихся полевыхъ работъ скоро высунуть не однѣ сле-

зи, но и самих... вѣчныхъ и несчастныхъ труженицъ „бабьей стороны“!

Если мы помимо этихъ общихъ проводовъ посмотримъ на прощанье въ отдѣльныхъ семьяхъ, поговоримъ по этому поводу съ питерщицами и ихъ женами, а также съ родителями и отправляемыми въ ученье дѣтьми, то впечатлѣніе получится менѣе тягостное. Болѣе всѣхъ горюютъ матери, отправившія въ Питеръ своихъ мальчиковъ въ первый разъ, но все таки это горе гораздо слабѣе, чѣмъ при проводахъ сыновей въ солдаты. Изъ тому-же ни одна мать, какъ-бы ни любила своихъ сыновей, не постарается удержать ихъ дома, а напротивъ прилагаетъ всѣ старанія, чтобы и ея Ванюша попалъ въ ученье въ Питеръ. Мальчики, хотя и плачутъ при прощаньи, но больше по обязанности, а на самомъ дѣлѣ, большинство изъ нихъ очень рады своей поѣздкѣ, что неоднократно они и высказывали мнѣ при отдѣльныхъ разговорахъ съ ними. Чуть-ли не больше всѣхъ горюютъ молодухи, только что вышедшія замужъ.... и внутреннее горе и наружныя причитанія ихъ верѣдко могутъ тронуть даже и не вполне мягкаго человѣка. Впрочемъ слезы ихъ по неволѣ скоро осушаются. И мнѣ не приходилось слышать о такихъ случаяхъ горя, которое приводило бы къ самоубійству или покушенію на него. Не слышалъ я также и о тяжелыхъ болѣзненныхъ случаяхъ „тоски по родинѣ и семьѣ“ у уходящихъ питерщиковъ. Наконецъ, при прощаньи уже пожившихъ мужа и жены чаще слышатся обыденныя разговоры о хозяйствѣ и различныхъ нуждахъ,—проглядываетъ какое-то особенное равнодушіе. Болѣе тяжелыя и безотрадныя сцены разставанья приходилось намъ видѣть на желѣзной дорогѣ въ Новгородской и Тверской губерніяхъ. Это различіе, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить давностью здѣшняго отхода, такъ что населеніе привыкло уже къ нему, и самая необходимость его вошла въ плоть и кровь крестьянъ. Затѣмъ отсюда уходитъ почти все молодое мужское населеніе, въ деревнѣ и у Марьи, и у Дарьи уходитъ мужъ и остается куча дѣтей и забота о сельскомъ хозяйствѣ—положеніе равное для всѣхъ женщинъ; отсюда не можетъ возникнуть различныхъ неприятныхъ и горь-

кихъ сравненій, чувства зависти и пр., а къ тому же хозяйство торопить своими быстро чередующимися работами и не оставляетъ свободного времени для грусти и иныхъ чувствованій, составляющихъ роскошь для бѣдняковъ. Если бы для здѣшнихъ дѣвушекъ будущая жизнь съ мужемъ-питерщикомъ представлялась особенно нерадостной, то онѣ стремились бы за тѣхъ немногихъ, которые почему-либо постоянно живутъ дома, но мы уже указывали, что всѣ *дѣвушки* особенно *избѣгаютъ* *выйти замужъ за послѣднихъ*, и имъ достаются уже худшія невѣсты. „*Пойду я за домостада!*“ презрительно отвѣчаетъ невѣста на сватовство царя, живущаго дома. Даже въ пѣсняхъ поется, что „крестьянскій сынъ дураченъ.“ Мало того, нѣкоторыя молодныя бездѣтныя жены могли бы жить въ Питерѣ съ мужьями, но онѣ сами упрощаютъ мужей отпустить ихъ въ деревню. Зависитъ это отъ большой привычки женщины къ деревнѣ и сельскимъ занятіямъ, т. е. деревня и земля имѣютъ несравненно болѣе прочную власть надъ крестьянками, чѣмъ надъ ихъ мужьями. Онѣ имѣютъ дѣло съ землей и деревенскими работами съ самаго дѣтства, почему эти работы для нихъ интереснѣе и пріятнѣе городскихъ. Много значить и то, что крестьянка здѣсь въ равномъ обществѣ, интересы ея одинаковы со всѣми сосѣдками, а въ Питерѣ она первое время чувствуетъ себя одинокой: разговоры и интересы окружающихъ ей мало понятны.

Независимость и самостоятельность также играютъ видную роль. Мы уже говорили выше, что отхожіе заработки, т. е. почти постоянное отсутствіе мужа или вообще хозяина-мужчины выдвигаетъ крестьянку на первый планъ, — она самостоятельная, полная хозяйка дома. Какъ всѣ хлопоты и работы, такъ и все управленіе сельскимъ хозяйствомъ лежитъ на женщинахъ; мужа, мало понимающіе въ сельскомъ хозяйствѣ, рѣдко вмѣшиваются въ него даже и во время своего пребыванія въ деревнѣ. Всѣ покупки и продажи отъ мелочи до самаго крупнаго, наемъ рабочихъ, обработка земли, уплата повинностей, — все это здѣсь дѣло женщины. Если она не платитъ подати изъ присланныхъ мужемъ денегъ или не рассчитывается съ рабочими, то какъ дѣйстви-

тельный хозяинъ подвергается волостному суду и взысканіямъ. Выше мы сказали, что женщинамъ здѣсь позволяется даже исправлять должность селенскаго десятскаго. Происходить это такимъ образомъ: выбираютъ въ десятскіе какого-либо Ивана, но такъ какъ по распоряженію начальства волость не имѣетъ права задерживать десятскихъ дома, какъ напр. старосту, старшину, то этотъ Иванъ беретъ паспортъ и уходитъ на сторону. Хотя Иванъ и обязанъ нанять вмѣсто себя другого, но вслѣдствіе немногосложности обязанностей селенскаго десятскаго, волостное правленіе не настаиваетъ на этомъ и, *volens volens*, жепъ Марья приходится отбывать общественную службу. Что же касается выборныхъ для сходовъ (отъ 10 дворовъ по одному), то уходящій выборный непременно долженъ представить вмѣсто себя другого мужчину, который и просписывается въ приемъ этой должности на себя. Но не даромъ все это дается крестьянкамъ: рѣдко попадаютъ здѣсь молодыя и красивыя женщины. Обыкновенно свѣжія и здоровыя 20-лѣтнія дѣвушки черезъ 5—7 лѣтъ замужней жизни быстро дѣлаются 40-лѣтними и въ этой формѣ застываютъ до настоящей старости. Масса выкидышей, всевозможныхъ женскихъ болѣзней есть прямой результатъ усиленной лѣтней работы беременныхъ. Не до дѣтей здѣшнимъ женщинамъ-мужчинамъ и хорошо еще, что опѣ дѣйствительно мало имѣютъ ихъ, сравнительно съ осѣдлыми мѣстностями. По моимъ наблюденіямъ („Врачъ“, № 39, — 1886 г.) у женщинъ, мужья которыхъ ходили на сторону, было среди числ. по 5,2 дѣтей у каждой и совсѣмъ бесплодныхъ среди нихъ 10,94%; у женщинъ же съ осѣдлыми мужьями было дѣтей 9,2 и бесплодныхъ изъ нихъ только 3,33%.

Сравнительно съ осѣдлыми мѣстностями, *солталичская и музломская семья пораздо меньше крепка* не только въ смыслъ патріархальной власти старшаго, но даже и въ отношеніяхъ между родителемъ и дѣтьми, мужемъ и женой. Отъ сыновей, отправляемыхъ въ Питеръ съ 12 лѣтъ, конечно, нельзя ожидать сильной любви къ родителямъ и привязанности къ родительскому верову; они становятся повольно *космополитами*: „гдѣ хорошо, тамъ и отечество“. И временныя по-

бывки едва-ли доставляют полное удовлетвореніе обѣимъ сторонамъ, матери и сыну, женѣ и мужу; послѣдній въ деревнѣ только гость, а не настоящій членъ крестьянской семьи: взгляды, интересы и часто самый языкъ у нихъ различны, у одной все въ землѣ и въ деревнѣ, а другой стремится къ Питеру и городской жизни. Еще болѣе усиливается рознь въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда питерщикъ является домой безъ всякаго заработка, на приготовленные хлѣба матерью или женой. Съ одной стороны справедливые упреки, а съ другой соотвѣтственный отпоръ противъ женскихъ причитаній и желаніе забыться отъ семейной жизни въ кабакъ, среди благопріятелей. Такія свиданія питерщиковъ съ родными доставляютъ не много радостей для крестьянской жизни, а напротивъ болѣе углубляютъ пропасть между кочующими промышленниками и остающейся дома родней. Есть и другія неблагоприятныя условія. Мужъ, конечно, всегда относится лучше къ женѣ, чѣмъ его родня, заступаетъ за нее передъ своими старшими, помогаетъ ей переносить тяжелое бремя крестьянской работницы-матери. При постоянномъ же отсутствіи мужа, вновь приведенная въ домъ женщина подвергается всякимъ нападкамъ со стороны воспитанныхъ народомъ свекрови и золовокъ, защиты ей ждать не откуда, и она временно или навсегда уходитъ отъ новой родни. Возможность постоянно найти работу усиливаетъ независимость, присущую здѣшнимъ женщинамъ, почему онѣ, при отсутствіи дѣтей, легко и свободно оставляютъ неоправившуюся имъ семью мужа. Уходъ молодыхъ бездѣтныхъ женъ здѣсь настолько обыденное явленіе, что не вызываетъ особеннаго противодѣйствія со стороны старшихъ; только возвращеніе ихъ съ приходомъ мужа ведетъ къ семейнымъ распрямъ чисто экономическаго свойства: все рабочее лѣтнее время ушедшія работали на себя или свою родню, а на зиму являются на приготовленный другими хлѣбъ. Рѣдко эти распри оканчиваются полнымъ подчиненіемъ женщины; чаще мужъ подчиняется вліянію жены и уходитъ въ домъ къ ея роднымъ или требуетъ раздѣла отъ родителей. Что сыновья принимаютъ чаще сторону женъ, доказывается тѣмъ фактомъ, что мужья обыкновенно присылаютъ изъ Питера женамъ

денегъ тайно отъ своихъ родителей и нерѣдко въ общую семью вовсе ничего не даютъ, а все высылаютъ на имя женъ. Это здѣсь важный предлогъ для распрей. Нужно указать на интересный фактъ, кажется свойственный только здѣшней сторонѣ: полные семейные раздѣлы начинаются иногда *внутредворнымъ дѣленіемъ*. Благодаря величинѣ домовъ и при невозможности сразу построить новый, семья, порѣшившая раздѣлиться, дѣлитъ все имущество на двѣ части и подъ одной кровлей ведетъ два совершенно самостоятельныхъ хозяйства, начиная съ приготовления пищи и кончая обработкой раздѣленной земли. Въ зависимости отъ раздѣловъ, чухломская отхожая семья состояла въ 1867 году только изъ 4,8 человекъ, а ветлужская осѣдлая изъ 5,7. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣла еще болѣе ухудшилось; такъ въ Солигаличскомъ уѣздѣ 20 лѣтъ тому назадъ семья состояла изъ 5,4 человекъ, а теперь едва-ли наберется и 4,5. За десятилѣтіе съ 1874—83 годъ въ Солигаличскомъ уѣздѣ, по свѣдѣніямъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, былъ 1071 семейный раздѣлъ, причемъ съ годами число ихъ почти постоянно возрастало:

въ 1874 г.—	76	раздѣловъ	1879 г.—	107
1875 >—	80		1880 >—	109
1876 >—	103		1881 >—	115
1877 >—	102		1882 >—	148
1878 >—	96		1883 >—	135

Въ 1874 году всѣхъ семей было 7975, слѣд. почти $\frac{1}{7}$ ихъ раздробилась на болѣе мелкія и менѣе состоятельныя въ экономическомъ отношеніи. И дѣйствительно, громадное большинство семей состоитъ только изъ двухъ работниковъ—мужа и жены, часто встрѣчаются семьи съ двумя—тремя работницами при одномъ мужчинѣ и очень рѣдко семьи съ 2—3 мужчинами-работниками. При малѣйшей возможности и неурядицѣ раздѣлъ здѣсь сдѣлался необходимостью.

Но не однѣ семейныя распри, отсутствіе сильной мужской власти и ссоры между остающимися въ деревнѣ женщинами—свекровью и снохами разрушаютъ семью; значительное вліяніе оказываетъ на нее и

ненормальность чисто супружеских отношений. Въ среднемъ здѣшніе кочевые мужья проводятъ съ своими женами не болѣе $\frac{1}{4}$ всей ихъ совместной жизни, причеъ иногда не видятся съ ними 3—5 лѣтъ и болѣе. Конечно, половая жизнь обѣихъ сторонъ является крайне ненормальной; питерщики, вѣроятно, всѣ безъ исключенія пользуются всевозможными столичными омутами, но женщины въ громадномъ большинствѣ случаевъ остаются вѣрными у мужей, приходящихъ домой каждый годъ и не часто измѣняютъ даже отсутствующимъ $1\frac{1}{2}$ —3 года. Главная причина, объясняющая такое воздержаніе женщинъ, лежитъ въ тяжелыхъ работахъ, которыя такъ сильно изнуряютъ женщинъ, что имъ вовсе не до половыхъ наслажденій; къ тому же многія изъ нихъ остаются беременными или съ грудными дѣтьми, которыхъ всегда кормятъ $1\frac{1}{2}$, 2 и даже 3 года. Что работы не безразличны для женскаго организма, что затраты его очень велики, доказывается слѣдующимъ фактомъ, замѣченнымъ мною только въ здѣшной мѣстности: *очень многія небеременные и не кормящія женщины и двушки, не имющія никакихъ половыхъ страданій, не имѣютъ мѣсячныхъ все время работъ, т. е. съ апрѣля или мая до ноября или декабря.* Объясняется этотъ фактъ тѣмъ, что организмъ такъ сильно истощается на тяжелую работу, что у него не остается излишка для половыхъ функций, почему у женщинъ все время работъ и отсутствія мужей не появляется половыхъ требованій. Кроме того отходъ отсюда очень давній, такъ что могло развиться *наследственное ослабленіе половыхъ желаній* у женщинъ. Наши заключенія подтверждаются и тѣмъ, что незаконными дѣтьми отхожая полоса не отличается; въ 1881—83 гг. незаконныхъ рожденій было во всей Костромской губ. 2,63%, въ фабричной полосѣ 3,14% и въ отхожей только 2,38%, и даже въ самомъ отхожемъ уѣздѣ Чухломскомъ 2,47% и Солигаличскомъ 2,88%. Впрочемъ нужно оговориться, что въ фабричной полосѣ рождаются больше двушки и вдовы; въ отхожихъ уѣздахъ, можетъ быть, и рождаются много незаконныхъ замужними, но они всѣ записываются въ метрики законными. Во всякомъ случаѣ увлеченія съ обѣихъ сторонъ возмож-

ны, и вѣбрачныя связи вполнѣ естественны. Мы не будемъ касаться тѣхъ мимолетныхъ увлеченій питерщиковъ столичными красавицами, которыя вліяютъ на крестьянскую семью только принесеніемъ сюда страшнаго для деревни подарка — сифилиса. Нерѣдко питерщики вступаютъ въ столицѣ въ болѣе прочныя связи и совершенно забрасываютъ свою деревенскую семью, домой они вовсе не приходятъ, а присылъ отъ нихъ направляется прямо въ волостныя правленія для уплаты податей и паспорта; иногда они *болтаются* совсѣмъ неизвѣстно гдѣ, и бѣдной женѣ приходится кормить семью, уплачивать подати и за все это довольствоваться сознаніемъ полного одиночества. Намъ извѣстно болѣе, чѣмъ о 30 подобныхъ отступникахъ отъ деревенскихъ женъ. Ничего нѣтъ страннаго, если и женщины, не удовлетворенныя фиктивной супружеской жизнью, вступаютъ также въ любовныя связи. Не говоря о временныхъ, тайныхъ, оканчивающихся съ приходомъ мужа, намъ приходилось встрѣчать не мало и прочныхъ, постоянныхъ сожителствъ, продолжающихся 10 — 15 лѣтъ. Въ этихъ случаяхъ жена окончательно оставляетъ домъ мужа и поселяется съ новымъ сожителемъ, который и живетъ съ ней открыто, какъ мужъ, и заботится, какъ отецъ, о прижитыхъ дѣтяхъ. Со смертью мужа они рѣдко вѣнчаются. Только въ одной волости мною записано 22 такихъ сожителства. Попадаются также и дѣйствительно распутныя связи изъ трехъ лицъ, одной женщины и двухъ мужчинъ, но чаще у одного мужчины двѣ жены. Но вообще распутныхъ женщинъ, переходящихъ отъ одного къ другому, здѣсь немного и держатся онѣ около торговыхъ селъ. Происходитъ это, можетъ быть, оттого, что женщины здѣсь по численности преобладаютъ надъ мужчинами и послѣдніе небольшую часть года живутъ дома, слѣд. за недостаткомъ мужчинъ представляется мало поводовъ для соблазна. Исполненіе всей тяжелой деревенской работы, крайняя ненормальность супружеской жизни, постоянныя испытанія и огорченія для материнскаго чувства — вотъ удѣлъ женщины отхожей полосы! Кромѣ того, при ненормальности супружескихъ отношеній, являются всевозможныя подозрѣнія и ревность и притомъ съ болѣе виновной

стороны, — мужчины. Ко мнѣ въ больницу обращалось 5 молодыхъ мужей, *помѣшанныхъ на невѣрности женѣ*, приче́мъ они заподозривали въ соучастіи даже своихъ матерей. Одинъ мужъ своими строгими, ревнивыми письмами до того измучилъ молодую жену, что она не вынесла и повѣсилась! Не будь здѣшнія женщины болѣе самостоятельны и способны на отпоръ, имъ пришлось бы много страдать отъ ревности своихъ повелителей, изъ которыхъ, къ счастью для обѣихъ сторонъ, Отелло составляетъ рѣдкость! А сколько мученій приходится ей бѣдной, одинокой, переносить во время болѣзни, родовъ, когда около нея нѣтъ никого, кромѣ малыхъ ребятъ! Горька участь жены питерщика и не знаю, окупаются-ли всѣ несчастія и труды ея той самостоятельностью и независимостью, которыя она имѣетъ сравнительно съ земледѣльческой женщиной? И все таки, повторяю, *солгаличская и чухломская дѣвушка предпочитаетъ жениха-питертика*, а не осѣдлаго деревенскаго жителя. Такого непобѣдимое вліяніе виѣшности, привычки и обычая.

Намъ остается еще указать на одно безспорно хорошее вліяніе отхожихъ заработковъ... на развитіе грамотности среди населенія. Для выясненія этого вліянія, сравнимъ различные уѣзды Костромской губерніи, приче́мъ соединимъ ихъ въ три вышеописанныя полосы — фабричную, лѣсную и отхожую:

	ГРАМОТНЫЕ.						Учащіяся въ 1883 г.			Школа въ 1883 г.	
	Мужчины.			Женщины.			На 100 муж.	На 100 жен.	На 100 чело-вѣкъ населенія.	1 школа на число жителей.	1 школа на число квадратныхъ верстъ.
	По переписи 1867 г.	Изъ вступившихъ въ бракъ въ 1873—75 г.г.	Изъ принятыхъ солдатъ въ 1880 году.	По переписи 1867 г.	Изъ вступившихъ въ бракъ въ 1873—75 г.г.						
Отхожіе у.	24,5	46,2	55,9	3,5	8,6	2,25	0,67	1,44	3665	177,9	
Фабричныя	17,5	23,7	34,9	2,0	2,1	2,48	0,55	1,43	4117	112,6	
Лѣсныя	9,8	16,9	25,8	1,3	1,05	1,93	0,3	1,07	5170	554,7	
Чухломскій	33,9	63,2	73,5	6,3	16,6	3,1	0,91	1,87	2415	148,9	
Костромск.	23,0	34,2	41,9	3,3	2,4	3,37	0,71	1,91	3048	82,1	

Мы съ укисломъ взяли самыя разнообразныя данныя и по времени ихъ составленія и по источникамъ, и все таки получается согласный выводъ, благопріятный для отхожей полосы. Прежде всего необходимо объяснить противорѣчіе, рѣзко бросающееся въ глаза въ приведенной таблицѣ между первыми и вторыми 5-ю графами, т. е. между числами учащихся и грамотныхъ. Мы встрѣчаемся съ довольно страшнымъ фактомъ—несоотвѣтствія между процентомъ учащихся и грамотныхъ, а именно отхожіе уѣзды по грамотности стоятъ значительно выше всѣхъ остальныхъ уѣздовъ, а по числу учащихся и особенно мальчиковъ они стоятъ ниже фабричныхъ уѣздовъ и только немного превышаютъ лѣсные. Это несоотвѣтствіе наблюдается не только въ цѣлыхъ частяхъ губерніи, но и въ отдѣльныхъ уѣздахъ; такъ самый грамотный и отхожій уѣздъ Чухломскій много выше Костромскаго по числу грамотныхъ, но уступаетъ ему въ числѣ учащихся. Если-же мы взглянемъ на послѣднія двѣ графы, указывающія отношеніе между числомъ школъ, населеніемъ и пространствомъ уѣздовъ, то не находимъ особыхъ благопріятныхъ условій для фабричныхъ и лѣсныхъ уѣздовъ; напротивъ, число жителей на 1 школу въ отхожихъ уѣздахъ менѣе, чѣмъ въ остальныхъ, и только относительно пространства отхожая полоса уступаетъ фабричной, и то очень мало сравнительно съ лѣсной. И дѣйствительно, не невыгодное положеніе отхожихъ уѣздовъ относительно школъ, а самый отходъ—причина того, что въ этихъ уѣздахъ учится очень небольшой процентъ дѣтей. Здѣшнія семьи очень малочисленны, почему всякій мальчикъ и дѣвочка съ 8 лѣтъ уже полезныя члены для семьи: они исполняютъ различныя мелкія домашнія работы, а главн. обр. нянчатся съ своими малыми братьями и сестрами. Въ многолюдныхъ семьяхъ земледѣльческой Россіи даже рады избавиться отъ массы ребятъ, которые зимой постоянно находятся въ избахъ и своимъ крикомъ и шалостями мѣшаютъ и надоѣдаютъ старшимъ. Поэтому тамъ охотнѣе посылаютъ дѣтей въ школу, и имъ нерѣдко приходилось слышать жалобы родителей на учителей, что они слишкомъ рано отпускаютъ учениковъ изъ школы. Здѣсь-же семьи менѣе, избы

просторіе, и подростоющія дѣти въ большинствѣ случаевъ не помѣха, а помощь. На мои вопросы родителямъ и дѣтямъ въ школьномъ возрастѣ, почему они не учатся, я почти всегда получалъ отвѣтъ, что некому „нянчиться съ Васькой или Машкой,“ а указаніе на недостатокъ теплой одежды я всего слышалъ два-три раза, тогда какъ въ бѣдныхъ мѣстностяхъ это—обыкновенная причина. Затѣмъ мы видѣли выше, что мальчиковъ отправляютъ въ Питеръ очень рано, начиная съ 11 лѣтъ, когда они должны-бы были еще посѣщать школу. На этомъ основаніи многіе родители или вовсе не отдаютъ своихъ дѣтей въ школы, или берутъ ихъ для отправленія на сторону чрезъ 1—2 года изъ училища, раньше окончанія курса ученья; такъ напр. въ одной изъ самыхъ большихъ школъ Солигаличскаго уѣзда, въ Кардовской, изъ 70—80 ежегодныхъ учениковъ оканчиваютъ курсъ и получаютъ свидѣтельства только 6—8 мальчиковъ, т. е. около 10% и изъ этихъ мальчиковъ обыкновенно двое-трое изъ духовныхъ или мѣстныхъ торговцевъ. Что отдача мальчиковъ въ Питеръ влияетъ сильно на возрастъ учащихся, доказываютъ мои двухлѣтнія наблюденія надъ 8 школами Солигаличскаго уѣзда '). Изъ осмотровѣнныхъ мною 330 мальчиковъ были въ возрастѣ:

7 лѣтъ—11	11 лѣтъ—62
8 „ —53	12 „ —35
9 „ —66	13 „ —16
10 „ —82	14 „ — 5

Стало-быть число учащихся въ возрастѣ до 11 лѣтъ 274—83,3%, а выше только 56—16,7%. Около половины оканчивающихъ курсъ со льготными свидѣтельствами также приходится на мальчиковъ, еще не достигшихъ 11 лѣтъ, почему сдѣланное въ 1887 году распоряженіе, чтобы льготныя свидѣтельства не выдавались раѣе 11 лѣтъ, уменьшить еще значительно число оканчивающихъ въ отхожихъ уѣз-

„Русская Медицина“, 1885, №№ 32—33. Нѣкоторыя данныя о народныхъ школахъ и ученикахъ Солигаличскаго уѣзда.

дахъ, такъ какъ рѣдкіе родители согласятся оставить еще на годъ мальчика дома для посѣщенія школы. Вообще здѣшнимъ крестьянамъ, въ виду описанныхъ условий, 3-годовалый срокъ ученія кажется долгимъ, и они обучаютъ дѣтей необходимой грамотѣ иными путями, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію первыхъ пяти графъ таблицы. Всѣ данныя показываютъ вполне согласно, что грамотность въ отхожей полосѣ значительно превалируетъ надъ остальными уѣздами. Такъ по переписи 1867 года, грамотныхъ въ отхожей полосѣ около $\frac{1}{4}$ всѣхъ мужчинъ (въ Чухломскомъ у. болѣе $\frac{1}{3}$), въ фабричной немного болѣе $\frac{1}{6}$, а въ лѣсной менѣе $\frac{1}{10}$. Если возьмемъ данныя болѣе близкія къ настоящему времени, то найдемъ, что грамотность возрастаетъ во всей губерніи, но все таки сильнѣе развивается она въ отхожихъ уѣздахъ. Такъ изъ принятыхъ солдатъ въ 1880 году было грамотныхъ въ отхожихъ уѣздахъ 55,9% (въ Чухломскомъ 73,5%, т. е. около $\frac{3}{4}$ всѣхъ), въ фабричныхъ немного болѣе $\frac{1}{3}$, а въ лѣсныхъ только $\frac{1}{4}$ всѣхъ солдатъ. Изъ 1439 призывныхъ за 1882—1887 гг. въ Солигаличскомъ уѣздѣ было грамотныхъ 59,2%, а изъ призывныхъ во всей Россіи въ 1883 г. только 24,51%, т. е. почти въ $2\frac{1}{2}$ раза менѣе, не смотря на то, что въ общерусскихъ данныхъ считаются и болѣе грамотные городскіе жители. Со свидѣтельствами въ Солигаличскомъ уѣздѣ было 64—4,5%, а именно 3 разряда—11 и 4-го—53. Можно съ увѣренностью сказать, что едва-ли гдѣ въ Россіи грамотность распространена среди крестьянъ сильнѣе, чѣмъ въ отхожей полосѣ и особенно въ Чухломскомъ и Солигаличскомъ уѣздахъ. Такую же грамотность нужно предполагать и въ Ярославской губерніи, которая по отхожимъ заработкамъ превосходитъ даже Костромскую. Грамотность среди женщинъ развита гораздо менѣе, чѣмъ среди мужчинъ, но въ этомъ отношеніи отхожіе уѣзды стоятъ еще выше остальныхъ, особенно если возьмемъ данныя болѣе новаго времени. Такъ изъ дѣвушекъ, вступившихъ въ бракъ въ 1873—75 годахъ, было грамотныхъ въ отхожей полосѣ 8,6%,—въ четыре раза болѣе, чѣмъ въ фабричной и въ восемь разъ болѣе, чѣмъ въ лѣсной полосѣ.

Въ Чухломскомъ же уѣздѣ грамотныя дѣвушки составляли уже $\frac{1}{6}$ всѣхъ вышедшихъ замужъ. Это находится въ полномъ согласіи съ тѣмъ фактомъ, что въ отхожей полосѣ дѣвочекъ учится значительно больше, чѣмъ въ остальныхъ уѣздахъ; въ нѣкоторыхъ солигаличскихъ школахъ учащіяся дѣвочки составляютъ $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$ всѣхъ учениковъ, а въ школѣ неотхожей Чудцовской волости на 40—60 учениковъ бываетъ только 1—3 дѣвочки. Вліяніе отхода въ этомъ отношеніи очевидно. Какъ-же объяснить вышеуказанное несоотвѣтствіе между числомъ грамотныхъ и учащихся въ отхожей сторонѣ, откуда берется въ ней такое преобладающее число грамотныхъ? Большинство солигаличанъ и чухломцевъ обучаются грамотѣ внѣ школы, дома и на сторонѣ. Дома мальчики и дѣвочки обучаются зимой или грамотными родителями—питерщиками, или какимъ-либо деревенскимъ грамотѣемъ изъ солдатъ причетниковъ или питерщиковъ. Въ послѣднемъ случаѣ составляется цѣлая импровизованная школа въ избѣ; въ нее отдають ребятъ не только ододеревенцы, но и изъ ближайшихъ сосѣднихъ деревень. Тамъ въ одной деревнѣ, отстоящей всего въ 4 верстахъ отъ земской школы, учительствовалъ отставной солдатъ по самой старой методѣ; учениковъ у него бывало до 20 и съ каждаго получалась извѣстная плата, а кромѣ того родители учениковъ, по-очередно, по недѣлѣ кормили его. Въ другой деревнѣ отдають сыновей на выучку питерщику, причемъ онъ долженъ научить читать, писать и считать въ одну зиму, за что получаетъ 3—5 рублей. Вообще школъ грамотности, болѣе или менѣ многочисленныхъ, здѣсь насчитывается нѣсколько десятковъ. Дѣти изъ деревень, близкихъ къ селамъ, учатся обыкновенно у причетниковъ, дьяконовъ. На обученіе дѣвочекъ денегъ не тратятъ, и онѣ учатся или у грамотныхъ братьевъ, отцовъ и различныхъ одинокихъ грамотныхъ старыхъ дѣвъ и вдовъ. Эти простыя женщины занимаются также чтеніемъ по покойникамъ, писаніемъ и чтеніемъ писемъ и пр. Что-же составляетъ родителей тратиться на обученіе сыновей, когда въ земскихъ школахъ здѣсь обученіе бесплатное? Отчасти отдаленность этихъ школъ; отдать сына или дочь въ эти школы значитъ совершенно лишиться ихъ.

помощи въ уходѣ за малыми дѣтьми, тогда какъ, учась въ своей деревнѣ, они известную часть дня могутъ оставаться дома. Но главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что курсъ ученія въ школахъ очень продолжителенъ—три года, а у частныхъ учителей мальчикъ научается всей нужной премудрости въ одну зиму. Родители здѣсь признаютъ необходимость грамотности для мальчиковъ, отправляемыхъ въ Питеръ, почему большинство ихъ, дѣйствительно, уѣзжаетъ на сторону грамотными. Тѣ-же мальчики, которымъ почему-либо не удалось выучиться дома, знакомятся съ грамотой въ Питерѣ, или отъ товарищей-учениковъ, или отъ мастеровъ. Особенно это удобно въ зимнее время у маляровъ, такъ какъ по зимамъ у нихъ работы очень мало. Поэтому среди питерщиковъ и особенно молодыхъ, неграмотные встрѣчаются очень рѣдко. Такимъ образомъ отходъ препятствуетъ правильному обученію дѣтей въ школахъ, но съ другой стороны опъ привилъ здѣшнему бродячему крестьянству сознаніе необходимости быть грамотными. Сталкиваясь съ городскими и столичными жителями и условіями жизни, питерщики, конечно, во-очію видятъ все неудобство быть неграмотными, и для нихъ, болѣе соприкасающихся съ самыми различными столичными сферами, умѣнье читать и писать гораздо необходимѣе, чѣмъ для всевозможныхъ чернорабочихъ, носильщиковъ и пр. Знаніе грамоты важно и для того, чтобы занять высшій служебный постъ прикащика, артельщика. Наконецъ, многія занятія и не мыслимы для неграмотныхъ: торговцы, лавочники, водопроводчики, переплетчики; всѣ хозяева и „хозяйчики“ также обязательно должны быть грамотными. Замѣтное вліяніе оказываетъ и необходимость переписки между Питеромъ и деревней; особенно это важно для деревни, т. е. жевцінъ, ожидающихъ и требующихъ изъ Питера *присыла*. Вотъ нѣкоторые данныя объ этой корреспонденціи. Карцовская почтовая станція, Солигаличскаго уѣзда, служитъ почти исключительно для крестьянъ 5 волостей; въ ней въ 1883 году было отправлено и получено всей корреспонденціи (кромя періодическихъ изданій и отправленныхъ простыхъ писемъ, счетъ которымъ на почтѣ не ведется) 12954, что составляетъ 95 по-

лученій и отправленій на 100 жителей этихъ волостей (съ простыми письмами будетъ болѣе 100). За 6 лѣтъ на этойъ станціи получено 22689 цѣнныхъ пакетовъ, на сумму 491512 рублей. Приводимое въ приложеніи 1-е письмо представляетъ хорошій образецъ здѣшней, крестьянской переписки. О дѣлахъ въ нихъ вообще имѣется очень мало, а большая часть ихъ наполняется поклонами, благословеніями и пожеланіями всѣмъ родственникамъ, причемъ каждый изъ нихъ (даже грудной ребенокъ) называется полнымъ именемъ. Наше письмо гораздо больше и содержательнѣе обыкновеннаго, такъ какъ оно писано при исключительныхъ условіяхъ довольно разумнымъ питерщикомъ, сильно нѣяствовавшимъ здѣсь и ушедшимъ отсюда потихоньку отъ семьи въ Валаамскій монастырь замалывать и зарабатывать грѣхи, а изъ монастыря прошедшимъ уже въ Петербургъ на заработки. Другія письма, читанныя мною, даже отъ богатыхъ торговцевъ состоятъ почти исключительно изъ однихъ поклоновъ. Кстати необходимо объяснить одно выраженіе, встрѣчающееся здѣсь часто въ письмахъ: „отъ писаря читарю низающее почтеніе,“ т. е. отъ пишущаго письмо тому, кто будетъ читать его. Но не одна необходимость переписки съ отцами и мужьями заставляетъ здѣшнихъ женщинъ быть грамотными; въ отсутствіи мужей онѣ—полныя хозяйки дома, имѣютъ сношенія съ судьями, волостнымъ и инымъ начальствомъ, уплачиваютъ подати, рассчитываются съ работниками, а отправленіе всѣхъ этихъ *многосложныхъ функций* для неграмотныхъ очень затруднительно. Большая самостоятельность и отвѣтственность здѣшнихъ женщинъ требуютъ со стороны ихъ и большихъ средствъ для борьбы съ окружающими препятствіями, и грамотность безспорно одно изъ этихъ средствъ.

Однако солигаличская грамотность, за небольшими исключениями, идетъ очень недалеко: чтеніе, письмо и счетъ вполнѣ достаточны для удовлетворенія нуждъ питерщика. Любознательностью онъ не отличается и его не интересуетъ знаніе само по себѣ безъ практическаго приложенія. Въ столицахъ большинству мастеровъ читать вовсе некогда и послѣ усиленной работы остается только время для отдыха, а дома въ

деревнѣ, не смотря на желаніе, читать нечего. Крупные богачи выпи-
сываютъ газеты и слегка интересуются политикой; газеты преимущест-
венно маленькія и дешевенькія въ родѣ „Свѣта“, „Петербургскаго Лист-
ка“ и только у одного я видѣлъ „Новое Время.“ Книгъ-же я здѣсь
находилъ очень мало; это—псалтири, молитвенники и другія духовныя
книги, а изъ свѣтской литературы различныя сказки, исторіи о Фран-
дцлѣ Венеціанѣ, англійскомъ милордѣ и вообще изданія Леухиныхъ,
Салаевыхъ et tutti quanti. Въ одномъ домѣ я встрѣтилъ питерщика,
читающаго довольно старинную исторію о Петрѣ Великомъ. Вообще
немного расходуютъ отхожіе промышленники на книги, такъ какъ и боль-
шинство принесенныхъ досталось имъ даромъ, вмѣстѣ съ кусками обо-
евъ, обрывками журналовъ, различными картинками изъ газетъ и пр.;
все это находится и забирается съ прочимъ хламомъ мастерами при
уборкѣ квартиръ. О дальнѣйшемъ образованіи и ученіи дѣтей бога-
тыхъ отходниковъ также ничего не слышать. Только у трехъ питер-
щиковъ, совсѣмъ переѣхавшихъ болѣе 20 лѣтъ въ столицу и оконча-
тельно разорвавшихъ всякую связь съ деревней, дѣти учатся въ гим-
назіяхъ, а одинъ окончилъ курсъ въ институтѣ инженеровъ. Но вѣдь
это—уже совсѣмъ городскіе жители, а богачи, имѣющіе свои дома въ
деревнѣ, держатъ обыкновенно всѣхъ своихъ дѣтей въ деревнѣ, обу-
чаютъ ихъ только въ народныхъ школахъ до полученія льготнаго сви-
дѣтельства 4-го разряда, а затѣмъ съ 11—13 лѣтъ увозятъ ихъ въ
столицу для обученія своему ремеслу, торговлѣ. Болѣе молодые изъ
этихъ богачей отлично знакомы со всѣми петербургскими дорогими
увеселительными заведеніями и ихъ женскимъ персоналомъ, знаютъ да-
же нѣсколько словъ по французски, но это только смѣшныя „вороны
въ павлиньихъ перьяхъ.“ Вообще, на основаніи нашихъ наблюденій въ
Солигаличскомъ уѣздѣ, мы пришли къ такому заключенію, что отхо-
жіе заработки очень способствуютъ распространенію грамотности, но
нисколько не развиваютъ въ здѣшнемъ населеніи любознательности, на-
клонности къ чтенію и къ самообразованію. Какъ въ городской куль-
турѣ, такъ и въ грамотности усваивается нашими промышленниками

преимущественно одна внѣшность, а внутренній смыслъ постигается очень туго. На нѣкоторыхъ авторовъ, мало знакомыхъ съ отхожимъ краемъ, жизнь населенія этого края производитъ очень благопріятное впечатлѣніе, сравнительно съ жизнью земледѣльческаго населенія. Но это только на первый разъ; чѣмъ дальше будутъ они изслѣдовать всѣ условія жизни въ отхожей сторонѣ и, оставляя въ сторонѣ внѣшность, проникать во внутренній смыслъ ея, тѣмъ сильнѣе будетъ ихъ разочарованіе... Столичный свѣтъ проникаетъ очень неглубоко, и только тогда начнетъ развиваться наше крестьянство, когда среди него, въ деревняхъ, будетъ открыто необходимое число школъ съ болѣе обширной программой, чѣмъ настоящая, бібліотеки, чтенія для взрослыхъ и другія образовательныя учрежденія. Для развитія нашего крестьянства нуженъ не столичный, яркій, но отдаленный свѣтъ, а мѣстный, хотя и болѣе слабый, но приуроченный къ жизни населенія!

Земскій врачъ Д. Жбанковъ.

Приложеніе № 1. Краткое описаніе 4-хъ деревень относительно развитія отхожихъ заработковъ.

1. Деревня Ц. имѣетъ 9 домовъ и 40 жителей; изъ нихъ 11 муж., 11 мальчиковъ, 14 женщинъ и 4 дѣвочки. Въ Петербургѣ 6 муж. и 2 мальчика.

1) Домъ Я. П. Самъ хозяинъ 55 лѣтъ, жена 53, сынъ 16 лѣтъ и дочь 10 лѣтъ. Домъ прежде былъ очень богатый, но хозяинъ сильно пьянствовалъ, былъ обманутъ на подрядахъ и теперь живетъ очень бѣдно „изъ-за слабости“ въ деревнѣ, уже 10 лѣтъ. Въ Питерѣ хозяйствовалъ по печной части; сынъ въ ученикахъ въ Питерѣ, въ малярахъ.

2) Домъ П. И. Вдова 40 лѣтъ, сынъ ея 16 лѣтъ. Домъ стоитъ пустой, ни земли, ни хозяйства нѣтъ. Живетъ здѣсь въ кухаркахъ, прежде ходила въ Петербургъ; сынъ ея въ Петербургѣ въ ученикахъ по малярной части; отецъ былъ обручникомъ.

3) Домъ П. З. Мать, вдова 45 лѣтъ; сынъ 24 и жена 23 лѣтъ, у нихъ 2 мальчика—3 и $\frac{1}{2}$ года. Въ Петербургъ не ходитъ,—не пустила мать по одиночеству.

4) Домъ Ф. Старикъ и жена его 63 лѣтъ; сынъ 34 лѣтъ, жена его 28 лѣтъ и у нихъ сынъ 11 лѣтъ, двѣ дочери 9 и 6 лѣтъ. Старикъ-обручникъ, пересталъ ходить въ Питеръ по слабости здоровья; сынъ-плотникъ въ Питерѣ.

5) Домъ К. М. Мать-вдова 50 лѣтъ, сынъ 25 л., жена 24, у нихъ два сына, 3 и $\frac{1}{2}$ года. Сынъ въ малярахъ въ Петербургѣ; отецъ также ходилъ на сторону, былъ каретникомъ. На пахоту нанимаютъ изъ своей деревни.

6) Домъ П. В. Мужъ и жена 50 лѣтъ, сынъ 14 лѣтъ, споха (вдова недавно умершаго сына въ Питерѣ) 22 лѣтъ и у нея сынъ $1\frac{1}{2}$ года. Мужъ маляръ въ Питерѣ. На пахоту нанимаютъ. Сына на будущій годъ также отправятъ въ Питеръ.

7) Домъ К. Е. Мужъ 50, жена 48 и дочь 17 лѣтъ. Бондарь, пересталъ ходить въ Питеръ уже очень давно, вслѣдствіе совершеннаго тамъ преступленія.

8) Домъ А. П. Мужъ 45, жена 43, сынъ 17 лѣтъ. Сынъ въ Петербургѣ въ ученикахъ, въ малярахъ. Самъ также ходилъ на сторуку обручникомъ; пересталъ ходить 12 лѣтъ по одиночеству.

9) Домъ З. С. Мужъ 43, жена 40 лѣтъ, у нихъ 3 сына—18, 11 и 6 лѣтъ и дѣвочка 2 лѣтъ. Мужъ въ Петербургѣ обручникомъ, 18-лѣтній сынъ также обручникъ и живетъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ отцомъ. Нанимаютъ работницу на лѣто, а пашетъ родственникъ изъ деревни за 6 вер. 11-лѣтняго сына на будущій годъ также отправятъ въ Питеръ.

Такимъ образомъ 4 дома вовсе безъ мужчинъ, находящихся въ Питерѣ на заработкахъ; въ одномъ хозяйство заброшено, а въ трехъ прибѣгаютъ къ посторонней помощи для обработки земли. Ремесла уходящихъ различны, прежде были преимущественно обручники, а теперь маляры. Процентъ отсутствующихъ лицъ мужскаго пола 36,4, а взрослыхъ мужчинъ 54,5. Въ этой деревнѣ мужское населеніе больше женскаго.

II. Деревня Г. имѣетъ 11 домовъ и 55 жителей; изъ нихъ 14 муж., 21 жен., 7 мал. и 13 дѣвочекъ. Въ Питерѣ 11 муж., 4 жен., 4 мальчина и 1 дѣвочка.

1) Домъ А. З. Мужъ 27 и жена 26 лѣтъ. У нихъ двое дѣтей, дѣвочка 2 лѣтъ и 1 мальчикъ—1 мѣсяца. Мужъ маляръ въ Петербургѣ. Всю работу исполняетъ жена, нанимаетъ на пахоту и для дѣтей няньку 12 лѣтъ.

2) Домъ А. Мужъ 30 лѣтъ, жена 28 лѣтъ. У нихъ двое дѣтей, 1 дѣвочка 2 лѣтъ и 1 мальчикъ 1 г. Мужъ маляръ въ Питерѣ. Нанимаетъ для пахоты и няньку 13 лѣтъ.

3) Домъ А. И. Мужъ 28 лѣтъ и жена 26 лѣтъ; у нихъ одна дѣвочка 2-хъ лѣтъ. Мужъ маляръ; дома живетъ второй годъ, вслѣдствіе пьянства.

4) Домъ Е. С. Мать-вдова 60 лѣтъ, сынъ ея 30 лѣтъ и жена 28 лѣтъ; у нихъ мальчикъ 10 лѣтъ и дѣвочка 8 лѣтъ. Мужъ—маляръ въ Питерѣ. Нанимаютъ на пахоту.

5) Домъ Н. А. Мать-вдова 55 лѣтъ, 1-й сынъ 25 лѣтъ, жена 25 лѣтъ и двѣ дочери, 2-хъ и 1 года; 2-й сынъ 21 года, жена 20 лѣтъ. Оба маляры въ Питерѣ. Нанимаютъ на пахоту.

6) Домъ М. З. Теща, 60 лѣтъ, за хозяйку. Мужъ 50 лѣтъ, жена 48 лѣтъ, у нихъ 4 сына—21, 20, 15 и 13 лѣтъ, 4 дочери—18, 17, 15 и 12 лѣтъ. Онъ маляръ—„хозяйчикъ“; жена и всѣ четыре сына маляры живутъ въ Питерѣ. Нанимаютъ на пахоту.

7) Домъ Е. П. Мужъ 30 лѣтъ, жена 27 и двѣ дочери 7 и 2 лѣтъ. Мужъ маляръ въ Питерѣ. Нанимаетъ на пахоту и няньку 14 лѣтъ.

8) Домъ Д. А. Мужъ 50, жена 48 и дочь 15 лѣтъ. Былъ торговцемъ, не ходитъ въ Питеръ, болѣе 10 лѣтъ, такъ какъ былъ избранъ старшиной.

9) Домъ А. А. Старшій братъ 52 л., жена 48 лѣтъ, у нихъ сынъ 14 и дочь 12 лѣтъ. Второй братъ 43, жена 40 лѣтъ, у нихъ сынъ 16, другой 14 и дѣвочка 11 лѣтъ. Ихъ сестра 40 лѣтъ,—старая дѣва, живетъ за хозяйку. Старшій братъ торговецъ, очень богатый человекъ, имѣетъ нѣсколько лавокъ; вся его семья живетъ въ Питерѣ; сынъ и дочь его учатся въ городскомъ училищѣ. Второй братъ тоже торговецъ, но побѣднѣе, жена и сынъ 14 лѣтъ живутъ съ нимъ въ Питерѣ и торгуютъ въ лавкѣ. Дома хозяйничаетъ сестра и съ ней живетъ дочь и сынъ, 16 лѣтъ, втораго брата; сынъ остается въ деревнѣ вслѣдствіе болѣзни.

10) Домъ бобылки К. И. Она-вдова 50 лѣтъ и у нея мать,—старуха 80 лѣтъ. Земли и хозяйства нѣтъ, ходитъ по работницамъ.

11) Домъ бобылки А. П. Она старая дѣва 50 лѣтъ. Земли нѣтъ, ходитъ по работницамъ.

12) Бездомная вдова Т. А., 50 лѣтъ, ходитъ по работницамъ. Вдова ея сына живетъ въ Питерѣ кухаркой.

Въ этой деревнѣ на 100 муж. 162 женщины. Отсутствуетъ 36,4% всего населенія, изъ мужскаго 71,4% и женскаго около 15%. 10 домовъ вовсе безъ мужской рабочей силы.

III. Деревня Н. имѣеть 29 домовъ и 139 жителей,—33 муж., 54 жен., 28 мальчиновъ и 24 дѣвочки. Въ Питерѣ 25 муж., 2 жен., 1 мальчикъ. Въ этой деревнѣ на 100 мун. 128 жен. Уходитъ на сторону 20% всего населенія, а изъ взрослога мужскаго 75,7%. 22 дома вовсе безъ мужской рабочей силы.

1) Домъ Г. Это—вупецъ-мясникъ, имѣющій болѣе 100 тыс. капитала. Здѣсь прекрасный домъ, живетъ здѣсь по лѣтамъ, а зимой въ Питерѣ, дѣти остаются здѣсь. Имѣеть работника и 3 работницъ. Семья состоитъ изъ мужа 45, жены 30 лѣтъ (вторая), очень больной дочери 22 лѣтъ, сына 6 лѣтъ и 4 дочерей—отъ года до 8 лѣтъ.

2) Домъ М. А. Хозяйка мать, вдова 55 лѣтъ, сынъ 18 и дочь 15 лѣтъ. Сынъ мясникъ въ Питерѣ. Нанимають только на пахоту.

3) Домъ В. А. Хозяйка мать, вдова 65 лѣтъ; въ домъ взятъ зять 26 лѣтъ и за нимъ дочь 27 лѣтъ. Зять маляръ въ Питерѣ. Въ качествѣ работника живетъ постоянно, больше 30 лѣтъ, И. А.—сожитель хозяйки, бросившій совсѣмъ свою жену и семью.

4) Домъ Л. Е. Хозяйка мать, вдова 60 лѣтъ. У нея 2 сына: сынъ 35 и жена 34, у нихъ сынъ 16 и дочь 13 лѣтъ; сынъ 25, жена 27 лѣтъ, у нихъ мальчикъ 1 года и дѣвочка 2-хъ лѣтъ. Оба сына—маляры и живутъ въ Питерѣ. Нанимають на пахоту.

5) Домъ Ф. Е. Мужъ 60 и жена 58 лѣтъ. Былъ торговцемъ и жилъ въ Питерѣ, остался дома вслѣдствіе пьянства.

6) Домъ Д. М. Мужъ и жена 40 лѣтъ, у нихъ два сына 15 и 12 лѣтъ и дочь 7 лѣтъ. Мужъ и сынъ 15 лѣтъ—маляры, оба въ Питерѣ. Живутъ хорошо; дома—работникъ на лѣто.

7) Домъ Н. С. Мужъ 38, жена 36 лѣтъ, у нихъ сынъ 13, дочери—12, 5 и 2 лѣтъ. Онъ маляръ; лѣтъ 10 живетъ въ деревнѣ, вслѣдствіе одиночества и нанимается здѣсь-же въ деревнѣ годовымъ работникомъ.

8) Домъ Н. С. Мать-вдова 66 лѣтъ, сынъ 35, жена 32, у нихъ сынъ 3 лѣтъ. Сынъ маляръ въ Питерѣ. Нанимаютъ на пахоту.

9) Домъ Ф. И. Вдовецъ 65 лѣтъ. Былъ маляромъ, теперь живетъ одинъ въ деревнѣ и самъ исполняетъ всѣ работы и въ полѣ, и дома.

10) Домъ Е. С. Хозяйка-вдова 62 лѣтъ, вдова-сноха 35 лѣтъ и у нея сынъ 12 лѣтъ. Ведутъ все хозяйство и исполняютъ всѣ работы, кромѣ пахоты.

11) Домъ А. И. Хозяйка—вдова 50 лѣтъ и у нея сынъ 17 лѣтъ, съ ними живетъ сестра хозяйки, старая дѣва 30 лѣтъ. Сынъ маляръ въ Питерѣ. На пахоту нанимаютъ.

12) Домъ П. А. Мужъ и жена 30 лѣтъ, сынъ 9 и дочь 3 лѣтъ. Съ ними живетъ тетка мужа, старая дѣва 60 лѣтъ. Онъ—маляръ, но живетъ дома вслѣдствіе пьянства.

13) Домъ Н. С. Мужъ и жена 30 лѣтъ, сыновья 8 и 3 лѣтъ, дочери—12 лѣтъ и 1 мѣсяца. Мужъ—маляръ въ Питерѣ. Нанимаютъ на пахоту.

14) Домъ Е. Е. Мужъ 32, жена 30 лѣтъ, 3 сына—7, 5 и 3 лѣтъ и дочь 2 лѣтъ. Мужъ маляръ въ Питерѣ. Нанимаютъ дѣвочку-няньку и для пахоты.

15) Домъ Д. П. Мужъ 42 и жена 40 лѣтъ, двѣ дочери 19 и 16 лѣтъ и 4 сына отъ 2 до 12 лѣтъ. Мясникъ, но живетъ дома вслѣдствіе пьянства.

16) Домъ А. Л. Мужъ 40 и жена 37 лѣтъ. Маляръ въ Питерѣ. У нихъ нѣтъ ни земли, ни скота. Жена ходитъ въ поденщицы.

17) Домъ Е. Ф. Вдова 55 и дочь—старая дѣва, 28 лѣтъ. Имѣютъ землю и хозяйство. Сама старуха пашетъ.

18) Домъ П. А. Мужъ 43, жена 40 лѣтъ, у нихъ дочери 18, 15 и 12 лѣтъ, сыновья 13 и 10 лѣтъ. Маляръ въ Питерѣ. Жена сама пашетъ.

19) Домъ Е. К. Мужъ 45, жена 43 лѣтъ, у нихъ дочь 14

лѣтъ и сынъ женатый 20, жена 21 и у нихъ сынъ 1 года. Оба маляры въ Питерѣ. Лѣтній работникъ.

20) Домъ М. М. Два брата: старшій 28, жена 27 и сынъ 6 лѣтъ, второй 26 и жена 26 лѣтъ. Старшій маляръ, второй плотникъ. Одинъ въ Питерѣ, другой въ Кронштадтѣ, жена втораго — тоже въ Кронштадтѣ въ кухаркахъ. Нанимаютъ на пахоту.

21) Домъ М. И. Мужъ 42, жена 40 лѣтъ, дочь 16 и сынъ 2 лѣтъ. Маляръ въ Питерѣ. Нанимаютъ на пашню.

22) Домъ П. Е. Хозяйка-вдова 60 лѣтъ, сынъ 30, жена 28 лѣтъ и 2 сына — 11 и 3 лѣтъ. Мясникъ въ Питерѣ. На пашню нанимаютъ.

23) Домъ П. Л. Вдова-хозяйка 55 лѣтъ, 1-й сынъ 30 и жена 27 лѣтъ, 2-й сынъ 27 и жена 26 лѣтъ, у нихъ 2 дочери — 4 и 1 года. Оба мясники въ Питерѣ. Лѣтній работникъ.

24) Домъ А. П. Мужъ 43, жена 39 и 3 дочери — 20, 17 и 12 лѣтъ. Маляръ, — живетъ дома вслѣдствіе пьянства.

25) Домъ А. С. Мужъ и жена 28 лѣтъ. Мясникъ въ Питерѣ. На пашню нанимаютъ.

26) Домъ П. П. Мужъ 52 и жена 49 лѣтъ, у нихъ 3 сына: 1-й 26 и жена 24, у нихъ дочь 3 лѣтъ, 2-й хромой, 18 лѣтъ, 3-й 16 лѣтъ. Мужъ пекарь, 1-й и 3-й сыновья — маляры въ Питерѣ, 2-й пробочникъ въ Москвѣ. Нанимаютъ на пашню.

27) Домъ Д. Д. Мужъ 60, жена 59 лѣтъ, сынъ 26 и жена 23, у нихъ дочь 3 лѣтъ и 2 сына — 4 и 1 года. Отецъ печникъ, сынъ маляръ; живутъ въ деревнѣ, отецъ вслѣдствіе старости, а сынъ — пьянства.

28) Домъ бобылки А. И. Вдова 34 лѣтъ, сынъ 12 и дочь 8 лѣтъ. Нѣтъ ни земли, ни хозяйства. Ходитъ поденщицей.

29) Домъ бобылки В. С. Вдова 65 лѣтъ, съ ней сестра — вдова 60 лѣтъ, вдова дочь 25 лѣтъ и у нея дочь 5 лѣтъ. Мужъ у послѣдней пропалъ гдѣ-то на сторонѣ. Нѣтъ ни земли, ни хозяйства. Живутъ поденщиной.

IV. Деревня А. имѣеть 12 домовъ и 77 жителей,—21 мужъ, 27 женъ, 16 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ. Въ Питерѣ: 8 мужъ, 1 женъ и 1 малачинъ; въ солдатахъ 2 мужчинъ.

1) Домъ М. Л. Хозяйка-вдова 60 лѣтъ, у нея дочь 14 лѣтъ и 3 сына: старшій 30, жена 28, у нихъ 2 дочери—3 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ; второй 23, жена 22, у нихъ два сына 3 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ; третій сынъ 18 лѣтъ. Всѣ три сына—маляры въ Питерѣ. Лѣтній работникъ. Оданъ сынъ прислалъ 35 руб., другой 10 руб. и 3-й только 5 р.

2) Домъ П. А. Мужъ 55 лѣтъ и жена (вторая) 40 лѣтъ, у нихъ дочь 13 лѣтъ и три сына—17, 6 и 1½ лѣтъ. Самъ-печникъ, пересталъ ходить въ Питеръ изъ за пьянства. Сынъ-печникъ въ Питерѣ. Прислалъ 20 руб.

3) Домъ П. П. Мужъ 30, жена 28 и свояченица—старая дѣва 40 лѣтъ. У нихъ два сына—7 и 2 лѣтъ. Маляръ въ Питерѣ, прислалъ 55 р. На пашню нанимають.

4) Домъ П. В. Вдова-бабушка 100 лѣтъ. Тетка-вдова 50 и у нея дочь 16 лѣтъ. 2 брата: старшій хозяинъ 27, жена 26 и дочь 2 лѣтъ; второй—22 лѣтъ, въ солдатахъ. Старшій, маляръ въ Питерѣ, прислалъ 10 руб. Второй тоже маляръ и ходилъ въ Питеръ.

5) Домъ О. С. Мужъ 43 и жена 40 лѣтъ, у нихъ два сына 20 и 19 лѣтъ и двѣ дочери—16 и 10 лѣтъ. Двѣ сестры хозяина: сестра 60 лѣтъ, варлица, старая дѣва, сестра 40 л., старая дѣва, въ Питерѣ въ вухарвахъ. Живеть еще родственница—вдова 50 лѣтъ, давшая хозяину 100 руб. займа. Самъ—печникъ, ходилъ въ Питеръ и пересталъ вслѣдствіе одиночества. Старшій сынъ печникъ, вернулся недавно изъ Питера пѣшкомъ, безъ гроша денегъ, второй—тоже печникъ въ Питерѣ, прислалъ 10 руб.

6) Домъ Н. П. Вдова 40 лѣтъ. Ни земли, ни хозяйства. Поденщица.

7) Домъ И. С. Мужъ 60 и жена 57 лѣтъ. Хозяинъ, ихъ сынъ, 35, жена 32, у нихъ сынъ 8 лѣтъ и двѣ дочери—4 и 2 лѣтъ. Отецъ и сынъ горшечники; въ Питеръ не ходили.

8) Домъ В. Ф. Мужъ 60 и жена 56 лѣтъ. У нихъ 3 сына—19, 14 и 8 лѣтъ. Самъ—обручникъ, пересталъ ходить въ Питеръ давно по одиночеству. Старшій сынъ въ печникахъ, въ Питерѣ.

9) Домъ Т. И. Мужъ 45, жена 43 л. У нихъ дочь 9 лѣтъ и 3 сына—15, 12 и 5 лѣтъ. Самъ горшечникъ, въ Питеръ не ходитъ. Сынъ въ этомъ году отданъ въ Питеръ въ малары.

10) Домъ Д. В. Мужъ 70 и жена 68 лѣтъ. Сынъ 35, жена 32, у нихъ дочь 8 и сынъ $\frac{1}{2}$ года. Старикъ въ Питеръ не ходилъ. Сынъ плотникъ, пересталъ ходить въ Питеръ изъ-за одиночества, такъ какъ отецъ слабъ.

11) Домъ П. Т. Мать-вдова 60 лѣтъ. У нея дочь 16 лѣтъ. Сынъ 25 лѣтъ, жена 24, у нихъ два сына, 6 и 3 лѣтъ, и дочь 2 лѣтъ. Сынъ горшечникъ и плотникъ, въ Питеръ не ходилъ.

12) Домъ Г. Н. Мать-вдова 70 лѣтъ, сынъ 45, сожительница 40 лѣтъ, у нихъ дочери 8 и 6 лѣтъ. (Сожиельствуютъ болѣе 10 лѣтъ, она—вдова). Ходилъ въ Питеръ, но вернулся по этапу. Ни земли, ни хозяйства нѣтъ, ходятъ оба поденщиками.

Такъ какъ въ этой деревнѣ отходъ незначительный, то на 100 муж. приходится только 108 женщинъ. На сторонѣ только 15,6% всего населенія и 38% мужскаго взрослога. Безъ мужской рабочей силы только 3 дома. Деревня А. составляетъ исключеніе по незначительности отхода. Не дѣлая подробнаго разбора этого *краткаго* описанія 4-хъ деревень, укажемъ только на слѣд. выводъ: *отходъ взрослога мужскаго населенія гораздо значительнѣе, чѣмъ это видно изъ числа взятыхъ паспортовъ.* Изъ всѣхъ 4 деревень, изъ 79 взрослыхъ мужчинъ находятся на сторонѣ 52, т. е. около 66%; поэтому изъ 61 дома 39 домовъ, почти 64%, безъ мужской рабочей силы. *Значеніе женщинъ очевидно,—почему наше названіе „бабьей стороны“ вполне справедливо.* Должны оговориться, что возрастъ жителей проставленъ приблизительно.

Приложеніе № 2. Условіе.

1888 года марта 19, мы нижеподписавшіеся, Костромской губерніи, Солигаличскаго уѣзда, Костромской волости, д. Оглоблина, крестьянинъ Иванъ Ивановъ и крестьянская вдова д. Дятлова той же волости Марья Иванова заключили между собой настоящее условіе въ слѣдующемъ: Я Иванова отдаю Иванову своего сына Петра Петрова, 13 лѣтъ, для обученія малярному мастерству, срокомъ на 3 года, считая таковой съ 15 мая сего года по 15 мая 1891 года, съ платою 25 руб., каковыя деньги Ивановъ долженъ заплатить въ слѣдующіе сроки: по отжитіи мальчикомъ въ ученіи одного года 5 руб., затѣмъ черезъ годъ еще 10 руб. и остальные 10 руб. при выходѣ мальчика изъ ученья, по окончаніи срока. Дорога до С.-Петербурга и обратно, а также квартира, кушанье, банныя и портомойныя расходы, а также одежда верхняя и нижняя съ обувью, кромѣ той, которая дана будетъ мальчику въ дорогу, должна быть на счетъ хозяина Иванова. Въ случаѣ болѣзни мальчика, леченіе его въ теченіе одного мѣсяца (въ другихъ условіяхъ двухъ мѣсяцевъ) должно производиться на счетъ хозяина, остальное-же время болѣзни долженъ заслужить хозяину по окончаніи срока ученья. Я, Иванова, отнюдь не дозволяю сыну моему отходить отъ хозяина ранѣ окончанія срока ученья, равно не дозволяю и родственникамъ увести его отъ хозяина ранѣ условленнаго срока и обязываю сына къ мастерству быть внимательнымъ, безъ дозволенія хозяина никуда не отлучаться, а все приказанія его исполнять честно, точно и быстро. Я, Ивановъ, обязанъ по окончаніи срока ученья, при выходѣ мальчика, дать ему сверхъ установленной цѣны сапоги, рубаху, пальто и фуражку цѣною до 10 рублей, въ чемъ настоящее условіе и должны съ обѣихъ сторонъ хранить свято и ненарушимо. Примѣты мальчика такія-то. Подпись заключившихъ условіе и свидѣтелей.

Уклоненія отъ этой стереотипной формы условій бывають слѣдующія: а) срокъ ученья различенъ въ зависимости отъ ремесла и возраста ученика; б) плата колеблется между 15—40 рублями; в) въ случаѣ

большой платы все бѣлье и обувь на мальчикѣ во все время ученья должны быть на счетъ родителей; д) часть платы тогда выдается впередъ въ задатокъ; е) относительно одежды и обуви, при выходѣ ученика, встрѣчается всего болѣе различій: въ однихъ условіяхъ, какъ въ приводимомъ, точно обозначаются всѣ вещи и цѣна ихъ; въ другихъ говорится „прилично окопировать“, въ третьихъ насчетъ этого вовсе не говорится, такъ какъ здѣсь принято уже, чтобы хозяинъ при выпускѣ ученика одѣлъ его.

Какъ видно изъ этого условія, оно довольно хорошо гарантируетъ мальчика отъ нѣкоторыхъ злоупотребленій, но съ другой стороны прочно приковываетъ его на весь срокъ, въ который хозяинъ и старается выжать изъ ученика все возможное.

Приложеніе № 3. Письма.

1-е письмо. Отъ мужа женѣ.

Милой и любезной моей супруге любви константиновне отъ супруга вашего навсегда любящаго васъ Александра Алексеича первымъ долгомъ свидетельствую мое вамъ супружеское почтение и ниской поклонъ желаю добраго здравія и отъ бога щастія на всегда любезнымъ моимъ детямъ Анне и ольге Александровымъ отоца вашего Александра Алексеича посылаю вамъ свое отцовское благословение и ниской поклонъ желаю добраго здравія и разума присемъ писме пишу вамъ милая супруга любовь константиновна получилъ я отъ васъ писмо и уведоменье ваше видель и вижу, что вы и сейчасъ все желайте мне хорошаго и на меня не сердитесь и за все оное чувствительно васъ благодарю и поверь мне что я сосвоей стороны никогда ни желаю васъ оставить вхудомъ положене и всегда забочусь и сожалею васъ и детей Нашихъ но на все есть провидение всевышняго бога безъ его воли ни можетъ быть ничего еще пишу вамъ о себѣ что я теперъ работаю по малярной по сегодня отработалъ 20 дней и до сегодня питерской водки не пивалъ и выпреть надежусь... на-

валаме (на Валаамъ) я былъ ровно 40 дней и тамъ косилъ три недели и еще пишу вамъ тамъ главную церковь сломали потомъ месте строить очень большой двухъ этажной соборъ ... при семъ пишу вамъ милая и дорогая супруга опиши мнѣ поминаютли о мнѣ Аннушка и оля еще какую ты давно желала книжку именно гражданской Акафистъ иусу христу и божьей матери то я купилъ и какъ поедуть земляки тебѣ пришло ... еще милая любушка поздравляю васъ спастуающимъ днемъ вашего Ангела и желаю вамъ следующей готъ жить лучше па-стоящаго еще прошу васъ нельзяли мнѣ прислать хоть немного белья хоть я здѣсь и купилъ немнога но оно пипрочно А уехалъ я въ чемъ вы сами знаете безпортянокъ заснмъ остаюсь слава богу здоровъ 1888 года сентября 5 Александръ Козловъ Отъ писаря читарю пи-жающее почтенье я со всемъ своимъ роднымъ виделся и соседей всехъ видалъ по нескольку расъ все здоровы и вамъ кланяютца только не видалъ петра петрова а слышалъ что онъ поступилъ на место взиму.

2-е письмо. Отъ мужа жещѣ.

Любезной моей супруги Анни Зиповьевни отъ супруга вашего Полиена Петровича посылаю мое супружеское почтение слобовию пис-кай поклонъ желаю здоровымъ Любезнымъ моимъ детямъ Сергею Алек-сею Полиеновымъ отъ отца вашего Полиена Петрова посылаю свое за-очное родительское благословленіе посылаю по пискому поклону желаю здоровымъ Богодациому тятеньки Зиповью Романову отъ зятя вашего Полиена Петрова желаю здоровымъ. (Затѣмъ еще рядъ поклоновъ род-ственникамъ). Всѣмъ вообще кланяюсь родственникамъ и соседемъ же-лаю здоровымъ. Извещи писать некогда неще уведомляю тебя любез-ная супруга Анна Зиповьевна получила деньги и по пишешь а пос-лать 15 рублей 21 августа а ты пишешь въ деревню а я въ дерев-ню не думаю потому что денегъ мала а безденегъ въ деревне плоха а по вашему предположению благодарю а если въ доме болшой нуж-ды недь то пиши приеду въ деревню Остаюсь живъ и здоровъ Ище уведомляю любезная супруга Анна Зиповьевна и прошу нельзяли прис-

латъ пачьпортьтъ только годовой потому у меня до сроку нехъватитъ Атьсрочька брать нада заплатитъ 4 руб. А естли пачьпортьтъ при- шлешъ годовой и на весну не нада выправлять естли и въ деревню приеду А мпе зимовать неохота охота бы въ деревню но только опи- ши обо всемъ подробно вакова попыче лошадь потому что подьсеосъ (т. е. жеребеноеъ) былъ А я приеду домой думаю нельзяли лесу по- возитъ на воду на домашни расходъ А зимовать не думаю А пачь- портъ пришли потому до сроку нехъватитъ Адъсрочьку дороже А пачь- портъ не пропадетъ и на весну пожалуста опиши поскорей обо всемъ затемъ прощайте буге здоровы Писать некогда пришли письмо поскорей.

По видимому супругъ желаетъ обмануть супругу и, получивши годовой паспортъ, думаетъ остаться въ Питерѣ еще на годъ, а жена хочетъ, чтобы онъ пришелъ домой. Поэтому она, прежде писавшая ему болѣе нѣжныя письма, отвѣчаетъ теперь довольно холодно. Она неграмотная и отвѣтъ ея писанъ подъ диктовку.

3-е письмо. Отъ жены мужу.

Любезному моему супругу Полиену Петровичу отъ супруги Вашей Анны Зиновьевой посылаю съ любовью низкій поклонъ и желаю всего хорошаго. Милому нашему тятенькѣ Полиену Петровичу отъ дѣтей Ва- шихъ Сергѣя и Алексѣя Полионовыхъ посылаемъ низкій поклонъ и просимъ родительскаго благословенія. (Еще рядъ поклоновъ.) Любезный супругъ Полиенъ Петровичъ, ты пишешь, чтобы я тебѣ прислала го- довой паспортъ я паспортъ не пришлю у меня нѣтъ денегъ да и ста- роста видка не даетъ, спрашиваетъ оброкъ. Если деньги вышлешъ, я тебѣ и паспортъ пришлю. Ты просишь, чтобы я тебѣ написала обо всемъ, я тебѣ уже все написала и письмо послала 29 августа. Милый мой супругъ Полиенъ Петровичъ ты спрашиваешь на счетъ лошади, лошадь у меня ничего хороша возку зимой можетъ возитъ. Любезный мой супругъ Полиенъ Петровичъ, ты спрашиваешь о нуждѣ; нужды у меня нѣтъ, и денегъ нѣтъ. Если надумаешь ѣхать въ деревню, то вези денегъ на расходъ, а если останешься зимовать въ Питерѣ, то

побольше пришли денегъ, да гостинцевъ, о которыхъ я тебѣ писала раньше, чтобы намъ не такъ скучно было (два большихъ платка, на сарафанъ и ситцу для дѣтей). Милый мой супругъ П. П., привези съ собой чаю. Прощай, остаемся живы и здоровы, чего и тебѣ желаемъ. Милый мой супругъ П. П., сбура вся изорвалась, такъ что ѣздить нельзя. Если-бы были деньги, то надо скатать сапоги, да и кожаная обутка изорвалась. Да и шерсти набить надо и шубы шить, такъ ты денежки побереги.

Конечно, такое письмо можетъ послать мужу не крестьянка—рабня, а хозяйка, знающая и ведущая все хозяйство; она считаетъ себя равной, даетъ совѣты и заявляетъ требованія.

4-е письмо. Отъ сына родителямъ.—Ему 16 лѣтъ, онъ только въ этомъ году весной ушелъ въ Питерь.

Милостивымъ моимъ родителямъ тятеньки Петру Ивановичу и маменьки Анни Петровнѣ отъ сына вашего рожденного Петра Петровича посылаю свое заочное почтеніе слюбовью низкой поклонъ и желаю быть здоровымъ прошу у васъ заочнаго родительскаго благословенія погробъ моей жизни на вѣки ненарушимое. Любезной моей сестрицѣ Марьѣ Петровни милостивѣйшему братцу Василью Петровичу (ему только 5 лѣтъ) посылаю свое заочное братское почтеніе слюбовью низкой поклонъ и желаю быть здоровымъ Любезному крестнику Алексею Петровичу (только $\frac{1}{2}$ года) крестницѣ Марьи Павловнѣ отъ крестнаго Петра Петровича посылаю свое заочно крестное благословеніе на вѣки нерушимое (затѣмъ еще въ такой-же формѣ 7 поклоновъ крестнымъ отцу и матери, двоюроднымъ сестрамъ и племянницѣ) Уведомляю я васъ тятенька и маменька получилъ я отъ васъ письмо ничего нерозобралъ прошу васъ уведомить обо всемъ домашнимъ положеніи сколь сѣна покосили сколь ржи нажали какова пшеница оъмень и овесъ прошу у васъ зберечь ту пшеницу которую принесъ я прошу васъ письмо будете писать какъ можно полудчи. Уведомляю васъ тятенька маменька что я поступилъ на место 4 руб. месяцъ житье сла-

ва Богу хорошая ни приедаю булокъ вамъ можетъ покажется жало-
ванья мало больше взять негде остаюсь живъ и здоровъ и вамъ того
желаю.

5-е письмо. Отъ родителей сыну.

Милому нашему сыну Петру Петровичу отъ отца вашего П.
И. посылаю низкій поклонъ и родительское благословеніе на вѣки не-
рушимое. Милому нашему сыну П. П. отъ матери вашей А. П. посы-
лаю низкій поклонъ и родительское благословеніе на вѣки нерушимое.
(Затѣмъ слѣдуютъ все тѣже поклоны отъ братьевъ, крестниковъ и пр.)
Уведомляемъ тебя сынъ нашъ милый, сѣна накосили слава Богу до-
статочно. Живу кончили. Ржи нажали 5 овиновъ, овса 5 овиновъ,
пшеницы 2 овина, ячменя 1 овинъ. Начали молотить. Ты пишешь,
сынъ нашъ милый, что перешелъ на другое мѣсто; напиши намъ, на
своёмъ-ли содержаніи или хозяйскомъ. Ты пишешь, сынъ нашъ милый,
что не разобралъ нашего письма; мы недовольны, зачѣмъ ты долго не
писалъ объ этомъ намъ.

Просямъ мы тебя, нашъ милый сынъ, живи по хорошему, денеж-
ки не трать, у насъ богатой родни нѣтъ и помогать некому; въ кар-
ты не играй, трубку не кури и вина не пей, и живи по хорошему.
Остаемся живы и здоровы, чего и тебѣ желаемъ.

Приложение 4. Пѣсни.

Здѣсь записано мной незначительное число—33 пѣсни изъ тѣхъ, которыя поются въ Солигаличскомъ уѣздѣ. Большая часть пѣсенъ въ деревняхъ, даже близкихъ другъ къ другу, поется очень различно: не говоря уже объ отдѣльныхъ словахъ и цѣлыхъ строфахъ, сочиненныхъ различными пѣвцами и пѣвицами, иногда и вся пѣсня представляетъ мало сходства съ той-же самой, записанной въ другой деревнѣ. ¹⁾ Особенно сильно измѣняются мелкія *танцовыя* пѣсни (см. V и XXII, XII и XXI и др.). Всѣ пѣсни дѣлятся на *долевыя*, *танцовыя* и *круговыя*. Долевыя поются дѣвущками въ игрѣ и танцевѣ, это спеціальныя пѣсни для пѣнія; танцовыя и круговыя замѣняютъ музыку и поются во время танцевъ и различныхъ игръ. (Къ долевымъ относятся 1, 2, 3, 11, 19, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32 и 33). Какъ видно, многія изъ танцовыхъ пѣсенъ (напр. VI) не отличаются особымъ смысломъ, а представляютъ наборъ созвучныхъ фразъ, подъ пѣніе которыхъ легко танцовать ²⁾.

Мы должны оговориться, что пѣсни записывались нами *безъ всякаго выбора*, какія только намъ говорили пѣвицы, и однако вліяніе отхожихъ заработковъ очевидно и на сложеніе пѣсенъ. Нужно думать, что большинство пѣсенъ сложилось именно въ нашей отхожей полосѣ. Прежде всего мы видимъ преобладаніе женскаго элемента, такъ какъ громадное большинство пѣсенъ, исключая солдатскія, ведется отъ лица дѣвущекъ и женщинъ. Въ 17 пѣсняхъ такъ или иначе упоминается о Питерѣ, Москвѣ, отъѣздѣ и отсутствіи миленькаго и пр. Разберемъ въ этомъ отношеніи пѣкоторыя изъ пѣсенъ. Въ I-й упоминается Москва; затѣмъ весь конецъ пѣсни, послѣ словъ: „Свою Любушку любить“, содер-

¹⁾ Кромѣ записанныхъ мною пѣсенъ, часть ихъ собрана для меня О. А. Бартеневой, В. А. Рябикиной и А. М. Стуловой, почему и припошу имъ мою искреннюю благодарность.

²⁾ Иногда для пляски не требуется даже и пѣсенъ, а просто повторяются отдѣльныя слова, такъ напр. въ Калужской губерніи пляшутъ подъ повторяемыя безъ конца слѣдующія слова: „Ваня былъ, Ваня не былъ“, или „Изъ трубы-ли, бума, дымъ, дымъ идетъ“ и т. д.

жить описаніе извѣстнаго дѣла Овсяникова и могъ быть, конечно, сочиненъ или занесенъ изъ столицы питерцами. Во II есть указаніе на проводы и на дорогу, которой ѣдутъ питерцы на городъ Даниловъ, Ярославской губерши. Молодець хочетъ свозить дѣвушку въ Петербургъ лѣтомъ, т. е. въ то время, когда здѣшніе мужчины находятся на отхожихъ заработкахъ въ столицахъ. Въ VII говорится, что „уѣхалъ мой миленькій въ городочекъ“. Въ XI указывается на женскую работу: сѣнокосила дѣвушка, а ея милый сидитъ дома и слушаетъ чужія басенки. Въ XIV соединены двѣ пѣсни; первая часть говоритъ объ устройствѣ Москвы и сложена, вѣроятно, въ городѣ или питерцами, а къ ней присоединена и вторая часть — общезвѣстная „по улицѣ мостовой“. Въ XV и XVII осмѣивается крестьянскій сынъ, который, вѣроятно, въ противоположность питерцу, называется дурашнымъ; жена недовольна такимъ мужемъ и старается отъ него отдѣлаться. XVI пѣсня въ своемъ вариантѣ прямо касается отхожихъ заработковъ, этапа, липовой машины и др. Въ XIX миленькій „уѣхалъ въ Питеръ жить“. Въ XXII „миленькій изъ Питера катитъ“. Затѣмъ въ ней и VI пѣснѣ говорится о здѣшней полугородской жизни — самоварѣ, чаѣ и т. д. Въ XXV синовья выписываются изъ Питера для службы въ солдатахъ; въ ней-же описывается гульба въ столицѣ. XXVII, вѣроятно, городская или фабричная пѣсня, записанная и передѣланная здѣсь. Въ XXVIII поется о смерти отсутствующаго миленькаго. Въ XXIX — отъездъ милаго на сторону и горькое положеніе остающейся дѣвушки. Въ XXX — поющій „испрошелъ всю Россію“. XXXII очень любимая здѣсь; пьяные распѣваютъ ее со слезами; вѣроятно, занесена изъ Питера. XXXIII поется мѣщанами, духовными и крестьянками около города. Такъ какъ мѣщане тоже ходятъ въ столицы, то и здѣсь описывается разставанье съ милымъ, „пышный градъ“.

Вообще женская доля, судя по приведеннымъ пѣснямъ, является очень незавидной въ описываемой нами *бабьей сторонѣ*: главный интересъ пѣсень вращается около проводовъ, разставанья, отыскиванья

„слѣдовъ“ милаго, проживанія „миленькихъ дружковъ“ въ городахъ, столицахъ, гдѣ они, конечно, часто забываютъ о своихъ милыхъ подружкахъ или присылаютъ оттуда „письма—грамотки“ съ черными печатями. Разставаясь съ милымъ, „не найдя его слѣдочку“, „живя одна-одишешелька“, читая „письмо-грамотку съ черной печатью“, много слезъ проливаютъ крестьянская дѣвушка и женщина... льются эти слезы безъ конца... и будетъ ли когда-либо конецъ этому морю изъ слезъ?! Не правятся здѣшнимъ дѣвушкамъ и крестьянскіе женихи, живущіе постоянно въ деревнѣ; онѣ величаютъ этихъ жениховъ „дурашными“ и всячески издѣваются надъ ними:

Пусть осинушка качается,

Мой дуракъ-то величается!

Поэтому вполне естественно, что здѣшнія дѣвушки должны любить свою дѣвичью волю, воспѣванію которой и посвящены 8, 20 и другія пѣсни. Называется она „дорогой волюшкой“, „аленькимъ цвѣткомъ“, „лазоревымъ цвѣтомъ“, „красой поля“. Не даромъ молодухи (молодыя замужнія женщины) заплакали и наказывали дѣвушкамъ красоваться и беречь свою волю (пѣсня 20). Хотя и несчастлива женская доля, однако мы не встрѣчаемъ въ пѣсняхъ жалобъ на жестокое обращеніе, побои, тогда какъ пѣсни болѣе глухихъ „некультурныхъ“ мѣстностей переполнены этими жалобами...

У насъ собрано очень немного пѣсенъ, и къ тому же мы не имѣли въ виду—представить всю жизнь здѣшняго населенія въ пѣсняхъ. Но и собраннаго оказалось достаточно, чтобы составить себѣ довольно ясное представленіе о женской долѣ отхожаго края. По этому я думаю, что специалистъ, который вмѣстѣ съ изученіемъ края посвятилъ-бы нѣкоторое время для изученія и собиранія здѣшнихъ пѣсенъ, не потерялъ бы времени даромъ: получилась бы прекрасная, стройная картина здѣшней внутренней и отчасти внѣшней жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе многихъ такихъ сторонъ жизни, которыя другимъ путемъ изучить довольно трудно.

Что за чудная за парочка,
 Что не мужъ съ женой,
 Да не братъ съ сестрой,
 Что не голубъ со голубушкой,
 Добрый молодець со дѣвушкой.
 Кабы эта-то голубушка
 За голубемъ была,
 Кабы эта-то дѣвушка
 За молодецемъ жила,
 Я-бы золотцомъ украсилъ,
 Жемчугомъ унизалъ,

Я-бы дѣтнею порою
 Въ Петербургъ городъ свозилъ;
 Я-бы зимнею порою
 На саняхъ прокатилъ,
 На Казанскихъ саняхъ,
 На ямскихъ лошадахъ.
 Какъ на кучерѣ кафтанъ
 Хорошо очень убранъ,
 На дѣвицѣ сарафанъ
 Изъ золота весь сотканъ.

III.

Какимъ я несчастнымъ на свѣтѣ рожденъ:
 Въ одну я влюбился, она не вѣрна...
 Какъ зорко смотрѣла она мнѣ въ лицо
 И молча надѣла на ручку кольцо.
 Надѣвши, сказала: „златое кольцо,
 Златое, литое на память дано“.
 Кольцо потускнѣло, и дѣва моя
 Съ другимъ улетѣла въ далеки края!
 Съ тѣхъ поръ я несчастнымъ брожу сиротой,
 Смотря на колечко, все плачу объ ней,
 Все плачу, рыдаю по милой своей.

IV.

Рябинушка, ты кужлявая,
 Ты кужлявая, молодаявая,
 Ты когда росла, когда выросла?
 Я весной росла, лѣтомъ выросла...

Подъ тобой-ли подъ рабинушкой
 Что не макъ цвѣтеть, не огонь горить,
 Что кипятъ и горить
 Сердце молодецкое,
 Молодецкое да офицерское.
 Передъ нимъ стоитъ радость-дѣвица,
 Она стоитъ, да слезы ронить,
 Рѣчь ему молвить.

V.

Перво дѣлечко не смыслила,
 Самовара не почистила.
 Самоваръ поставила, не долила,
 На подносѣ милому чаеъ налила,
 На подносѣ милому поднесла:
 Миленькій, покушай,
 Да меня барышню послушай!

VI.

Милашка, миленочекъ,
 Доведи меня до елочекъ!
 Провожала поле все, поле все,
 Разказала горе все, горе все,
 Одно горюшко не высказала,
 Изъ солдатиковъ не выкупила.

VII.

Цвѣли въ полѣ цвѣтики,
 Цвѣли да повяли; -
 Любилъ мальчикъ дѣвушку,
 Любилъ да спокинулъ.

За што, про што, милый мой,
 Меня спокладаешь?
 Сама Маша про то знаешь,
 Про то знаешь, про то вѣдаешь.

Илл.

Спокинуть, душа моя, ненадолго
 На малое времячко, на часочекъ,
 Часочекъ-то кажется за денечекъ,
 Денечекъ кажется за недѣлю,
 Недѣлюшка кажется за мѣсяцъ,
 Мѣя-то мѣсяцъ за годочекъ;
 Убѣхалъ мой миленькій въ городочекъ,
 А я красна дѣвица за нимъ не гонилася,
 Гонится душа моя да за мною,
 За моею за красотою,
 За моею за русою за косомъ.

VIII.

Цвѣди въ полѣ цвѣтиви—
 На травѣ въ полѣ краса,
 Гуляйте, голубушки,
 Поколь воля есть.
 У отца, у матери
 Въ нѣгѣ жить хорошо;
 Пойте, дѣвушки, пѣсенки
 Дома въ новой горницѣ,
 Къ вамъ прѣдетъ суженый!
 Будемъ тише распѣвать,
 Дорогую волюшку
 Будемъ честно содержать.
 Воля краснымъ дѣвушкамъ,
 Какъ лазоревъ цвѣтъ,
 Гуляйте, голубушки,

Пока воля есть.
 Подумайте, дѣвушки:
 Воля дѣвья дорога,
 Дорогая волюшка—
 На травѣ въ полѣ краса!
 Кто сорвать осмѣлится
 Съ травки аленькій цвѣточекъ?
 Мой миленькій женится,
 Не назовутъ ужъ молодцомъ.
 Вся воля минуется
 Съ сизымъ голубкомъ:
 Голубочка сизаго,
 Одного его цѣлую,
 Милъ-ли, не милъ-ли,
 Одинъ-же на умѣ.

IX.

Снѣжки, вы бѣлые,
 Бѣлые, пушистые,
 Призакрыли всѣ поля,
 Одно поле не покрыто
 Ради горя моего.
 Среди поля кусточекъ
 Зеленешенекъ стоитъ,
 На кусточѣ есть листочки,
 Вѣтви клонить до земли.
 Гдѣ вѣтву наклонить,

Тамъ снѣгъ растаетъ,
 Тутъ и выростетъ трава.
 Кто этотъ цвѣточекъ осмѣлится
 сорвать,
 Тотъ прекрасный человекъ;
 Кто жениться не желаетъ,
 Тотъ счастливый человекъ;
 Кто любви не знаетъ,
 Безъ заботы вѣкъ живетъ!

X.

Груня, Груня, Грунюшка,
 Свѣтъ моя, голубушка,
 Что ты, Груня, сдѣлала,
 Милаго прогибала?
 Люблю Ваню нѣжно,
 Какъ-же Ваню не любить:
 Во карманчикѣ бряничить.
 Милъ за стоечкой стоять,
 Зеленое вино пить,
 Зеленое, не простое...

Жена барыня вѣтъ,
 Мужа пьяницей зоветъ:
 Ахъ ты, пьяница-мотушка,
 Все ты прошилъ, промоталъ
 Все мое приданое:
 Шитое и браное,
 Шитое и браное,
 Сарафаны тваные,
 Отъ батюшки даные.

XI.

Эко сердце, эко бѣдное мое,
 Полно сердце во мнѣ ныть и занывать;
 Моему сердцу покойну не бывать,
 Безъ покойчику я дѣвченка не могу,
 Не могу, съ горя въ постелюшки лежу!
 Что болить, шумить моя буйная голова,
 Не глядятъ на свѣтъ веселые глаза,
 Днемъ не видятъ съ неба солнечныхъ лучей.
 Изъ лучей, лучей туманецъ выпадалъ,
 Изъ туманцу частый дождичекъ идетъ.
 Дождь убилъ, примочилъ шелковую траву,
 Примялъ травинку подъ самый корешокъ.
 У милого дружка за рѣчкой сѣнокосъ,
 Сѣнокосила радость дѣвица—душа.
 Не беретъ-то и не косить
 Моя укладная коса,
 И припотѣла радость дѣвица—душа:
 Новый розовый сарафанчикъ

По улицѣ мостовой
 Шла дѣвица за водой,
 За холодной ключевой, —
 За ней парень молодой
 Кричить: „дѣвица, постой,
 Красавица, подожди,
 Бѣлы ручки подожди,

Пойдемъ вмѣстѣ за водой,
 За холодной, ключевой“!
 Ужь ты, парень, паренекъ,
 Не кричи во весь народъ:
 Мой папаша у воротъ,
 Зоветь меня въ огородъ
 Чесноку — лузу полоть.

XV.

Вышла дѣвушка замужъ
 За крестьянскаго сына;
 Крестьянскій сынъ дурашень:
 Пашенки не пашеть,
 Только рученьки назадъ ходить!
 Машенька не глупа:
 Проводила дурака,
 Посередь поля проводила,
 На осину повѣсила,

На тонкую, на высокую.
 Пусть осинушка качается,
 Мой дуракъ-то величается!
 Пусть осина переломится,
 Мой дуракъ-то оббръвется:
 О шилицу весь исколется,
 О крапивушку обджжется!
 Распроклятая осинушка,
 Ты зачѣмъ мужа извела моего?

XVI.

Мимо нашего сѣленья
 Телеграмму провели,
 А Ивана Петрова
 Во солдаты провезли.
 Посадили въ лодочку,
 Отправили въ лагери.
 Отправляли въ лагери,
 По нимъ дѣвки плакали....
 Изъ лагерей-то въ Москву,
 Сестрицы бросились въ тоску.
 Вы не плачьте, дѣвушки,
 По намъ по рекрутамъ:
 Что не ваши косы рѣжутъ,
 Наши русы волосы.

Вариантъ:

А Ивана Петрова
 По этапу привезли,
 Что по липовой машинѣ,
 Во старыхъ сапогахъ....

XVII.

Много въ саду вишеня,
 Много садоваго!
 Люблю, люблю дѣвицу,
 Люблю веселую,
 Которая дѣвушка
 Весело гуляетъ,
 Весело гуляетъ,
 Нѣжно выступаетъ!
 Тамъ за рѣкою,
 Здѣсь за Невою
 Стояла береза,
 Бѣла кудревата.
 Подъ этой березкой
 Дѣвушка плачетъ,

Дѣвушка плачетъ,
 Слезно възрыдаеть:
 Хочетъ меня тятенька
 Замужъ выдавать,
 Замужъ выдавать
 За крестьянскаго сына:
 Крестьянскій сынъ дурашень,
 Онъ много пашни пашеть,
 Много засѣваетъ.
 Борозды глубоки,
 Загоны широки,
 Серпы-то тупые,
 Жнецы-то худые.

XVIII.

Послѣдній часъ разлуки
 Съ тобой, мой дорогой,
 Не вижу кромѣ скуки
 Утѣхи никакой.
 Ничто меня не тѣшитъ,
 Ничто не веселитъ,
 Одна моя утѣха
 Милъ плакать не велитъ.
 Гуляла я въ садочкѣ,
 Гуляла въ зеленомъ
 И, не найдя слѣдочку,
 Садилась подъ кустомъ;
 Садилась подъ кусточкомъ
 На мягкую траву,
 На мягкую травинку,

Подъ яблонь зелену.
 Летали двѣ голубки
 По саду зелену,
 Одна сѣла на вѣтку,
 Другая на цвѣтокъ.
 Она съ цвѣтка вспорхнула
 Ко мнѣ на бѣлу грудь,
 А я млада вздохнула
 По миломъ по своемъ:
 Гдѣ милый, гдѣ хорошій,
 Сережа пастушекъ?
 Ходилъ гулялъ Сережа
 На кругый бережокъ,
 Поигрывалъ Сережа
 Въ серебряннй рожокъ.

XIX.

О чемъ, милая моя, тоскуешь,
 Что сдѣбалось съ тобой?
 Развесели ваши глазки
 На меня не поглядятъ?
 И уста ваши прокрасны
 О любви не говорятъ!
 Дай-же, милая, праву ручеу,
 Приложи къ груди моей...
 Ты почувствуй, другъ любезный,
 Сердце бьется какъ во мнѣ!
 Слышу: замерло, заныло,
 Какъ сказали друга нѣтъ,
 Нѣту, нѣтъ дружка милого,
 Знать уѣхалъ въ Питеръ жить.

Шла по берегу крутому,
 Слѣдовъ милого ища,
 Не найдя слѣдовъ милого,
 Я заплакала, пошла.
 Мнѣ на встрѣчу двѣ подружки
 Раздушевные мои,
 Отвѣчали мнѣ подружки:
 Задушевный кончалъ
 жить... *Или:*
 Если-бъ врылышки Не вѣлѣ тебѣ
 имѣла, дѣвцѣ
 То слетала-бы къ Ни плакать, ни
 нему. тужить

XX.

Выходили красны дѣвушки
 Весной гулять на улицу;
 Выносили раскрасавицы
 Соловьѣшкѣ на рученькахъ.
 Соловьѣшка посвистываетъ,
 Красны дѣвушки гулять ушли...
 Всѣ молодушки заплакали,
 Краснымъ дѣвушкамъ наказывали:
 Покрасуйтесь, дѣвушки,
 Пока воля у родителей,
 У желаннаго у тятеньки,
 У кормилицы у маменьки.
 Не въ равны насъ люди выдадутъ.
 Неравно злодѣй достанется,

На мою шею давянется;
 Либо ворогъ—горькій пьяница,
 Либо ровнюшка - ломливый мужъ:
 Онъ заставитъ раздѣвать,
 разувать,
 Приневолитъ въ ноги кланяться,—
 У него-то ноги грязныя,
 У меня-то лицо бѣлое.
 Либо старый мужъ удушливый,
 Ужъ я стараго утѣшала
 Среди поля повѣшала,
 А сама съ молодымъ
 Гулять пошла!

XXI.

При селѣ была контора,
 Сидѣлъ писарь молодой.
 Не одинъ господинъ, съ лебедушкой бѣлой!
 Пишетъ писарь въ три пера...
 Не одинъ господинъ, съ лебедушкой бѣлой!
 Отойдите отъ меня!

Отойдите отъ меня:
 Мнѣ контора не мила!

Мнѣ контора не мила,—
 Лишь-бы дѣвица была.

Вдругъ контора растворилась,
 Къ нему дѣвица явилась.

Среди круга становилась,
 Всѣмъ приказнымъ поклонилась.

На особожу одинъ:
 Здравствуй, писарь господинъ.

На то дѣвица смѣла:
 Съ собой писаря взяла.
 Вдоль бесѣды провела,
 Поклонъ низкій отдала.
 Не одинъ господинъ, съ лебедушкой бѣлой!

XXII.

Вышла замужъ на 17 году,
 Вышла замужъ ни за стара, ни молода,

Самоваръ поставила, не долила,
 Еще дѣлечко не смыслила,
 Самовара не почистила.
 Не успѣла самовара вскипятить,
 Мой-то миленькій изъ Питера катить,
 Онъ катить, катить, посвистываетъ,
 Въ баладаечку наигрываетъ

.

XXIII.

Проторенная дорожка
 Изъ конторы подъ окошко, —
 Отверой, милая, окошко,
 Либо выйди, либо выглянь,
 Либо бѣлы ручки выдай!
 Я пришелъ къ тебѣ не рано,
 Принесъ добраго не мало:
 Я изюма ради думы,
 Винограду для погляду,
 Еще золото колечко, —
 Взвесели мое сердечко!
 Вечоръ дѣвицу били за тебя,
 За тебя за удалаго молодца.
 Противъ моего краснаго окна
 Пролежала путь—дороженька торна,
 Знаю, знаю, кто дороженьку торилъ:
 Холостой мальчикъ ко дѣвущкѣ ходилъ.
 Онъ ей золото и серебро носилъ,
 Безъ размѣра сладкой водочкой поилъ,
 Безъ расчёту золотой казной дарилъ.
 Не мила мнѣ сладка грушица въ саду,

Вижуся съ миленькимъ одинажды въ году.

Я въ году-то съ нимъ милешенька

Пройду съ миленькимъ тихошенько,

Поклонюся я низешенько.

Я не знаю, къ чему дружка примѣнить,

Его бѣлое лицо оцѣнить:

Лицо бѣлое — бѣленькій свѣжокъ,

Щечки аленькія — розовый цвѣтокъ,

Со бѣла лица на барина похожъ.

XXIV.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей,
Зачѣмъ рано встаешь,
Голосисто поешь,
Машъ спать не даешь?
Я, Машенька, весела,
Три ноченьки не спала,
Не спала такъ не спала,
Дружка милаго ждала,
Я ждала, таки ждала,
Долждатися не могла.
Дожилая спать одна
На диванъ противъ окна,
На диванѣ противъ Вани...

Противъ милаго дружка.
Не слыхала молода,
Какъ темна ночка прошла!
Только слышала молоденька:
Милый улицей идетъ,
Весело пѣсни поетъ;
Къ широку двору подходитъ,
Онъ посвистываетъ,
За колечушко брячитьъ,
Таки рѣчи говорить:
Дома, дома-ли, любезная моя,
Кабы дома-то была,
Вышла-бъ, встрѣтила меня!

XXV.

Мы во Питерѣ живали
По питейнымъ по домамъ;
Намъ родители писали,
Чтобы ѣхали въ домамъ:

Ваша очередь — рекрутство,
Поспѣшайте поскорѣй!
Три братейника собирались
Вдоль по Питеру гулять:

Зайдемъ въ улицу ямскую,
 Найдемъ троечку лихую,
 Молодаго ямщика!
 Молодой кучеръ Ванюша
 Правиль троечку возжей...
 Летить троечка ямская
 Со несчастнымъ сѣдокамъ,
 Со несчастнымъ сѣдокамъ,
 Съ молодымъ рекрутамъ.
 Тройка скачетъ, ямщикъ плачетъ,
 Сѣдоки пѣсни поютъ.
 Близко къ дому подѣзжали,
 Залились горько слезами,

На почтовый новый дворъ,
 Въ домъ родительскій ступали:
 За-мертво упала мать!
 Нашъ отецъ старичекъ старый
 Осередь полу стоитъ,
 Во слезахъ рѣчь говоритъ:
 Ахъ вы, дѣти, мои дѣти,
 Дѣти родныя мои,
 Киньте жеребій скорѣе,
 Кому рекрутомъ идти?
 Доставалось меньшому
 Ванѣ бравому молодцу.

XXVI.

Кто ходитъ подольно?
 Казакъ молодой.
 Льетъ слезы дѣвица
 Надъ быстрой рѣкой.
 О чемъ, дѣвица, плачешь,
 О чемъ слезы льешь?
 Какъ-же мнѣ не плакать,
 Какъ слезъ не ронить:
 Смѣло мою ручку
 Цыганка брала,
 Смотрѣла на ручку,
 Шатая головой:
 Быть тебѣ, дѣвица,
 Во быстрой рѣкѣ.
 Миленькій сказалъ:
 Дѣвушка, не плачь,

Я выстрою мостъ
 На тысячу верстъ;
 Чугунныя плиты
 Стучать и брочать,
 Весь поѣздъ съѣхался,
 Всѣ конюшны въ рядъ.
 Одинъ конь споткнулся,
 Лишь онъ съ дѣвушкой въ рѣку!
 Казакъ воскликнулъ
 Своимъ бѣлымъ рукамъ:
 Подайте мнѣ гусли,
 Подайте звончаты,
 Размышлю я горе
 Надъ быстрой рѣкой,
 Надъ быстрой рѣкой,
 Надъ милой своей!

XXVII.

Какъ понравился дѣвченкѣ изъ Саратова купецъ,
 Чернобровый, круглолицый Ваня, статный молодець.
 Точно голубь за голубкой, онъ ухаживалъ за ней,
 Подарилъ атласну шубку, съ ручки перстень золотой.
 Мамашѣ дочка говорила: одного его люблю,
 Люблю, люблю, любить я буду, не забуду никогда!
 Я Ванюшу не забуду, въ какой-бы ни былъ онъ странѣ.
 Онъ поѣхалъ, не простился, побывать хотѣлъ ко мнѣ.
 Мамаша дочкѣ говорила: смотри, дочка, берегись,
 Не будь въ любви такъ тороплива, въ клѣточку не попадись.
 Одна бѣдняжка вышла замужъ, была окружена дѣтьми:
 Одинъ кричитъ: мамаша, чаю, другой кричитъ: я спать хочу!
 А мужъ, какъ демоупъ, на диванѣ: жена, дай трубку съ табакомъ!
 Одного спать я уложила, другому чаю налила,
 А мужу трубку набила и съ почтеньемъ подала.
 О, Боже мой! какая скука, я лучше-бъ съ маменькой жила,—
 Бѣдняжка послѣ говорила, когда судьбу свою клала.
 Подай-ка, Ванюшка, гитару, я съ горя пѣсенку спою
 Про счастливыхъ и несчастныхъ, про долю горькую свою!

XXVIII.

Не сырой-то дубъ
 Безъ огня горитъ,
 Мой-то милый другъ
 Безъ вины бранить
 Я пойду, спрошу:
 Чего надобно?
 Чаю, кофею,
 Сладкой водочки?
 Мнѣ не надобно
 Чаю, кофею;

Принеси, душа,
 Холодной воды,
 Холодной воды
 Со Дунай—рѣки!
 Ужь я дѣвушка
 За водой пошла,
 За водой пошла,
 Цѣлый часъ я шла,
 Другой медлила,
 Третій черпала,

На четвертый часъ
 На гору взшла,
 Письмецо нашла,
 Запечатано черной печатью.
 Распечатала, сама плакала....
 Пишетъ миленькій
 Письмо - грамотку,
 Письмо — грамотку,

Вѣсть нерадостну:
 Будто-бъ мой милой
 Во постелю слегъ,
 Но постелюшка —
 Съ неба бѣлый снѣгъ,
 Одѣялечко-гробова, доска,
 Изголовьице синь-горючь-камень!

XXIX.

Экой, Ваня, разудала голова,
 Разудалая головушка твоя!
 Сколь далече отъѣзжаешь отъ меня?
 На кого ты спокидаешь, другъ, меня?
 Съ кѣмъ я буду эту зиму зимовать,
 Съ кѣмъ я стану лѣто красное гулять?
 Гуляй, гуляй, моя милая, одна, —
 Я уѣду, не приѣду года два.
 Милый Ваня! что ты сдѣлалъ надо мной?
 Ты оставилъ ни дѣвицей, ни вдовой,
 Ты оставилъ меня круглой сиротой.

XXX.

Полно, милая, кручиниться тайнымъ сердцемъ обо мнѣ.
 Не пора-ли намъ открыться? Скажемъ людямъ и себѣ:
 Время важное проходить, протекутъ драгіе дни,
 Протекутъ драгіе дни, придутъ горькіе часы.
 Придутъ горькіе часы, разовьются всѣ власы,
 Разовьются, расплетутся, что ни въ самый жаркій день!
 Всю Россію испрошелъ, да лучше, краше не нашелъ;
 Есть получше, есть покраще, да милѣе сердцу нѣтъ:
 Безъ бѣлили лицо бѣло, да безъ румянъ щечки алы!

Саша, другъ неоцѣненный, когда забуду я тебя?
 Когда закроются глаза и призакроютъ мое тѣло
 Тонкимъ бѣлымъ полотномъ, и призасыплютъ очи ясны
 Синь-горючимъ камешкомъ.

XXXI.

Вспомни, вспомни, другъ любезный,	А мнѣ младѣ черныи гробъ,
Нашу прежнюю любовь:	На тебя вѣнцы надѣнуть,
Какъ съ тобой мы общались	Надо мной свѣчи зажгутъ,
Вѣчно другъ друга любить!	Поведутъ вокругъ наложь,
А теперь-то что случилось?	Надъ милой рыдать начнутъ;
Въ одинъ часъ другъ измѣнилъ.	Ты изъ церкви, меня слѣдомъ
Измѣнилъ священну клятву,	За тобою понесутъ...
Самъ женился на другой.	Какъ поѣдешь, другъ сердечный,
Ты женись, женись, другъ милый,	На могилушку зайди,
Дозволяю я тебѣ;	На могилѣ ты увидишь
И сама при этомъ дѣлѣ	Золотые литера,
Измѣню, милой, тебѣ:	Прочитаешь и узнаешь,
Подадутъ тебѣ карету,	Чѣмъ милая померла.

XXXII.

Разбулатъ удалой, бѣдна саекля твоя,
 Золотою казной награжу я тебя,
 Дамъ винтовку свою и кинжалъ дорогой,
 Воропаго коня съ кабардинскимъ сѣдломъ.
 А за это за все ты жену мнѣ отдай:
 Ты ужъ старъ, ты ужъ сѣдъ, ей съ тобой не житье,
 На зарѣ юныхъ лѣтъ ты погубишь ее!
 Было тихо въ ночи и свѣтила луна,
 Подъ чинарой густой мы сидѣли вдвоёмъ,
 Мы смѣялися съ ней надъ твоей сѣдиной,
 Она Богомъ клялася, что не любитъ тебя,
 Она мнѣ отдалась до послѣдняго дня.

Береги, князь, казну и богатство себѣ,
 А невѣрну жену отдамъ даромъ тебѣ!
 Встань, поди, посмотри на невѣсту свою:
 Она въ сакль моей спить съ кинжаломъ въ груди!
 Я глаза ей закрыль, утопая въ слезахъ,
 Поцѣлуй мой застыль у нея на устахъ!

XXXIII.

Сельская дѣвушка тужила,
 Нѣжно сердце потерявъ,
 И, рыдая, говорила:
 Сколь, любезный мой, неправъ! (bis)
 Часть души моей невинной
 Онъ оставилъ мнѣ съ тоской,
 А другую половину
 Въ пыльный градъ увезъ съ собой. (bis)
 Звѣри люты согласились
 Сердце дѣвушки терзать;
 Небеса ожесточились...
 Какъ не плакать, не рыдать! (bis)
 Здѣсь прохладная могила
 Скроетъ прахъ мой, жизнь губя....
 Ты узнаешь, какъ любила
 Сельская дѣвушка тебя.

Замѣченныя опечатки и поправки.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
2	10 снизу	молудухи	молодухи
3	12 сверху	тоже	чаще
11	2 снизу	тоже	только
53	6—7 снизу	принесемъ "	проньемъ "
76	10 сверху	даже	далеко
83	6 сверху	врозь	врозь—
93	14 сверху	питертика	питерцика
108	10 снизу	пробочкикъ	пробочникъ
120	5 снизу	пермѣнился	перемѣнился
129	1 снизу	ни за стара	ни стара
131	13 сверху	молоденька	младенька
132	1 (сверху) строка праваго столбца	слѣдуетъ 2-й стро-	кой лѣваго столбца.
133	15 сверху	трубку	трубочку
135	9 сверху	Надъ милой	Надо мной
